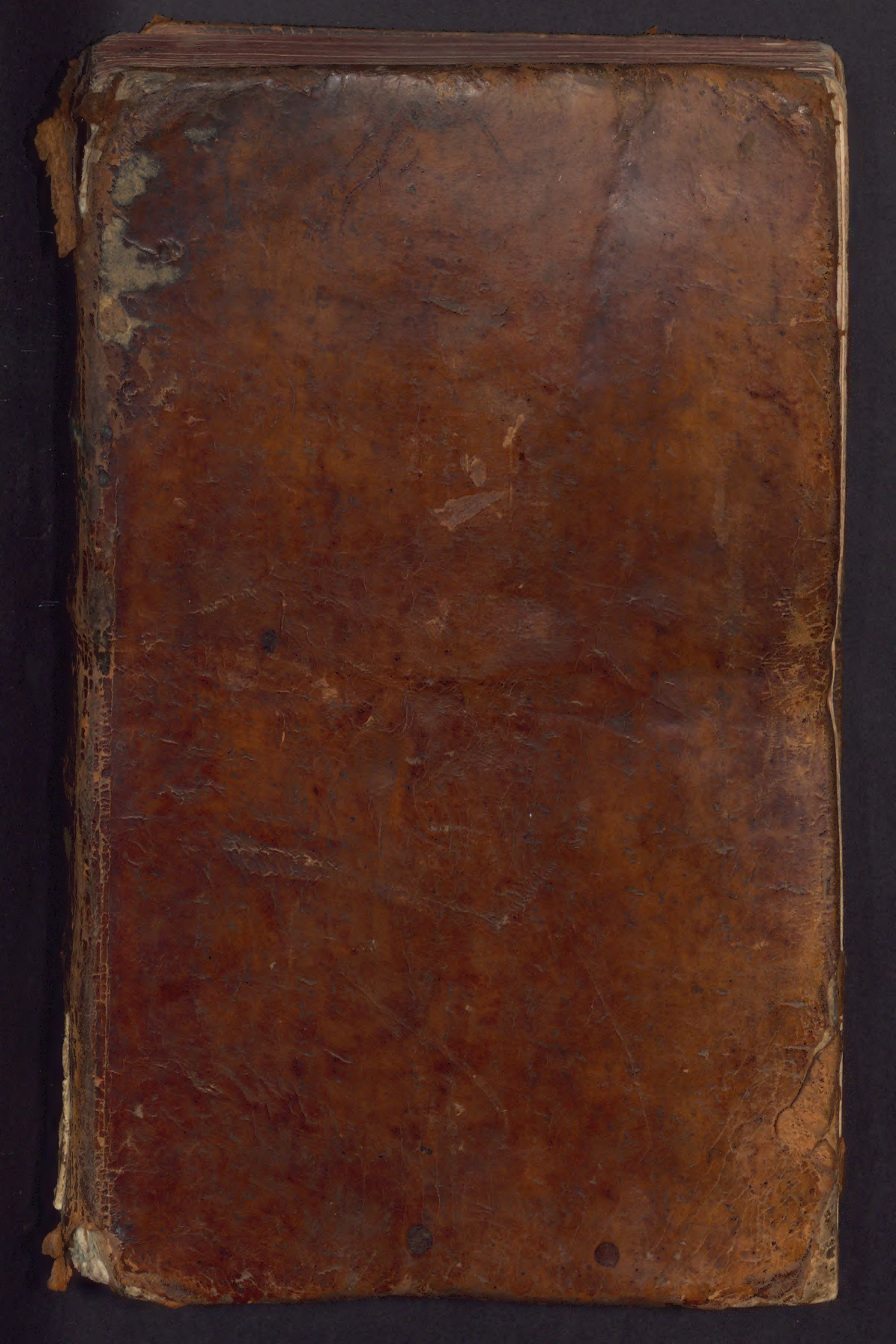

180
290
4.70

дана адинъ рубль
уникищева впостѣ

ІСТІННОЙ ХРІСТІЯНІНЪ

И ЧЕСТНОЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

то есть;
СОЕДІНЕНІЕ ДОЛЖНОСТЕЙ ХРІСЬТІЯН-
СКИХЪ, СЪ ДОЛЖНОСТЬМИ
ЖІТІЯ ГРАЖДАНСКАГО

ІЗДАЛЪ сію книгу, Французской
АББАТЪ БЕЛЬ-ГАРДЪ
въ 1697 году.

А на Россійской языкъ перевелъ
Сергѣй Волчковъ.
въ 1743 году.

нынѣ
ВТОРЫМЪ ТІСНѢНІЕМЪ
НАПЕЧАТАНА.

При ИМПЕРАТОРСКОМЪ Сухопутномъ Шляхетномъ Кадетскомъ Корпусѣ.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ
1770 года.

КЪ ЧИТАТЕЛЮ.

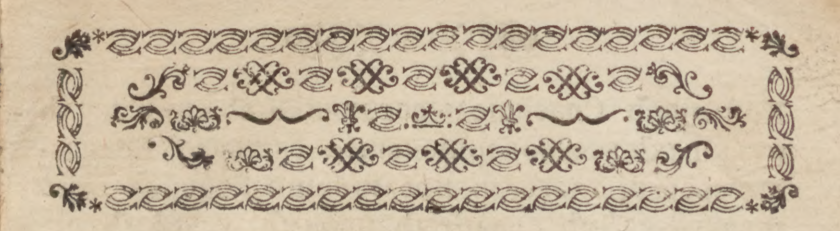
Сочинитель сей книги французской Аббатъ (Игуменъ) Бель - гардъ разными своими въ печать изданными трудами такъ прославился, что Европа съ превеликимъ желанїемъ и охотою оные приняла. А какъ уже сей славной мужъ тягость старости своей съ болѣзньми почувствовалъ, то всякой письменной трудъ оставя, принялъ намѣренїе достальные дни добродѣтельной жизни своей въ покоѣ и безмятежно препроводить.

Сїя спокойная и уединенная жизнь подала ему тѣмъ большїй способъ къ наилучшему разсмотренїю сердца человѣческаго. Чѣмъ основательнѣе сїи разсужденїя въ мысль ему приходили, тѣмъ яснѣе онъ ихъ на письмѣ изобразивши, подумалъ, что роду человѣческому особливая изъ того польза произойдетъ, реченныя свои разсужденїя въ надлежащей порядокъ приведши, на главы раздѣлилъ. Весь сей трудъ касался до важнѣйшихъ должностей житїя Христїянскаго и гражданскаго, которыя творятъ Истиннаго Христїянина и честнаго человѣка. А всѣ реченныя разсужденїя произошли отъ долговременнаго его искусства и обхожденїя съ свѣтомъ. Того ради намѣренїе взято, сїю книгу и на Россїйской театръ произвесть въ такой надеждѣ, что читатели оную толь благосклоннѣе примутъ, когда сѣдинами старости и долголѣтнымъ искусствомъ украшенной издатель

тель въ познанїи сердца человѣческаго ревностное старанїе прилагалъ; а въ тайнѣйшихъ онаго движенїяхъ и перемѣнахъ ищетъ причины и начала многимъ такимъ дѣламъ, которыхъ человѣкъ самъ не знаетъ и не чувствуетъ, но только уже по происходящимъ изъ сихъ дѣлъ слѣдствамъ со временемъ увидитъ.

Въ сей книгѣ можно усмотрѣть, съ какою исправностью и нѣжностїю реченной же издатель тѣ причины разсматриваетъ, которыми дѣла человѣческїя управляются; а притомъ показываетъ способы ко убѣжанїю и ко исправленїю погрѣшностей во мнѣнїи и въ поступкахъ, такъ что сїи способы ни правилъ христїянства, ни обхожденїя не вредятъ. Однимъ словомъ сказать: вся его книга въ такихъ изрядныхъ на вѣрѣ Христовой и на здравомъ разумѣ основанныхъ правилахъ толь твердо состоитъ, что никакая сила злыхъ временъ и лукавыхъ дней сихъ его правилъ поколебать не возможетъ. Сколько книгъ помянутаго издателя на свѣтъ ни вышло, однако сїя всѣ его труды такъ превосходитъ, что объ ней по справедливости сказать прилично и должно.

КОНЕЦЪ, ВСѢМЪ ТРУДАМЪ ВѢНЕЦЪ.

ИСТИННОЙ ХРИСТІЯНИНЪ И ЧЕСТНОЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Воздадите Кесарева Кесареви, а

Божїя Богови.

Сїя у Евангелиста Святаго Луки въ главѣ двадесятой положенная рѣчь изъясняетъ не многими словами силу ученїя Господа и Спаса нашего *Іисуса Христа*; и съ первѣйшаго виду представляетъ истинное мнѣнїе о справедливости всего того, что въ сей книгѣ содержится.

Христосъ Спаситель соединилъ въ сихъ двухъ пунктахъ все совершенство святаго Евангелія своего, глаголя: Возлюбиши Господа *Бога* твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ, и всѣмъ помышленіемъ твоимъ, и ближняго своего яко самъ себе. Потомъ: Воздадите Кесарева Кесареви, а *Божія Богови.* Въ сихъ словахъ всѣ должности истиннаго Христіянина и честнаго человѣка замыкаются. Христіянинъ больше всего старается о исполненіи должностей касающихся до *Бога* , и до служенія Ему; а честной человѣкъ тщится всѣ тѣ благопристойности дѣйствомъ исполнить, которыхъ свѣтъ отъ него требуетъ по чину и состоянію его. Что до служенія *Богу* касается, то все должны мы въ совершенномъ почтеніи имѣть для онаго превысочайшаго величества, которое мысль и память человѣческую природнымъ почтеніемъ со страхомъ и трепетомъ наполняетъ. А понеже люди съ другой стороны члены общества гражданскаго и политическаго, то они еще другія обязательства имѣютъ къ полученію дружества и почтенія отъ подобныхъ себѣ; и дабы съ ними во всегдашнемъ и совершенномъ согласіи жить. *Христосъ* Спаситель положилъ въ святомъ Евангеліи своемъ такое правило, которое всѣ мои намѣренія по видимому опровергаетъ. *Сынъ Божій* именно глаголетъ: Не можете *Богу* работати, и мамонѣ. (то есть свѣту) Сіи два господина таковы, что служба имъ весьма различна ,

и

и между собою почти ни въ чемъ не сходна. Не довольно того, чтобъ быть честнымъ человѣкомъ, по мнѣнїю свѣтскому для полученїя истинныхъ и вѣчныхъ благъ съ наслѣдованїемъ той не кончаемой славы, которую *Христосъ Богъ* нашъ вѣрующимъ во святое имя свое, а особливо творящимъ заповѣди, и хранящимъ законъ Его, непреложно обѣщалъ; но надобно еще къ тому Господа *Бога* всею душею, и надъ вся въ свѣтѣ любить. Ежели человѣкъ такое намѣренїе о *Богѣ* возьметъ, то онъ о людяхъ такое мнѣнїе имѣть, а имъ такъ служить можетъ, чтобъ отъ нихъ за сїе благодаренїе и почтенїе получить. Правда, что состоянїе честнаго человѣка точно, и по общему мнѣнїю, съ разными и такими пороками сходно, за которые вѣра Христїянская вовсе осуждаетъ, а *Богъ* безъ милосердїя и вѣчно казнитъ. Умѣющїй мстить, и гонящїй непрїятелей своихъ, честолюбїю и щастїю своему людей на жертву отдающїй, и въ разныя временемъ не безопасныя дѣла входящїй, у всѣхъ такихъ свѣтъ сей имени честныхъ людей не отымаетъ, а *Богъ* весьма противное о нихъ мнѣнїе имѣетъ. Не довольно быть такимъ честнымъ человѣкомъ, какъ Сократъ, Эпиктетъ, или Катонъ! не смотря на то, что они по тогдашнему обычаю весьма честные люди были. Нигдѣ истинной добродѣтели нѣтъ, кромѣ какъ въ одномъ христїянствѣ; а всѣ тѣ добродѣтели, которыя Язычники исполняли, повреждены были разными при-

 чинами.

чинами. Все происходило по суетной славѣ и по самолюбію. Только человѣческими намѣреніями и причинами долго содержаться не возможно. Въ одной токмо школѣ *Бога* и Господа нашего *Іисуса Христа* искреннія и чистыя мнѣнія совершенной истинны почерпаются. Онъ единый Спаситель нашъ учитъ насъ, и даруетъ намъ силу ко исполненію тѣхъ должностей, которыми мы *Богу* и людямъ обязаны. Въ томъ мнѣніи намѣренъ я толковать подробно въ послѣдующихъ главахъ сей книги вышереченное Евангельское слово: Воздадите Кесарева Кесареви, а *Божія Богови.*

ГЛАВА ВТОРАЯ.

О ПРЕВѢЧНОМЪ СУЩЕСТВѢ БОЖІИ.

Всѣмъ тѣмъ, не только окаменѣннымъ людямъ, но и совершеннымъ безумцамъ, по слову святаго Псалмиста быть надобно, которые врутъ, будто *Бога* нѣтъ; а притомъ безсовѣстно басословятъ, будто бы всѣ твари и стихіи, также небо, земля и свѣтъ, со всѣмъ, что воономъ ни есть, по случаю здѣлался. Воистинну. Никто кромѣ сумозбродовъ такого безумства языкомъ произносить, и такихъ беззаконныхъ мыслей имѣть не будетъ. Ежели только разумныя очи открывши, на предивное согласіе и преизрядной порядокъ всего подъ небесемъ и на свѣтѣ сущаго

щаго посмотрѣть, которой уже нѣсколько тысячь лѣтъ отъ самаго созданія міра, и понынѣ не поколебимо пребываетъ: то все сіе съ первѣйшаго виду разумнаго человѣка по неволѣ увѣритъ, что Всевышшее и Всемогущее Существо, весь видимой нами свѣтъ создавши, въ тотъ порядокъ привело, въ которомъ оной и понынѣ стоитъ. Вся натура кричитъ, что есть Всевышшее Существо. Все безчисленное множество въ сложеніе свѣта входящихъ тварей суть явные знаки, представляющіе намъ величіе, силу, славу, и премудрость *Божію*. По сему уже надобно, чтобы тотъ человѣкъ умъ и разумъ со всѣми чувствами потерялъ, кто скажетъ, будто *Бога* нѣтъ. Не разумное сердце человѣческое такія безумства родитъ. Сердце утопающее въ беззаконіяхъ, и прикованное злыми обычаи, такія юродства производитъ, и отъ нихъ отстать не хочетъ. Упивается страстьми для вкушенія маловременнаго покоя, ежелибъ оной получить возможно было съ такимъ безбожнымъ мнѣніемъ, чтобъ избавиться отъ сея, по ихъ пагубному разсужденію, докучной мысли и памяти о Всевышшемъ Существѣ, которому человѣкъ долженъ дать отвѣтъ о всѣхъ своихъ дѣлахъ и преступленіяхъ. Есть такіе совѣстью и умомъ поврежденные люди, которые тѣмъ умнѣе грубыхъ простаковъ быть думаютъ, что *Бога* не признаваютъ; а чрезъ сей помыслитъ страшной способъ творятъ себя равными люциферу, или первому анге-

лу, которой хотѣлъ подобенъ быть Вышнему. Сіи крѣпкія головы, о которыхъ я говорю, никого и ничего выше себя не ставятъ, только имъ надлежитъ бояться доли того же гордаго ангела, котораго высокоуміе съ высоты славы въ пропасть вѣчной пагубы низвергло. Да научатся разуму паденіемъ сего гордаго; и да скажутъ смиряяся подъ крѣпкую руку *Божію*. Кто можетъ подобенъ быть Вышнему, и кто смѣетъ противиться воли Всемогущаго? Превѣчнаго Существа *Божія* съ временнымъ существомъ тварей отнюдь равнять не надлежитъ. *Богъ* прежде всѣхъ вѣковъ, то есть, ни начала, ни конца не имѣетъ. Человѣческое мнѣніе вѣчности понять не можетъ; но сему мнѣнію надобно покорять умъ нашъ такою не сомѣнною вѣрою, что превѣчный и святѣйшій *Богъ* нашъ выше всѣхъ боговъ языческихъ, выдуманыхъ мечтаніемъ, невѣжествомъ и заблужденіемъ человѣческимъ. Нѣтъ кромѣ того единаго *Бога*, которой начало и Творецъ всему бытію. Всѣ твари отъ сего первоначальнаго и безконечнаго Существа произошли. Онѣ до тѣхъ поръ пребываютъ, пока Ему угодно, и суть въ вѣчной власти того Всемогущаго начала, которое ихъ изъ ничего сотворило, а потомъ со всѣми при созданіи сообщенными имъ совершенствами и пользами непрестанно хранитъ. Какъ не великое удивленіе, что звѣзды столько тысячь лѣтъ отъ своего теченія не престаютъ, и не превращаются?

Можетъ

Можетъ ли кто сказать, чтобъ сей такъ изрядной и постоянной порядокъ не представлялъ премудраго и всесильнаго Творца, которой всею тварью владѣетъ? Люди сего не чувствуютъ, и не внимаютъ, а для того, что всѣ сіи чудеса ежедневно передъ глазами имѣютъ. Обыкновенныя вещи имъ не въ диковину. Они уже тому порядку не удивляются, которой велѣніемъ *Божіимъ* отъ самаго естества учрежденъ. Обычайная смѣна дня и ночи съ преудивительными дѣйствами солнца во всѣхъ краяхъ свѣта не превеликая и не безконечная ли причина къ хвалѣ, къ славѣ, къ поклоненію, и къ почитанію премудрости и величія *Божія*, сіяющаго во всѣхъ тваряхъ на земли и подъ небесемъ. Во всѣхъ дѣлахъ *Божіихъ* явное великолѣпіе, различіе, порядокъ, множество, согласіе, и соединеніе всего на свѣтѣ показываетъ истиннаго *Бога*; а однакожъ люди отъ самаго сотворенія міра Его не познали, или знать не хотѣли. Покланялись не только равнымъ себѣ во всѣхъ несовершенствахъ человѣкомъ; но еще крайнею слѣпотою повредившись, не только животныхъ, но ползающихъ по земли мерзскихъ гадовъ молебно почитали. Грѣшнѣйшіе изо всѣхъ изъ нихъ тѣ, которые *Бога* не признали. Другіе думали, будто *Богъ* о дѣлахъ свѣтскихъ не печется, а для того вымыслили себѣ божковъ плотскихъ и вещественныхъ. Иные безумцы въ такомъ развращенномъ мнѣніи бродили, будто *Богъ* не всемогущъ, но отъ

 силь-

сильнѣйшаго существа зависитъ. Всѣ заблужденія и развращенныя мнѣнія въ людяхъ о божествѣ произошли отъ своевольства. Ниодного добраго и честнаго человѣка изъ Христіянъ не видано, которому бы такое беззаконное и пагубное мнѣніе въ голову приходило, будто *Бога* нѣтъ. А которые сей яснѣйшей солнца правдѣ вѣрить не хотятъ, и симъ невѣріемъ своимъ передъ другими хвастаютъ, тѣ болѣе развращенное свое сердце съ безуміемъ, нежели силу разума показываютъ. Природное мнѣніе всѣхъ тварей о божествѣ, и признаніе онаго тому причиною, что ниодного такого народа не видно, каковъ бы оной суровъ ни былъ, которой бы превѣчнаго Существа *Божія* не признавалъ, и оному не вѣрилъ. Нѣтъ такого человѣка, которой бы въ нечаянномъ случаѣ и въ крайнемъ страхѣ естественнаго прибѣжища къ *Богу* не принялъ, и Его святаго имени во спасеніе себѣ по природному движенію сердца не призвалъ. Отъ начала свѣта того не видано, чтобъ изъ цѣлаго народа всѣ до одного человѣка единогласнымъ мнѣніемъ атеисты были. Развѣ только нѣсколько человѣкъ, но и тѣхъ самое малое число, которые бы такое безумное и пагубное мнѣніе имѣли. По истиннѣ! Тому человѣку весьма слабу въ умѣ своемъ быть надобно, которой на все подъ небесемъ и въ свѣтѣ сущее смотря, *Бога* не признаваетъ. Ниодна вѣра въ свѣтѣ большаго и высочайшаго мнѣнія о божествѣ не

подаетъ,

подаетъ, какъ вѣра Христїянская. Она представляетъ намъ *Бога* такимъ всесовершеннымъ Существомъ, которое едино имѣетъ премудрость безконечную, а все и вся къ опредѣленному концу тайными и не минуемыми пути приводитъ. Сила *Божїя* равна премудрости Его. Онъ все можетъ, что изволитъ. Для приданїя намъ вседолжнаго почтенїя и подобострастїя именуютъ сїе всевышшее и всесовершенное Существо *Богъ* страшный, Вседержитель мїра, *Царь Царей, и Господь Господей.* Ежели мы истиннымъ разсужденїемъ сами въ себя войдемъ, то увидимъ въ насъ мысль живую и ясную о всевышнемъ, не поколебимомъ, вѣчномъ и всемогущемъ Существѣ, отъ котораго мы во всемъ зависимъ. А понеже сїе мнѣнїе всеобщее, и у всякаго человѣка въ умѣ есть, то уже оно всеконечно отъ того влїяно, кто превыше всей твари. Не можно взять истиннѣйшаго и лучшаго опыта о Существѣ *Божїи*, кромѣ той мысли, которую всѣ мы о немъ естественно имѣемъ. Понеже тому никакой причины показать не можно, почему, и для чего мы во внутренней нашей мнѣнїе о безконечномъ Существѣ имѣемъ: то надобно, чтобъ сїи мысли объ ономъ отъ самаго *Бога* съ душею намъ влїяны были. По истиннѣ! *Богъ* превышше всѣхъ силъ понятїя человѣческаго, и весьма непостижимъ. Вмѣсто мученїя себя тѣмъ, какъ бы сїе въ не приступномъ свѣтѣ живущее святое, всевышшее, и всеблагое

Существо слабымъ умомъ нашимъ постигнуть, покоримся подъ Его всесильную власть, дабы намъ суетнымъ любопытствомъ и неизслѣдимымъ сисканïемъ напрасно себя не терзать. *Богъ* насъ о томъ не спроситъ, постиглиль мы не измѣримую глубину не изслѣдимаго Существа Его; да о томъ только у насъ отвѣта потребуетъ, для чего мы не повиновались святой воли, и не исполняли божественнаго закона Его? Ничего выше *Бога* нѣтъ. Сила *Божïя* никакихъ предѣловъ, кромѣ одной святой воли Его не имѣетъ. Не опредѣленной и всемогущественной власти Его ничто противиться, а порядку намѣренïй Его никакая вещь препятствовать, ни удержать ихъ не можетъ. Никакая тварь исполненïя намѣренïй *Божïихъ* не только остановить, но ниже на одно мгновенïе ока удержать не въ состоянïи. Не возможно противиться святой воли *Божïей* ни силою, ни хитростïю. Онъ единъ Всемогущïй Царь Царей, и единъ безсмертенъ, живый во свѣтѣ неприступнѣмъ, Его же никто же нигдѣ же видѣ, ни видѣти можетъ въ жизни сей, Ему же честь и слава во вѣки. Всѣ свойства превѣчнаго Существа *Божïя* равны и безконечны. Ни большаго, ни меньшаго нѣтъ. Какъ правосудïе Его страшно, такъ милосердïе Его безконечно. Ежели *Богъ* жителей Содомскихъ ужаснымъ образомъ наказалъ, то Ниневитянъ покаявшихся проповѣдïю Iониною помиловалъ. Всѣ на земли живущïе грѣшни-

ки служатъ вмѣсто явнаго примѣра милосердія *Божія*, которыхъ Онъ не скоро наказуетъ за беззаконія, но долготерпѣливно ждетъ обращенія, и радуется покаянію ихъ. Сіе уже самая безспорная истинна, что мы до тѣхъ поръ живемъ, пока *Богъ* изволитъ; а тотъ часъ въ прахъ и пепелъ насъ обратить можетъ, когда мы грѣхами своими Его гнѣвимъ и озлобляемъ. Конца не имѣющая премудрость *Божія* представляетъ сему всевидящему оку такъ, какъ въ зеркалѣ всѣ наши мысли, слова, и дѣла, которыхъ *Богу* забыть не возможно. Минувшее и будущее предъ очами *Божіими* таково, какъ настоящее, и все сокровеннѣйшее Ему извѣстно. Онъ грѣшниковъ и въ темнотѣ со всѣми ихъ мрачными дѣлами видитъ. Всѣ безчувственныя твари *Бога* хвалятъ, одинъ только не благодарной человѣкъ природную свою вольность на зло употребляя, не даетъ Творцу и Господу своему почтенія надлежащаго Божію Его совершенству и святынѣ, съ не опредѣленною Его силою и державою, являющею себя въ толь сильныхъ и страшныхъ дѣйствіяхъ. *Богъ* все подъ солнцемъ сущее единымъ словомъ сотворилъ, землю на водахъ посреди воздуха повѣсилъ, ископалъ и вымѣрялъ глубину бездны. Жестокимъ волненіемъ свирѣпѣющее море такой видъ кажетъ, будто весь свѣтъ потопить хочетъ; но горамъ подобныя волны Его о мѣльчайшій песокъ разбиваются, для повиновенія воли и всемогу-

могуществу *Божїю*, положившему сей предѣлъ пучинамъ морскимъ. Пресильная власть и держава *Божїя* больше всего видна въ правленїи народовъ и государствъ, изъ которыхъ многїя по тогдашнему своему цвѣтущему состоянїю казались не побѣдимыми; но потомъ въ одинъ часъ пали и разорились. Другїе при самомъ паденїи, и со всѣхъ сторонъ отъ непрїятелей будучи окружены, особливымъ *Божїимъ* защищенїемъ невѣдомо какъ сохранены. Научимся же знать Всемогущаго Господа, и убоимся прогнѣвлять такъ всесильнаго *Бога*, которой ко отмщенїю всю тварь на насъ подвигнуть можетъ. Когда дѣла въ собственныхъ и крайнихъ нуждахъ нашихъ къ отчаянному состоянїю придутъ, то заблаговременно къ Его человѣколюбїю и щедротамъ прибѣгнемъ, съ не сомнѣннымъ упованїемъ, что *Богъ* въ сокровищахъ провидѣнїя своего премногїе и сильные способы къ помилованїю и свобожденїю насъ отъ всѣхъ нашихъ бѣдъ и печалей найдетъ.

ГЛАВА ТРЕТIЯ.

О ПРОВИДѢНIИ БОЖIИ.

Свѣтъ сей подобенъ республикѣ, или великому домоправительству, въ которомъ *Богъ* настоящїй Господинъ, и верьховнѣйшїй Самовластитель. Онъ все то управляетъ, что

до

до общихъ дѣлъ и до интересовъ партикулярныхъ людей касается. *Богъ* все нужное человѣкомъ подаетъ; всѣ волосы на головѣ ихъ счелъ, и ихъ власно такъ, какъ общїй отецъ дѣтей своихъ любитъ. *Богъ* по сотворенїи свѣта на пищу человѣкомъ пшеницу, горохъ, и другїе земные плоды даровалъ. Первые жители на землѣ, по созданїи мїра до потопа, то есть, больше тысячи шести сотъ лѣтъ сею простою пищею довольствовались, а жили гораздо больше нынѣшняго, и несравненно здоровѣе были. По потопѣ начали питаться мясомъ; и что болѣе стали отъ сей простой пищи удаляться, толь болѣе различныхъ ѣствъ вымыслили. За тѣмъ уже въ такое роскошное излишество ѣству и напитки привели, которое весьма много здоровья у людей убавило, а жизнь ихъ прекратило. Хотя всѣ состоянїя человѣческїя въ самомъ дѣлѣ весьма различны, однако *Богъ* премудрымъ своимъ провидѣнїемъ въ такую равную мѣру зло и добро каждаго состоянїя привелъ, а горесть и сладость житїя нашего такъ размѣрно смѣшалъ, что всякой человѣкъ, какого бы онъ чина и званїя ни былъ, въ щастїи и нещастїи своемъ съ другими равенъ. Ежели служащїе должность свою рачительно и вѣрно отправляютъ; то они отъ службы своей такое же удовольство имѣютъ, какъ господа, содержащїе ихъ на своемъ хлѣбѣ и жалованьѣ, а временемъ щастливѣе господъ своихъ бываютъ. Никакихъ печалей, и ни о

чемъ

чемъ попеченія не имѣя, въ день живутъ безпечно, ночью спятъ крѣпко, а о домашнемъ порядкѣ и о дѣлахъ господскихъ не думаютъ. А господа вмѣсто сего неусыпно о томъ пекутся, какъ бы имъ по чину и по достоинству своему непостыдно себя вести, и съ честью содержать. Ежели сего учинить не могши, въ нѣкоторой упадокъ передъ прежнимъ придутъ, то о семъ всегдашнею печалью съѣдаются. Въ свѣтѣ большая часть такихъ людей, которые увидя перемѣну щастія, а дѣла свои въ худомъ состояніи усмотря, надежду и великодушіе теряютъ. Изнемогши подъ тягостію нещастія, не прибѣгаютъ къ тому всесильному *Богу*, которой можетъ оное прекратить; но приходятъ въ такую же малодушность, какъ народъ Израильской по выходѣ изъ Египта въ пустынѣ. Эти невѣры и малодушные люди не имѣя нужнѣйшихъ вещей къ пропитанію своему, и предавшись въ отчаяніе, призывали смерть на помощь себѣ, вмѣсто испрошенія помощи и милости Господни. Забыли толь великія и страшныя чудеса *Божія*, во избавленіе и на изведеніе отъ нуждъ ихъ сотворенныя. Понеже провидѣніе *Божіе* до гнуснѣйшаго въ тварѣхъ снизходитъ, то не призритъ ли Творецъ милосердный на человѣка, которой есть образъ и подобіе Его? Съ какимъ великимъ различіемъ и преимуществомъ передъ всѣми тварьми Его помилуетъ? *Богъ* лучше здѣлаетъ чудеса, нежели служащихъ Ему и уповающихъ на

милость

милость Его безъ помощи оставить, и имъ способъ къ роптанію подать. Въ исторіи Пророка Даніила есть особливаго примѣчанія достойное обстоятельство, которымъ слова мои явно подтверждаются. Голодные львы сего Пророка не тронули, которой посреди ихъ такъ, какъ между стадомъ овецъ сидѣлъ. Какая сила сихъ не укротимыхъ и нарочно нѣсколько дней голодомъ для большаго свирѣпства мореныхъ звѣрей удержать и обуздать могла? Не принуждаетъ ли сіе всякаго человѣка признать особливое попеченіе провидѣнія *Божія* толь болѣе, что тѣжъ львы брошеныхъ къ нимъ въ тотъ же ровъ враговъ и обвинителей Даніиловыхъ тогожъ часа пожрали, чѣмъ смотрящій на сіе Царь будучи увѣренъ, призналъ неповинность Даніилову, и великую силу *Бога* Его? Какими не постижимыми способы *Богъ* ведетъ и исполняетъ намѣренія свои, не смотря ни на какіе умыслы препятства и злости человѣческія. Злоба родныхъ братій привела Іосифа на высочайшую степень свѣтской чести. Родные братья продали его купцамъ вмѣсто невольника, а жена Пентефріева обвиняетъ въ безстыдствѣ: почему Іосифъ въ неповинности своей желѣзами обложенъ въ тюрьму заключается. Но провидѣніе *Божіе* изъ сей темницы Іосифа свободивши, учинило правителемъ всего Египта на избавленіе братій, отца, и всего роду Его отъ смерти во время всеобщаго глада. Не знающіе силы писанія, и не утвержденные

въ

въ вѣрѣ люди, въ такое искушенїе приходятъ, что часто о провидѣнїи *Божїи* сомнѣваются, а притомъ говорятъ: Можно ли тому статься, чтобы *Богъ* обо всемъ въ свѣтѣ происходящемъ попеченїе имѣлъ, также бы грѣхами человѣческими прогнѣванъ, а добродѣтельми удобренъ быть могъ. Онъ допускаетъ премногимъ добродѣтельнымъ людямъ то самое время въ злощастїяхъ страдать, когда злые щастїемъ и богатствомъ процвѣтаютъ? Токмо на сїе глазами вѣры смотрѣть, а притомъ конецъ тѣхъ и другихъ прилѣжно примѣчать надлежитъ. Съ какимъ спокойствомъ добрые и надежду свою на *Бога* возложившїе люди отъ жизни сея отходятъ? А съ какимъ (напротивъ сего) отчаянїемъ, и какою худою смертью тѣ люди умираютъ, которые все свое упованїе на погибающее богатство и на свѣтскую помощъ безумно возложили? Съ какою болѣзнью они на приближающїйся конецъ жизни со всѣми роскошьми и забавами ихъ смотрятъ? Съ какимъ смятенїемъ и страхомъ безконечную вѣчность на память себѣ приводятъ? равной въ томъ страхъ, чтобъ человѣку сомнѣваться, и вовсе не вѣрить провидѣнїю *Божїю*: также чтобъ на провидѣнїе Господне съ гордостїю положившись, не поколебимымъ себя почитать. Какъ малодушїе порокъ, такъ высокоумїе напротивъ того опасныя слѣдства имѣетъ. Человѣкъ всякимъ образомъ долженъ о томъ пещаться, чтобъ не только се-

бя достойнымъ покрова и защищенія *Божія* учинить; но и съ своей стороны такое стараніе прилагать надлежитъ, будто бы успѣхъ отъ нашихъ трудовъ и силъ зависѣлъ. Всѣ видимыя нами въ свѣтѣ великія дѣла и случаи происходятъ и дѣлаются премудрымъ провидѣніемъ *Божіимъ*, которое неусыпнымъ окомъ смотритъ сохраненія всякаго человѣка особливо, и цѣлыхъ государствъ вообще. Надъ однимъ наружнымъ видомъ великихъ и важныхъ перемѣнъ останавливаться не надобно, но въ глубину и внутрь оныхъ поступить надлежитъ, для усмотренія тайнаго и удивительнаго руководства промысла *Божія*, которой на исполненіе высокихъ намѣреній своихъ употребляетъ содѣйствіе человѣческое противъ собственныхъ интересовъ и намѣреній ихъ. *Богъ* на подобіе искуснаго махиниста движетъ и обращаетъ важныя дѣла, такъ какъ великія махины способами и орудіями не извѣстными тѣмъ людямъ, которые сей тайны понять не могутъ, и безъ нарушенія свободы нашей къ намѣренному по святой волѣ своей пункту для того приводитъ, дабы мы были слуги, исполнители повелѣній Его. Которые все упованіе на *Бога* возложивши видятъ, что дѣла не по ихъ надеждѣ, и такъ худо идутъ, что имъ желаемаго успѣха получить не возможно, тѣ люди хотя всѣ человѣческому разуму возможныя предосторожности употребили, однако и въ великихъ

неща-

нещастіяхъ спокойны были. Сіе спокойство значитъ добрую ихъ совѣсть, съ такою несомнѣнною надеждою, что посылаемыя на нихъ отъ *Бога* нещастія входятъ въ порядокъ опредѣленной имъ отъ предвѣдѣнія *Божія*, а злые, и въ нещастіи своемъ *Бога* хулящіе люди, терпятъ безъ утѣшенія, и безо всякой пользы къ будущей жизни. Всякое случающееся намъ и не отъ нашей воли зависящее зло, есть слѣдство давняго о насъ промысла, и предвѣдѣнія *Божія*. Однако намъ для сего отъ должности своей отступать, и отъ присяжной къ *Богу* вѣрности нашей удаляться отнюдь не надлежитъ. Мы иногда въ нетерпѣливости своей о собственныхъ бѣдахъ жалуючись, такъ говоримъ: *Богъ* насъ забывши, на расхищеніе врагамъ нашимъ отдалъ. Токмо намъ вмѣсто сей нетерпѣливости прибѣжище свое къ единому *Богу* принявши, не роптанію и печали предаться, но голову свою со смиреніемъ подъ ту всесильную руку приклонить должно, которая насъ наказуетъ. Мыжъ еще повинны и то заслужить, дабы *Богъ* терпѣніе наше видя, отъ всѣхъ обдержащихъ насъ золъ милосердо избавилъ. Великая въ томъ важноть, дабы на волю и повелѣніе Всемогущаго *Бога* отнюдь не роптать, подлинно вѣдая, что сіи непоколебимые законы кромѣ одного терпѣнія перемѣнить нѣчемъ. Ежелибъ люди разсуждали, что учиненные ими грѣхи гораздо больше того наказанія достойны, что они терпятъ,

пятъ, тобъ эти жалобщики никогда не роптали. Ежелибъ они несомѣнно вѣрили, что временныя бѣды съ наказаніями могутъ людей отъ вѣчныхъ праведно заслуженныхъ ими мукъ избавить, то бы вмѣсто роптанія и жалобъ съ радостнымъ покореніемъ души и сердца всякія случающіяся имъ противности великодушно принимали, и терпѣливно несли. *Богъ* мучителямъ допустилъ всякія безчеловѣчія и лютѣйшія суровости надъ святыми мучениками исполнять. Но съ какою силою и славою Всемогущій Творецъ провидѣніе свое о сихъ блаженныхъ страдальцахъ оказалъ? Всѣ стихіи имъ повиновались. Огонь природную свою силу терялъ, а голодные и лютые звѣри до святыхъ тѣлесъ ихъ не касались. Не только отъ сродниковъ и друзей, но отъ самыхъ родителей оставленные бѣдные люди безъ всякой помощи и заступленія страждучи, всю власть и волю съ палящею яростію цѣлымъ свѣтомъ владѣющихъ тиранновъ побѣждали. Сія правда во вѣки не поколебима, что человѣку безъ воли *Божія* никогда и ничего не здѣлается. Ежели *Богъ* нѣкоторыхъ людей милуя, изъ пыли незнаемости на высокіе степени свѣтской чести возводитъ, то другихъ за такую гордость смиряя низводитъ, что они въ высокости своей ложно думали, будто уже никакія бѣды и нещастія до нихъ доступить не возмогутъ. Всесильный Творецъ небу и земли симъ низверженіемъ ихъ остав-

 ляетъ

ляетъ потомкамъ рода человѣческаго вѣчный примѣръ Всемогущества своего надъ цѣлымъ свѣтомъ. *Богъ* иногда наказанїемъ угрожаетъ, но сей праведный гнѣвъ свой не всегда въ дѣйство производитъ, ежели провнѣвившїе Его заслуженое ими наказанїе Господне постомъ, молитвою и покаянїемъ, по примѣру Ниневитянъ, отъ себя отдалятъ. Равнымъ образомъ и обѣщанїе *Божїе* не всегда исполняется, ежели тѣ люди, кому оное учинено, вмѣсто благославенїя Господня, грѣхами своими проклятїе на себя привлекутъ. *Богъ* вводитъ нечаянные случаи и препятства на уничтоженїе такъ великихъ и важныхъ дѣлъ, отъ которыхъ человѣкъ подлинной надежды съ извѣстнымъ успѣхомъ несомѣнно ожидалъ. Всемогущїй Обладатель небесе и земли симъ способомъ смиряетъ воснесенную гордыню тлѣннаго человѣка дабы приведши его въ чувство показать, какъ великая и необходимая сему замышлятелю нужда въ милости и въ помощи *Божїей*. Въ премудрости неизслѣдимый Творецъ, всѣ остроумнѣйшїя хитрованїя человѣческїя непостижимо опровергаетъ на ясное показанїе того, какъ теменъ, слабъ и маломоченъ природной свѣтъ ума нашего. Поистиннѣ! Каковъ бы кто въ искусствѣ и въ разумѣ своемъ глубокъ ни казался; однако безъ милости и безъ помощи *Божїей* въ темнотѣ и осязанїемъ ходя, уподобляется въ темныя ночи посреди не знакомой зем-

ли путешествующему человѣку на худой дорогѣ. Тутъ не только нога его на всякомъ шагу скользитъ, да лошади за великою темнотою въ воду, или въ страшную пропасть по неволѣ человѣка затащить могутъ. Великіе люди всегда себя за такихъ персонъ почитаютъ, будто они своему благополучію и всей доли самовластные владѣтели. Сіи знатныя лица учиненныхъ имъ благодѣяній *Божіихъ* очень мало помнятъ, а о принесеніи вседолжнаго Творцу и Благодѣтелю своему за оныя благодаренія почти никогда не думаютъ. Сія-то губительная неблагодарность первая и главная причина паденію ихъ. Много такихъ примѣровъ было, и нынѣ есть, что честью и высокими достоинствы цвѣтущія, а притомъ великими и сильными союзы укрѣпившіяся фамиліи, и первые въ государствахъ роды вдругъ какъ воскъ отъ огня таютъ, или какъ соль въ водѣ разошедшись, однимъ часомъ въ прежнее свое уничтоженіе обращаются. Начало паденію ихъ есть забвеніе *Бога* и всѣхъ благодѣяній Его. Къ сему и то не меньше способствуетъ, что они провидѣнія *Божія* за главу всего благоденствія своего не признавали. Намѣренія премудрѣйшаго *Бога* уму тлѣннаго человѣка весьма не постижимы. *Богъ* иногда благополучіе наше чрезъ такіе случаи поспѣшествуетъ, отъ которыхъ мы себѣ крайней погибели чаяли. Для сей причины не надобно тогда печалиться, ежели дѣла не по его жела-

нію

нїю и не по принятымъ отъ него мѣрамъ идутъ. Владѣющїй небомъ и землею насъ къ себѣ въ совѣтъ не призываетъ, и съ нашимъ самолюбїемъ ни о чемъ не спрашивается но когда уже мы отъ человѣкъ ни какой помощи не видимъ, въ то время покровъ и защищенїе той милосердой десницы чувствуемъ, которая насъ изъ глубины всѣхъ золъ и бѣдъ нашихъ милостиво избавляетъ. Отъ начала свѣта много такихъ любопытныхъ людей было, и нынѣ есть, которые, желая знать будущее, въ суетныя испытанїя предались для знанїя такихъ таинствъ, которыя одному только провидѣнїю *Божїю* предоставлены. Самолюбїе съ желанїемъ щастливу быть, приводитъ сихъ людей въ прелестныя разсужденїя. Есть и такїе люди, что все случающееся имъ въ суевѣрство обращаютъ, а именно сны, встрѣчу людей, крикъ и полетъ птицъ, и симъ подобная. Изъ сихъ припадковъ и обстоятельствъ дѣлаютъ себѣ помянутые люди иногда добрыя, а иногда худыя предсказанїя, по одному только развращенному своевольству, и объ ономъ какъ о подлинномъ дѣлѣ печалятся. Такое суевѣрство прогнѣвляетъ *Бога*, и святое провидѣнїе Его, и есть грѣхъ противъ первой заповѣди. По самой справедливости безумство такихъ суевѣровъ порицать можно, которые съ великимъ безпокойствомъ всѣ такїя неистовства разсматриваютъ, которыя отъ возженныхъ мыслей спящему человѣку

ловѣку во снѣ представляются. Весьма суетно вѣрять, будто сонное мечтаніе то имъ предвозвѣщаетъ, что съ ними въ жизни ихъ здѣлаться имѣетъ, и въ великой страхъ отъ того приходятъ, ежели имъ во снѣ худое привидится. Не нарочно опрокинутая солонка и просыпанная соль принуждаетъ ихъ такъ кричать, будто бы совсѣмъ пропали, или какъ бы на нихъ превеликая бѣда притти имѣла. Для излеченія ихъ отъ такихъ вредныхъ паровъ, то есть, отъ суевѣрныхъ мыслей, надобно имъ дать время на примѣчаніе, а притомъ бы имъ здраво разсудить, что послѣ самыхъ хуждшихъ сновъ и отъ всѣхъ суетныхъ предсказаній ничего худаго имъ не здѣлалось. Мудрой Катонъ сказалъ: Не довѣдывайся искусствомъ волшебнымъ, и никакими хитростьми того не испытай, что *Богъ* намѣренъ съ тобою дѣлать? Онъ опредѣленіе о тебѣ и обо всей твоей жизни безъ тебя, и не спрашиваючись тебя, самъ напередъ подписалъ. Не обезпокоивай же себя любопытнымъ розвѣданіемъ не постижимыхъ судебъ и таинъ провидѣнія *Божія*, да тѣмъ будь доволенъ, что умъ и натура твоя постигнуть можетъ. Одно мнѣніе о *Богѣ* представляетъ въ немъ такое совершенное существо, которое имѣетъ премудрость безконечную, а всякую вещь къ ея концу подлинными и необходимыми путями ведетъ. Все свѣтское предъ Нимъ безсильно и безумно. Божественныя тайны Его подобны морской пучинѣ,

или безднѣ, которой глубину никто измѣрять и знать не можетъ. Судьбы Его не изслѣдимы, и не испытаны. Напрасно мучиться, и спрашивать, или разсуждать, для чего *Богъ* то, или другое дѣлаетъ. Съ насъ бѣдныхъ людей и того полно, чтобъ должность свою исполнять, и то отъ насъ зависитъ. Человѣкъ не можетъ постигнуть малѣйшихъ вещей, которыя у него всякой часъ передъ глазами, и самаго себя совершенно не знаючи, хочетъ вѣдать не постижимыя тайны провидѣнія *Божія*, и желаетъ найти причину превеликому и безчисленному различію въ разныхъ состояніяхъ житія человѣческаго. Не равное раздѣленіе благихъ и злыхъ, то есть, щастія и нещастія въ настоящей жизни человѣческой, должно насъ увѣрить о наказаніи и о воздаяніи житія будущаго. Большая часть добрыхъ людей живутъ въ недостаткѣ и въ нещастіи, а злые люди и публичные грѣшники во всякомъ щастіи и въ саможелаемомъ благоденствіи ликуютъ. Провидѣніе *Божіе* сей видимой непорядокъ терпитъ для учиненія однихъ достойными хранимаго и уготованнаго имъ воздаянія, а грѣшнымъ предоставляя наказаніе до тѣхъ поръ, когда придетъ время воздать всякому по дѣломъ его.

ГЛАВА

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

О ПРАВОСУДІИ БОЖІИ.

Сіе весьма подлинная и не оспоримая правда, что всѣ *Божія* совершенства равны. Какъ милосердіе Его неизреченно, такъ и правосудіе Егожъ постоянно. Хотя Господь *Богъ* дѣйство правосудія своего на время отложить и можетъ, однакожъ оное со временемъ для того исполнить долженъ, что упрямство грѣшниковъ *Бога* принуждаетъ справедливость самому себѣ учинить. Всѣ тѣ люди мнѣніемъ своимъ сами себя прельщаютъ, которые о наказаніи *Божіи* за грѣхи свои почти никогда не думаютъ. Живущее надъ нами пресвѣтлое, непостижимое и превѣчное Существо нашихъ дѣлъ, съ такою крайнею исправностію смотритъ, что всѣ наши шаги и предпріятія въ не забвенной у него памяти. Сіе пресвятое и всеправедное Существо обязано наказывать беззаконниковъ повсюду. Между святынею сего всеправеднѣйшаго Существа и между злостью грѣха вѣчная противность и непрестанная война. Хотя человѣку и удастся хитростью людей провести, только уже всевидящее око *Божіе* обманутъ, и отъ онаго укрыться никакъ не возможетъ, по тому что оно въ сердца смотритъ, въ глубочайшей темнотѣ все видитъ, а не постижимую и безконечную бездну насквозь проницаетъ. Понеже *Богъ*

за грѣхи мстить долженъ, такъ что милосердіе отъ сего правосудія Его удержать, и въ учиненіи правды препятствовать ему не можетъ, то въ злостяхъ живущимъ, а умирающимъ во грѣхахъ, никакого себѣ прощенія отъ *Бога* уповать не надлежитъ. Царствующій Пророкъ объявляетъ; хотя бы мы выше небесъ взлетѣли, или бы въ глубочайшую бездну сошли, и хотя бы въ средину земли скрылись, только отъ *Бога* съ дѣлами своими утаиться не можемъ. По сему ежели человѣкъ какое *Богу* противное, а закономъ Его запрещенное дѣло учинитъ, то ему не минуемаго наказанія въ нынѣшнемъ, или уже совершенной муки въ будущемъ вѣкѣ ожидать конечно надлежитъ. Всѣ замѣтки и окрестности хитрѣйшей политики, всѣ вымыслы свѣтской мудрости, всѣ возможныя осторожности къ утаенію намѣренія, все сіе не въ состояніи *Богу* ни малѣйшаго препятства въ томъ учинить, что бы Онъ тайнѣйшихъ помысловъ сердца человѣческаго не вѣдалъ, на подобіе солнца, которое по восхожденіи своемъ прогоняетъ тьму и разсыпаетъ облаки затмѣняющія небо. Такъ власно свѣтъ не созданной премудрости потемняетъ вселожное сіяніе свѣтскаго мудрованія. *Богъ* все будущее также ясно какъ минувшее и настоящее видитъ, а слѣдственно Ему забывать нѣчего. Предвѣдѣніе Его подобно великой книгѣ, въ которой *Богъ* все рукою своею написанное ежечастно видитъ.

видитъ. Писанїе святое гласитъ: творяй зло, ненавидитъ свѣта, по тому что совѣсть, которую ни чѣмъ къ молчанїю принудить не возможно, внутреннѣ человѣку грѣхъ и неправду его представляетъ, чего ради человѣкъ для укрытїя себя отъ всегдашняго порицанїя совѣсти темноты ищетъ. Но хотя бы онъ сею предосторожностью людей обмануть и могъ, только уже того здѣлать ему никакъ не льзя, чтобъ совѣсть не кричала. Самая темнота свѣтлою здѣлавшись, порицаетъ человѣка о злыхъ его дѣлахъ и о грѣшныхъ забавахъ, которыя человѣкъ съ такимъ старанїемъ отъ свѣта утаить тщался. *Богъ* станетъ судить людей по силѣ тѣхъ талантовъ разума и благодати, которые имъ отъ *Бога* даны; а чего они отъ Творца своего не получили, о томъ ихъ и спрашивать не будетъ. Которые свѣтомъ природнаго разума были просвѣщены, тѣхъ Господь по естественному праву судить будетъ. Христїяне, просвѣщенные свѣтомъ небеснаго разума, и больше всѣхъ Язычниковъ благодати получившїе, съ большею передъ ними жестокостїю суждены будутъ, ежели они пренебрегли дѣлать доброе употребленїе на свое освященїе изъ данной имъ отъ *Бога* помощи и благодати *Христовой*. Не всегда сїе въ свѣтѣ случается, что *Богъ* истинну свою надъ грѣшники исполняетъ. Всемогущїй Создатель временемъ сїе допускаетъ, что неправда торжествуетъ, а праведные безъ

избавленїя

избавленія и безъ отмщенія за обиды ихъ умираютъ. Токмо они со временемъ узнаютъ, и ясно увидятъ, какими не постижимыми стезями премудрость *Божія* ихъ на ту высокую ступень славы возвела, которая имъ отъ сложенія міра уготована. Тогда-то познаютъ, что ничего на свѣтѣ лучше сего нѣтъ, какъ *Богу* служить, а притомъ закону и святой Его волѣ усердно повиноваться, подлинно вѣдая, что и стаканъ воды во имя Его данной безъ награжденія оставленъ не будетъ. *Богъ* святымъ и непреложнымъ своимъ словомъ обѣщалъ прославить вѣчною славою всѣхъ хранящихъ завѣтъ Его, и помнящихъ заповѣди Его творити я. Сія - то есть наибольшая сила нравоученія. Христіянская надежда основана на непреложномъ обѣтованіи *Божіи*. А понеже *Богъ* истиненъ и праведенъ, то намъ всякое сомнѣніе изгнавши, съ крайнею ревностію о томъ стараться надлежитъ, чтобъ себя достойными исполненія обѣщаній *Божіихъ* учинить. Добрыя дѣла имѣютъ въ себѣ воздаяніе свое еще на семъ свѣтѣ, отъ внутренней радости родящейся въ душѣ человѣческой, не упоминая о вѣчномъ воздаяніи. А грѣхъ муку свою денно и нощно съ собою носитъ при всегдашнемъ раскаяніи и угрызеніи совѣсти. Одно только напоминаніе о худомъ дѣлѣ можетъ умнаго человѣка въ печаль и въ уныніе привести. Сему виденъ примѣръ въ Каинѣ, которой съ самаго того времени покою имѣть не могъ, какъ пагубное намѣреніе

намѣреніе принялъ праведнаго брата своего Авеля убить. Въ которомъ грѣхѣ человѣкъ винна себя чувствуетъ, въ томъ до тѣхъ поръ прощенія получить не можетъ, пока сердце свое сокрушивши, истиннаго покаянія не принесетъ. Наружныя дѣйства, то есть, слезы и воздыханія, до тѣхъ поръ не дѣйствительны, пока сердце ко грѣху прилѣпилось. Нужда того требуетъ, чтобы человѣкъ за всякой грѣхъ и неправду свою наказанъ былъ, токмо по видимому во временной жизни не всегда сіе послѣдуетъ, но при концѣ оныя всякому справедливость учинится. Долготерпѣніе *Божіе* творитъ грѣшниковъ бодрыми и отважными. Они того не разсудятъ, что настоящая жизнь такое время, въ которомъ человѣкъ или вѣчное блаженство, или безконечную муку заслуживаетъ, а совершенное воздаяніе по смерти будетъ. Въ поступкѣ грѣшниковъ есть такое тайное мнѣніе, которое славѣ и правосудію Всемогущаго *Бога* весьма вредно и предосудительно. Они видятъ, что все имъ удается, и по желанію ихъ идетъ: а по сему пагубно думаютъ, будто *Богъ* праведныхъ съ нечестивыми такъ мѣшаетъ, что ему какъ добродѣтель однихъ, такъ беззаконіе другихъ все едино. Но сіе мнѣніе ихъ весьма беззаконно. Почти на всякой страницѣ священнаго писанія обѣщанія *Божія* съ угрозами вмѣстѣ положены. Одни для обнадеженія добрыхъ, а другія во устрашеніе злыхъ. Но понеже *Богъ* самая существенная и превѣч-

ная

ная святыня, то никакое несовершенство ему не пристойно и не свойственно. Сего ради *Богъ* праведное обѣщанїе и святое слово свое всегда исполняетъ и содержать имѣетъ; а намъ по сему правилу должно вѣрить, что *Богъ* съ своей стороны все свое обѣщанїе вѣрно исполнитъ. Творецъ Всемогущїй всѣмъ хранящимъ повелѣнїя его царство небесное обѣщалъ. Для того намъ сей союзъ съ *Богомъ* твердо наблюдать должно. Въ томъ договорѣ обязательство уже нарушено, кто въ важнѣйшихъ пунктахъ сего контракта не устоитъ. Безъ того вся наша надежда суетна. *Богъ* по силѣ обѣщанїя своего къ намъ, ничего исполнять не повиненъ. Какъ Господь *Богъ* тѣ грѣхи съ крайнею жестокостїю казнитъ, которые намъ легки и весьма не важны кажутся, такъ и за не важные въ самихъ себѣ дѣла безконечное воздаянїе учинитъ. Какъ *Богъ* наказуетъ, такъ и награждаетъ, а сїе основано на не поколебимомъ Его правосудїи. Всѣ зпадающїе въ руки справедливости *Божїей*, должны о нещастїи своемъ сами на себя жаловаться. Никто кромѣ истиннаго грѣшника наказанъ быть не можетъ. А тѣ наказанїя справедливы быть не могутъ, ежели грѣшники добровольнаго своего погрѣшенїя искренно не признаютъ, и притомъ не исповѣдаютъ, что они сїе наказанїе грѣхами своими отъ *Божїя* правосудїя давно заслужили. *Богъ* тѣмъ свои твари можетъ уничтожить, когда ихъ хранить перестанетъ,

а

а уже конечно ни до какого нещастія и до болѣзней допустить ихъ не можетъ, ежели они передъ Творцомъ ни въ чемъ не виноваты. Кой часъ твари забывши должность свою удалятся отъ предписанныхъ имъ правилъ, того же мгновенія ока и наказанію Создателеву сами себя подвергаютъ. Человѣкъ может себя отъ *Бога* удалить грѣхомъ и употребленіемъ воли своей на зло, только отъ наказанія охранить себя въ состояніи, ежели *Богъ* надъ нимъ не умилосердится и согрѣшившаго человѣка отъ заслуженаго наказанія не избавитъ. Мы впадаемъ въ грѣхъ добровольнымъ на оной соизволеніемъ, токмо къ *Богу* обратиться и истинно покаяться безъ того не можемъ, ежели *Богъ* сердца нашего дѣйствомъ внутренной благодати своей милостиво не превратитъ. Сіе напоминаніе должно въ насъ причинять благоговѣйный страхъ отъ беззаконій нашихъ. Мы того не знаемъ, подлинно ли *Богъ* насъ простилъ, также былоль въ покаяніи нашемъ истинное сокрушеніе и совершенное обращеніе сердца нашего. Ежели *Богъ* тотчасъ по учиненіи нами грѣховъ насъ не наказываетъ, какъ то въ Ветхомъ Завѣтѣ бывало, то можемъ и должны ли мы сею суетною мыслью себя прельщать, будто *Богъ* никогда насъ не накажетъ? Не страшнѣе, и не сильнѣе ли полно будетъ фіалъ гнѣва Его тогда, какъ правосудный *Богъ* сію чашу вдругъ на насъ выльетъ? Сей праведнѣйшій Судія ни малой

обиды

обиды и неправды въ грѣхахъ погибающимъ не дѣлаетъ. Они сами себя губятъ въ наказанїе за своевольство и заблужденїе сердецъ своихъ, чего ради и *Богъ* отдаетъ грѣшниковъ въ развращенїе сердецъ и въ угрызенїе совѣсти ихъ. Сему-то должно удерживать негодованїе съ роптанїемъ тѣхъ людей, которые часто жалуются, и напрасно говорятъ, будто *Богъ* весьма жестокъ. Онъ (де) безчисленное множество тварей только на то создалъ, дабы ихъ безщастными учинить. Только эти ругатели безмѣрно грѣшатъ. Не *Божїя*, но самихъ въ томъ ихъ вина: а развращенная и злая сихъ роптателей воля, главная сему причина. Не крайнее ли человѣку безумство, грѣшить передъ глазами собственнаго своего Судїи, которой никакъ сего оставить не можетъ, чтобы за беззаконїя и грѣхи съ крайнею жестокостїю не наказать. *Богъ* даетъ грѣшникамъ во всю ихъ жизнь совершенную волю, все то дѣлать, что похотятъ. Но коль великъ имѣетъ быть въ то время страхъ, и какъ безмѣрно будетъ отчаянїе ихъ, когда гнѣвъ *Божїй* съ праведнымъ мщенїемъ, какъ жестокой громъ съ молнїею, изъ малаго облака нечаянно на нихъ ударитъ? Сего-то пораженїя никакъ уже имъ миновать и ни коими способы убѣжать не возможно будетъ. Каковъ святъ царствующїй Пророкъ ни былъ, однакожъ по жестокомъ и долговременномъ покаянїи сими словами *Бога* просилъ: Господи! да не яростїю твоею обличищи мене, ниже гнѣвомъ твоимъ

имъ накажеши мене. (въ другомъ мѣстѣ) Виждь смиренїе мое и трудъ мой, и остави вся грѣхи моя. Ежели бы милосердїе *Божїе* не укрощало страшнаго правосудїя Его, то куда бы мы годились? Есть ли на свѣтѣ хотя одинъ такой человѣкъ, которой бы могъ о себѣ подумать, будто онъ праведенъ и ни въ чемъ не грѣшенъ? Собственная наша совѣсть не обвиняетъ ли насъ въ безчисленныхъ слабостяхъ? А сїе внутреннее обличенїе не долженствуетъ ли вкоренять въ насъ святой страхъ правосудїя *Божїя*? Что съ нами бѣдными въ то время будетъ, ежели *Богъ* на страшномъ судѣ своемъ милосердїя, человѣколюбїя и милости къ намъ не покажетъ?

ГЛАВА ПЯТАЯ.

О СЛУЖЕНІИ БОГУ.

Богъ есть Всесовершенное, Всемогущее и Всеблаженное Существо. Для того Ему въ служенїи тварей своихъ никакой нужды нѣтъ. И все, что они здѣлать могутъ, ко всесовершенной и не раздѣльной Его славѣ ничего прибавить не въ состоянїи. Во слѣдствїе сего Спаситель мїра насъ учитъ: Аще и вся повелѣнная вамъ сотворите, глаголите, яко раби есьми не потребнїи. Сїи святыя слова должны смирять высокоумїе такихъ людей, которые напоминанїемъ добрыхъ дѣлъ безмѣрно возносятся, а дру-

тихъ людей презираютъ, по примѣру горда-го фарисея, котораго *Христосъ* Спаситель посрамилъ кроткою молитвою смиреннаго Мытаря, не смѣвшаго взглянуть на небо отъ стыда и отъ страху о грѣхахъ своихъ. Что до служенія *Богу* и до почитанія Его принадлежитъ, все сіе между первыми должностьми нашими вмѣщено быть имѣетъ. Начальникъ велерѣчія Римскаго объявляетъ: *Богъ* души въ тѣла наши для того ввелъ, дабы сіе великое дѣло и удивительное зданіе всего свѣта имѣло зрителей ко удивленію, къ хвалѣ и къ должному прославленію Творца толь безчисленныхъ чудесъ. Слѣдователи Пиѳагорову ученію почитали душу человѣческую за часть того Всесовершеннаго, Всеблагаго и Всемудраго Существа, которое мы *Богомъ* называемъ; а должность сей части состоитъ въ отдаваніи должнаго почитанія, и поклоненія Творцу и Господу своему, отъ котораго она существо, всѣ свойства и премногія отъ Него единственно дарованныя ей совершенства получила, а не отъ себя, и не отъ своихъ силъ имѣетъ. *Богъ* создалъ насъ по образу и по подобію своему. Оживотворилъ вдуновеніемъ Духа своего; а чрезъ все сіе небесное начало и рожденіе человѣку даровалъ. По сему можно видѣть, что душа наша духовна и безсмертна. Сіе разсуждается по ея проворству, по памяти минувшаго, по предвидѣнію будущаго, по способности къ по-

нятію

нятію разныхъ наукъ и художествъ; а слѣдственно и статься тому не возможно, чтобъ сіе существо, имѣющее въ себѣ основаніе такъ многихъ вещей, тлѣнію и смерти подвержено быть могло. Сей духъ весьма чистое и простое сложеніе, безъ всякаго примѣсу чужаго и посторонняго свойства, весьма различнаго съ своимъ существомъ, а слѣдственно нераздѣлимо стало. Что не раздѣльно, то погибнуть, истлѣть и умереть не можетъ. Смерть ничто иное, какъ раздѣленіе и разлученіе частей соединенныхъ. Сіе толь честное и совершенное существо создано на приношеніе Творцу своему вѣчнаго служенія, по примѣру обыкновенной подати, которою человѣкъ Создателю своему вѣчно повиненъ. Не отдающіе сего долгу, не благодарные люди, не вѣдаютъ своего начала, отъ котораго души ихъ произошли, и не знаютъ самихъ себя. Какая намъ неизреченная отъ того честь, слава и радость, что великій, страшный и всесильный *Богъ*, Творецъ небесе и земли, не только дозволяетъ, но и повелѣваетъ намъ себя называть: Отче нашъ? Желаетъ того, чтобы мы святое и прелюбезное имя Его всегда призывали. Пріемлетъ насъ вмѣсто дѣтей своихъ, и требуетъ отъ Христіянъ того, чтобъ мы обо всякихъ своихъ нуждахъ Его Небеснаго *Бога* и Отца просили. Но не довольно того, дабы *Бога* одними только устами, или сладкимъ пѣніемъ просить,

ежели умЪ и сердце наше другое, а не молитву думаетЪ. Довольно ли сего на исполненіе той заповѣди, которая по воскреснымЪ и праздничнымЪ днямЪ для молитвы и слушанія службы *Божія* вЪ церковь ходить повелѣваетЪ; чтобы только вЪ домЪ молитвы, такЪ какЪ на постоялой дворЪ вошедши, безЪ страха и безЪ должнаго дому *Божію* почтенія вЪ церкви стоя, все суетное думать, а грѣшное говорить? Все то крайняго благоговѣинства и почитанія достойно, что до служенія *Богу* касается. Скромность и постоянство внѣшнее должно оказывать благоговѣйное и внутреннее движеніе сердца человѣческаго: а ежели однимЪ наружнымЪ видомЪ довольствоваться, то между ХристіяниномЪ и постояннымЪ ЯзычникомЪ мало различія найдется. Не довольно того, дабы *Бога* одними словами хвалить, да вся бы наша жизнь непрестанная хвала *Богу* была вѣчнымЪ себя покореніемЪ святой Его воли. Всякой ХристіянинЪ повиненЪ о томЪ стараться, дабы вЪ хваленіи *Бога* сердце сЪ словами его согласно было. Мы для того *Богу* молимся, дабы ОнЪ молитву нашу услышавЪ, все то намЪ даровалЪ, о чемЪ Его просимЪ? А когда подлинно такЪ, то надобно молитвѣ нашей всѣ тѣ обстоятельства вЪ себѣ имѣть, которыя бы молящагося предЪ очами *Божіими* пріятнымЪ, а молитву его достойную услышанія и милости *Божія* учинить

нить могли. Вопервыхъ вѣрѣ и надеждѣ должно насъ подкрѣплять въ такомъ несомнѣнномъ уповании, что *Богъ* молитву нашу подлинно слышитъ, и насъ помиловать можетъ. Еще должно въ молитвѣ нашей истинному смиренію и сокрушенію сердца быть, а Христіянамъ надлежитъ себя почитать за не достойныхъ предстать предъ *Богомъ*, ниже возвести глазъ своихъ къ страшному и святому жилищу *Божію*. Постоянное и усердное продолженіе молитвы *Бога* къ дарованію просимаго нами наконецъ убѣждаетъ. Царь и Пророкъ Давидъ седмижды на день *Бога* хвалилъ, и въ полночь для сего же набожнаго хваленія вставъ. Когда уже такъ великому, столь важными дѣлами отягченному Монарху во дни и въ ночи время на молитву и хваленіе *Бога* такъ довольно оставалось, что онъ и до восхожденія солнца на хваленіе Творца и *Бога* своего вставалъ, то чѣмъ могутъ извиниться тѣ праздные и лѣнивые Христіяне, которые въ играхъ и забавахъ ночь проводивши, до полудни спятъ; а потомъ не только Творцу своему должнаго благодаренія принесть, или бы сказать, сохрани насъ Господи въ день сей безъ грѣха, за превеликими суетами и зборами послѣ вчерашней торжественной ужины на нынѣшній праздничной обѣдъ и перекреститься не успѣютъ. Въ Священномъ Писаніи изображено, что *Богъ* въ шесть дней всю тварь создавши, седьмой день благословилъ

и освятилъ на такое показанiе человѣкомъ, что Всемогущiй Творецъ знаковъ благодаренiя отъ нихъ требуетъ. Церковь опредѣлила на сiе день воскресный, дабы человѣкъ удалившись отъ суетъ и шуму дѣлъ свѣтскихъ, свободно совѣстiю и спокойнымъ духомъ могъ употребить день сей на службу и благодаренiе *Богу* за всѣ неизреченныя Его милости къ роду человѣческому, и на удивленiе всѣмъ чудесамъ Его. А мы напротивъ тому видимъ, что всѣ святой день сей на свѣтскiя забавы употребляющiе люди ни *Божiей* воли, ни церковнаго намѣренiя ни мало не исполняютъ, на то не взирая, что *Божiе* слуги, и церковные Пастыри всему христiянству обѣ сiи главнѣйшiя должности съ благоговѣнiемъ и истиннымъ набожествомъ непрестанно внушаютъ. Во время письменнаго, то есть, Ветхаго Завѣта, служба *Божiя* въ Ерусалимѣ съ такимъ великолѣпiемъ отправлялась, котораго и описать не возможно. Число на разныхъ инструментахъ въ тамошней церкви игравшихъ музыкантовъ и пѣвчихъ было весьма чрезвычайно, а вся сiя музыка на инструментахъ играла, и на голосахъ пѣла псалмы Давидовы, и другiя церковныя молитвы. Въ торжественные праздники закалали превеликое множество разнаго роду животныхъ на жертву. Ежели кто хотя малымъ чѣмъ противъ церковнаго благочинiя въ храмѣ Божiи погрѣшалъ, того тутъ же на мѣстѣ жестокимъ и примѣрнымъ образомъ наказывали. Нынѣ уже самая

самая и сожалѣнія достойная практика показала, что у Христіянъ сего усердія и древняго благоговѣинства очень много убыло. Святое Писаніе всѣмъ творящимъ дѣло *Божіе* съ небреженіемъ проклятіе налагаетъ. Какъ же сего требовать, дабы *Богъ* молитвенную того человѣка жертву пріятно принялъ, кто съ печалью, скукою и съ неудовольствомъ оную начинаетъ, а съ нетерпѣливостію изъ церкви бѣжитъ, и вседолжнаго служенія съ почтеніемъ *Богу* не приноситъ? Авелево приношеніе *Богу* для того пріятно было, что Авель оное отъ добраго и чистаго сердца лучшею жертвою представлялъ; а жертва Каинова за тѣмъ не принята, что онъ не годнѣйшихъ отъ стада своего животинъ *Богу* на жертву принесъ. Отъ чего это дѣлается, что молитва наша безплодна и безполезна бываетъ? Отъ того, что мы ее съ худымъ намѣреніемъ приносимъ, и въ ея неуспѣхѣ сами виноваты. Маловѣріе, холодность, недостатокъ надежды, подобострастія и попостоянной набожности главная сему причина. Мы же у *Бога* того не просимъ, что намъ нужнѣе и полезнѣе всего. *А Богъ* намъ то даетъ, о чемъ мы Его не молимъ, то есть, помощъ и благодать внутреннюю на одолѣніе враговъ спасенія нашего и на убѣжаніе отъ грѣха. Но понеже царствующій въ сердцахъ человѣческихъ грѣхъ дѣйству и плодамъ молитвы больше всего препятствуетъ; то какъ намъ того ждать, чтобы

бы *Богъ* молитву отъ устенъ грѣшныхъ и отъ не чистаго сердца слышалъ? Тысячьми грѣшныхъ желаній наполненное сердце можетъ ли Творцу всякой святыни пріятную молитву принесть? Нужды наши такъ велики, что ихъ никто кромѣ *Бога* совершенно исправить не можетъ. Для того мы Творца своего безпрестанно молить должны, дабы Онъ надъ нашею бѣдностью умилосердился. Хотя *Богъ* всѣ наши бѣды и нужды лучше самихъ насъ знаетъ; однакожъ того требуетъ, чтобы мы ихъ предъ Его очи съ благоговѣйнымъ подобострастіемъ предлагали. Хотя (по видимому) Творецъ всесильный сперва въ прошеніяхъ нашихъ и отказываетъ, токмо въ самомъ дѣлѣ того нѣтъ: но *Богъ* симъ замедлѣніемъ отвѣдываетъ терпѣніе и вѣру нашу. Мы какъ нищіе однимъ подаяніемъ *Божіимъ* живемъ. Онъ намъ повседневно хлѣба просить у себя повелѣваетъ. Его святое провидѣніе до малѣйшихъ нуждъ нашихъ человѣколюбно снизходитъ; чего ради намъ *Бога* и Отца своего Небеснаго тѣлесныхъ и душевныхъ своихъ нуждъ ежедневно просить надобно. Понеже бѣды и нещастія наши крайнія, а нужды безпрестанныя: того ради имъ молитвенная помощь всегда надобна. Мы не должны по примѣру такихъ людей поступать, у которыхъ нещастіе всю склонность къ молитвѣ и къ вещамъ небеснымъ отнимаетъ. Хотя они во внѣшнемъ утѣхи себѣ ищутъ, только всѣ отъ тварей проис-

хо-

ходящія услажденія суетны, и сердца человѣческаго успокоить не могутъ. Намъ ни отъ кого кромѣ единаго *Бога* истинной помощи въ бѣдахъ и въ крайнихъ своихъ нуждахъ ожидать не можно. Люди къ злощастію ближняго очень не чувствительны. Развѣ только скажутъ, жаль бѣднаго человѣка, да и полно того. А чтобы такъ иному какъ самимъ себѣ помочь, о томъ и думать нѣчего. Мы единому *Богу* должны благодарить за все доброе, что дѣлаемъ, и за все злое, отъ чего убѣгаемъ, для того что природа всегда насъ къ злому влечетъ. Мы бы по естественной немощи и по природной тягости тѣла своего безпрестанно падали, ежелибы *Богъ* всегдашнимъ свѣтомъ разума и низпосланіемъ добрыхъ движеній насъ не подкрѣплялъ. На сію-то божественную помощъ надобно намъ полагаться, не сомнѣваясь въ вѣрѣ, по слову Апостольскому. Кой часъ Святый Петръ о помощи Спасителя своего усумнѣлся, ту же минуту волны начали его такъ одолѣвать, что Апостолъ въ нихъ едва не погибъ. Сей примѣръ учитъ насъ совершенно предаться провидѣнію *Божію*, которое человѣка отъ злѣйшихъ бѣдъ избавитъ, ежели мы вѣру крѣпкую и не сомнѣнную надежду имѣть будемъ. А когда о силѣ и о благости *Божіей* усомнимся, то волны бѣдъ свѣтскихъ и насъ также какъ Апостола Петра пожрать готовы будутъ. Ни въ чемъ намъ успѣху не будетъ, ежели *Богъ* своего бла-

гословенія не дастЪ. Напрасно человѣку на себя надѣяться. Не надобно на силу, на разумЪ, на искусство и на хитрость свою уповать. *БогЪ* опровергаетЪ всю политику и мудрость человѣческую. ВсѢ ихЪ замыслы уничтожаетЪ, ежели у него помощи просить не будутЪ, и всего упованія на Творца своего не возложатЪ. Ежели мы по прошенію своему желаемое отЪ *Бога* получить хочемЪ, то сего у *Бога* сердцу и духу, а не языку и гортанѣ просить должно. Сокрушенное, смиренное и волѣ *Божіей* во всемЪ покоренное сердце у Творца и *Бога* своего много испросить можетЪ. Внутренняя служба *Богу* состоитЪ вЪ поклоненіи и вЪ молитвѣ духомЪ, истинною вѣрою, надеждою и любовію. *БогЪ* требуетЪ отЪ насЪ повиновенія святымЪ таинствамЪ Его симЪ, только не желаетЪ слабаго вѣроятія во всякихЪ книгахЪ обЪявленнымЪ чудесамЪ. Сила и слава вѣры вЪ томЪ состоитЪ, чтобЪ вѣрить не постижимому и уповать не видимаго. А *Божію* слову безЪ всякаго сомнѣнія вѣрить. Понеже *БогЪ* на проповѣдь святаго Евангелія своего людей простыхЪ и не знающихЪ писанія выбралЪ, то все сіе дѣло не человѣческое, но *Божіе*, преестественное и не понятное. *ХристосЪ* Спаситель не изволилЪ допустить вЪ число учениковЪ своихЪ Наѳанаила, которой былЪ человѣкЪ мудрой и учитель закона; но такихЪ проповѣдниковЪ святой вѣры своей избралЪ, которые по природному ихЪ недо-

недостаточеству къ такъ великому и высокому служенію ни мало не способны были. *Божія* сила и премудрость учинила сіе для того, дабы православная вѣра наша утверждена была на одной силѣ не поколебимаго слова *Божія*, а во основаніи бы церкви Христовой ничего человѣческаго не было.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

О ЛЮБВИ И О СТРАХѢ БОЖІИ.

Страхъ и любовь, какъ двѣ главнѣйшія причины, больше всего сердцемъ человѣческимъ владѣя, производятъ многія движенія, которыми вся жизнь наша колеблется. Самъ Богъ для соглашенія съ естественнымъ расположеніемъ сердца человѣческаго и склонностей его употребляетъ два главные способа на обязаніе людей къ храненію закона своего, то есть, страхъ и надежду. Съ одной стороны предлагаетъ намъ вѣчное блаженство и жизнь безконечную, ежели мы отважимся въ маловременной жизни сей все то исполнять, что Богъ намъ повелѣваетъ. Съ другой стороны грозитъ вѣчными муками насъ казнить, ежели святыя заповѣди Его преступимъ, для освобожденія себя въ пагубную волю сердецъ и развращенныхъ вожделѣній нашихъ. Между Богомъ и людьми есть договоръ, которымъ Богъ обѣщаетъ, и обязуется даровать

вать намъ животъ вѣчный, ежели сохранимъ завѣтъ Его. Сїе сильное и дѣйствительное обязательство угрожаетъ намъ жестокимъ наказанїемъ за преслушанїе: и ежели мы сами себѣ непрїятельми здѣлавшись, обѣщанное намъ отъ Бога благополучїе за вѣрность и добродѣтель нашу презримъ, то сами своей погибели причиною будемъ. Страхъ и любовь Божїя суть первыя основанїя вѣры и набожности Христїянской. Страхъ отъ того насъ удерживаетъ, дабы человѣкъ ничего противнаго Богу не дѣлалъ: а любящему Бога ничто не трудно. Вкорени Христе Боже страхъ Твой въ сердца наша, да утвердитъ насъ въ должности нашей, яко дѣтей боящихся прогнѣвати Тебе Господа и Отца своего. Наполни сердца наша любовїю Твоею, да никого и ничего на свѣтѣ паче Тебе Творца и Бога нашего не любимъ. Да Тебѣ единому тверды въ вѣрѣ и не поколебимы въ любви Твоей до послѣдняго издыханїя нашего пребудемъ. Какая намъ отъ того польза, что мы въ Бога вѣруемъ, а преступленїемъ заповѣдей Его ругаемъ? Къ спасенїю нашему того не довольно, чтобы только вѣрить, но къ сему вѣрованїю вѣрное исполненїе заповѣдей Господнихъ присоединить должно. Сила вѣры въ томъ, чтобы Бога больше и выше всего, а ближняго какъ себя любить. Никакой отговорки и ни одного правдѣ подобнаго извиненїя противъ сего не сыщется. Порядокъ того требуетъ,

буетъ, дабы наибольшее, всесовершеннѣйшее и лучшее въ душахъ и въ сердцахъ нашихъ первое мѣсто имѣло. Но понеже собственное наше самихъ себя, а потомъ свѣта сего любленіе отъ Бога насъ удаляетъ; то надобно, чтобъ любовь Христіянская насъ къ нему присоединяла, истиннымъ сердцемъ все то отвергая, что мы до сего времени Божіимъ заповѣдямъ въ противность любили. По силѣ той любви, которою всякъ изъ насъ Творцу и Богу своему обязанъ, должны мы защищать славу, а тому всѣми силами противиться, что честь Божію повредить можетъ, хотябъ за сіе всю милость жалующихъ насъ высокихъ персонъ потерять. Сія верьховная и надъ душею господствующая любовь какъ необходимой способъ къ жизни вѣчной намъ отъ самаго Бога предана. Подлинной знакъ сей истинной любви Божіей то, ежели человѣкъ о томъ раскаивается и сердечно жалѣетъ, что Бога прогнѣвалъ. А буде кто лѣнивыми и безпристрастными глазами на грѣшниковъ преступающихъ законъ и разоряющихъ заповѣдь Божію безъ должнаго имъ наказанія смотритъ, тотъ самымъ дѣломъ кажетъ, что слава Божія не очень ему нужна. Намъ надлежало за честь и славу Божію съ такою же ревностію стоять, съ какою мы за свою честь и пользу временемъ безразсудно стараемся. Ежели кто насъ обезчеститъ, то съ какимъ усердіемъ мы себя обороняемъ? Какія жалобы и ссоры съ озлобив-

озлобившими насЪ зачинаемЪ? БогЪ не можетЪ терпѣть раздѣленія сихЪ холодныхЪ сердецЪ, которыя Ему кромѣ отказу ничего не даютЪ: а притомЪ одни пустые остатки болѣзньми отягченной старости и последнія воздыханія о жизни препровожденной во грѣхахЪ на мнимое оправданіе Богу представляютЪ. Но сіи Каиновой жертвѣ подобныя приношенія привлекаютЪ на приносителя гнѣвЪ Божїй сЪ разными наказаніями. СамЪ ДухЪ Святый чрезЪ писаніе глаголетЪ: страхЪ Господень, начало всякой премудрости; а по тому что онЪ человѣка вЪ истинныхЪ его границахЪ утверждая, не допускаетЪ удалятся отЪ правилЪ должности Христіянской. СтрахЪ Божїй даетЪ почитаніе и благоговѣинство кЪ святынѣ, и ко всѣмЪ тѣмЪ вещамЪ, которыя до вѣры касаются. Ежели человѣкЪ по нещастію своему вЪ чемЪ либо забудется, то сей спасительный страхЪ обратно его кЪ познанію самаго себя призывая, на прежнюю его должность приводитЪ. Самолюбивое мнѣніе не только на весьма худомЪ основаніи положено, да по тому безмѣрно пагубно, что человѣка принуждаетЪ безгрѣшнымЪ себя почитать. КакЪ бы кто о себѣ не думалЪ, и какія бы предосторожности не употреблялЪ, однако человѣкЪ всегда и всякой день во грѣхахЪ. Для того надобно ему во всечасномЪ страхѣ живучи, всѣми силами о томЪ стараться, дабы Бога благотвореніемЪ и удовольствованіемЪ за грѣхи свои какЪ можно умилостивить.

тивить. Намъ безъ всякой жалобы о жестокости покаянїя надлежало удивляться безмѣрнымъ щедротамъ и неизреченной благости Божїей, дающей человѣку время и способы на возвращенїе къ Богу, и на покаянїе о грѣхахъ своихъ. Ежелибъ не сїе человѣколюбїе Его насъ хранило, то бы Богъ въ ярости правосудїя своего во мгновенїи ока учиненнаго нами грѣха всѣхъ насъ погубилъ. Напрасно нѣкоторые люди о строгомъ состоянїи и о жестокости покаянїя жалуются. Ежели бы непрїятель по учиненїи непрїятелю своему великихъ обидъ, пришедши къ нему, сталъ въ томъ виниться, и съ сердечнымъ жалѣнїемъ въ учиненныхъ ему обидахъ прощенїя просить, а обиженой бы, видя усердное раскаянїе, въ томъ его простилъ, могъ ли бы кто на простившаго жаловаться, и въ такихъ поступкахъ его порицать? Никакъ. Такъ власно Богъ съ нами поступаетъ. Онъ о немощахъ нашихъ милосердно сожалѣетъ, ежели только мы съ помощїю благодати Его о востанїи отпаденїй нашихъ ревностное старанїе приложимъ, и не пребудемъ безъ исправленїя въ злыхъ обычаяхъ своихъ. Страхъ человѣка отъ пагубнаго сна грѣховнаго возбуждая, препятствуетъ въ несоглашенїи на прозьбы чинимыя намъ противъ совѣсти и противъ должности нашей. Которые насъ о семъ безотступно просятъ, тѣмъ надлежитъ такой отказъ дать. Я бы по вашему прошенїю здѣлалъ, да Богъ сїе запрещаетъ. Человѣкъ временемъ

не знаетъ

не знаетъ, что такимъ людямъ отвѣчать, которые являемую имъ учтивость нашу на зло употребляя, требуютъ того, чтобы ты былъ участникомъ злыхъ дѣлъ и развращенныхъ поступокъ ихъ. Такимъ не обинуясь скажи. Предложенїе ваше противно закону Божїю. На сей отказъ конечно уже никто и ни съ чѣмъ больше забѣгать къ тебѣ не будетъ. Мы себя предъ Богомъ не только одними чрезъ самихъ насъ учиненными грѣхами, но и погрѣшностьми другихъ людей по тому виновными творимъ, ежели ихъ соблазнили, или своимъ злымъ примѣромъ ко грѣху привели. Для сего-то господа, отцы и домовъ правители съ великою осторожностїю въ свѣтѣ поступать должны, дабы слабѣйшихъ себя ни чѣмъ не соблазнять. Въ семъ-то блаженномъ намѣренїи Царь и Пророкъ у Бога просилъ. Грѣхъ юности моея и невѣденїя моего не помяни, и отъ грѣхъ чуждихъ пощади раба твоего. Хотя нѣкоторые люди о спасенїи своемъ сомнѣваются, а притомъ боятся того, чтобъ не попасться въ руки правосудному мстителю Богу: однакожъ они для сего худыхъ поступокъ своихъ не отмѣняютъ. Непрестанно плачутъ о своей бѣдности, а къ свобожденїю себя отъ нее ни малаго старанїя не прилагаютъ. Жестокою болѣзнью стражутъ, и лекарство въ рукахъ у себя имѣютъ, а никогда его не употребляютъ. Апостолъ Святый Павелъ пишетъ къ Галатомъ: не льститесь братїе! Богъ поругаемъ не бываетъ.

не бываетъ. Кійждобо пожнетъ, еже посѣя, то есть, или воздаяніе за добрыя, или наказаніе за злыя дѣла свои конечно получитъ. Сіе уже крайнее безумство стало, кто отваживается такого Всемогущаго *Бога* прогнѣвлять, который не только бѣднаго человѣка какъ пылинку вѣтромъ здунуть, но и всю тварь во мгновеніе ока уничтожить можетъ. Чтобъ ты сказалъ о такомъ человѣкѣ, которой бы одинъ и безъ всякой помощи дерзнулъ итти во дворъ славнаго Царя, которой великими войсками и крѣпкими караулами всякой часъ окруженъ, а за тѣмъ бы отважился самаго Монарха атаковать? Конечно и праведно скажешь, что сей человѣкъ взбѣсился, или съ ума сошелъ, а по тому что онъ на явную и не минуемую смерть свою самъ идетъ. Такъ власно тѣ слабые и безразсудные люди всякой день поступаютъ, которыхъ страхъ Господень отъ поползновенія ихъ не удерживаетъ. *Богъ* съ людьми такъ точно, какъ горшечникъ съ глиною поступаетъ. Иныхъ людей какъ сосуды устрояетъ для постановленія на пирные столы и поставцы въ церемоніяхъ, а другіе сосуды дѣлаетъ на всегдашнее и простое употребленіе. *Богъ* по святому своему предвѣдѣнію совершенно уже знаетъ, что изо всякаго отъ насъ дѣлать, и каждому по дѣламъ его воздастъ; а слѣдственно вся наша доля зависитъ отъ добраго, или отъ худаго употребленія при-

 родной

родной воли и свободы во время жизни нашей. Разсмотри же все окружающія тебя твари. Увидишь, что все *Богу* покорно, кроме сердецъ такихъ злыхъ людей, которые противятся закону и повеленію Его. Данную имъ отъ Него Творца и *Бога* своего волю на прогневленіе Егожъ употребляютъ избираніемъ злаго, вместо положеннаго передъ глазами ихъ блага. *Богъ* при сотвореніи человека то первое и главное намереніе имелъ, дабы человекъ *Богу* покланялся и служилъ, а притомъ бы всемъ сердцемъ, и всемъ помышленіемъ своимъ Его Создателя своего выше и больше всего любилъ, и симъ бы любленіемъ *Бога* безсмертную жизнь и славу наследовалъ. Но грехъ съ самаго созданія света все следы истиннаго *Бога* такъ въ человеке загладилъ, что те народы, которымъ наследію *Божію* быть надлежало, въ короткомъ времени чрезъ идолопоклонство свое зделались жертвою діяволу, которому они вместо законнаго Творца, и забывъ истиннаго *Бога* своего, безумно покланялись и беззаконно служили. Хотя ныне идолопоклонства передъ прежнимъ много убыло, однако еще и по се время целые народы есть, которые истиннаго *Бога* не знаютъ; а следственно участія въ небесномъ наследстве не имеютъ. Некоторые спрашивали у Катона, какъ *Бога* любить, и какимъ образомъ Ему служить? На что имъ сей славной и мудрой Римлянинъ такой ответъ далъ: *Понеже Богъ*

[ло

[по объявленію Сивиллъ, и папищныхъ пророченій] есть Духъ безсмертный и пречистый, то должны вы Ему служить съ великою чистотою сердца и духа. Его единаго выше и болѣе всего на свѣтѣ почитать, въ знакъ благодарности за всѣ тѣ благодѣянія, которыя сіе Всевышнее и Безначальное Существо, вина и начало всѣхъ существъ на васъ изливаетъ. Имъ однимъ всѣ мы живемъ, движемся, и есьмы. Ежелибъ Онъ на одно мгновеніе ока насъ миловать, хранить и содержать пересталъ, тобъ мы въ то же ничтожество и небытіе опять обратились, изъ котораго насъ святая и всесильная десница Его на свѣтъ произвела. Сіе сказалъ Катонъ не для того, чтобъ *Богу* служеніе наше нужно было. *Богъ* отъ приношенія онаго щастливѣйшимъ, а отъ неприношенія службы нашей безщастнѣйшимъ во вѣки не здѣлается: но того ради, понеже достойно и праведно есть рабу господина, а подданному Государя и Самодержца своего знать, также бы вся тварь Творцу своему покорна и послушна была. Умному человѣку ничто такъ не пристойно, какъ всегдашнимъ и прилѣжнымъ разсужденіемъ искать начало существа своего, и знать то, какими пути и способы къ сему концу достигнуть. Однако люди о познаніи сего всевышняго и пресвятаго Существа мало пекутся, которое ихъ на свѣтъ произвело: также и о

 вѣдѣ-

вѣдѣніи того не много думаютъ, за чѣмъ они на свѣтъ родились, и какъ изъ него пойдутъ? Гдѣ, и къ какой жизни вѣчно имъ быть? Хотя по слову и ученію святаго Пророка того довольно, чтобъ для ожиданія и полученія небеснаго благословенія надежду свою на *Бога* возложить; однако сія надежда должна основана быть на познаніи бѣдности человѣческой, а потомъ на вѣдѣніи благости *Божія*. Сей человѣколюбивый Творецъ святымъ своимъ словомъ именно намъ обѣщалъ все даровать, чего мы во имя Его попросимъ: а по сему упованіе наше на твердомъ и не поколебимомъ основаніи утверждается. Всѣ объявленныя мною причины могутъ обязать всякаго Христіянина, [ежели онъ хочетъ по правиламъ чести, благодарности и правды поступать], *Богу* должное отдавать, никогда отъ тѣхъ правилъ не удаляясь, которыя честь и совѣсть всякому доброму человѣку предписываетъ. Не говори того, что ты въ тѣ поры добрѣйшимъ учинишься, когда больше вѣры имѣть будешь. Сіе весьма тому противно. Ты обязавшись грѣхомъ, о главныхъ пунктахъ вѣры сомнѣваешься. Не дивись тому, что не вѣрующіе въ *Бога* Язычники въ крайнемъ развращеніи и въ душевной погибели живутъ. Они душевреднымъ своимъ помышленіемъ къ большему себѣ осужденію такое безуміе думаютъ: Когда [де] уже *Бога* нѣтъ, то ни наказанія бояться, ни воздаянія уповать нѣчего. Но страхъ

Божій

Божій съ Христіянскою надеждою разумнаго человѣка изъ сего крайняго заблужденія и душевной слѣпоты выводя, ко исполненію добродѣтели внутренно побуждаетъ. Когда ты вѣру имѣть будешь, въ то время все тебѣ возможно покажется. Тебѣ же и труднѣйшія должности легки будутъ. Предписанное глазамъ твоимъ теченіе съ радостію оканчивать станешь; а все закономъ Христовымъ повелѣнное вѣрно и усердно исполнять потщишься, не удаляясь отъ главныхъ правилъ вѣры истинныя.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

О ЛЮДЯХЪ И О ДОЛЖНОСТИ ИХЪ.

Воздадите Кесарева Кесареви.

Весьма не легко человѣку точно исполнить всѣ обязательства, заключенныя въ семъ правилѣ, которое въ трехъ словахъ всѣ должности житія гражданскаго содержитъ. По отданіи должнаго Всевышнему и Всемогущему Существу, дѣйствительнымъ соблюденіемъ вѣры и дѣлъ истиннаго Христіянина, надобно еще для полученія имени честнаго человѣка отдать равнымъ нашимъ то, чего они отъ насъ справедливо требовать могутъ по правиламъ житія свѣтскаго, которое всѣхъ насъ закономъ человѣчества связуетъ. Нѣтъ лучше и почтеннѣе до-

стоинства честнаго человѣка. Одно сїе имя всѣ тѣ титлы помрачаетъ, которыя щастье и свѣтская милость человѣку дать можетъ. Но какъ высокїя совершенства въ семъ имени заключаются? Какимъ труднымъ и не вольнымъ обязательствамъ надобно человѣку подвергнуться, дабы самому себя не порицать, и для отвращенїя того, чтобъ другїе на насъ по справедливости не жаловались. Люди безмѣрно себя любятъ, и все къ сему пункту клонятъ. Самолюбїе ни о чемъ кромѣ себя не думаетъ, и для того человѣкъ чужую пользу легко пренебрегаетъ. Начало человѣческое съ одной стороны очень бѣдно и подло, а съ другой половины славно и чесно, и такъ одно другому по видимому весьма противно. Человѣкъ сотворенъ изъ глины, и то значитъ подлость рожденїя его. Но понеже онъ по образу и по подобїю *Божїю* созданъ, то сїе одно обстоятельство человѣка надъ вся твари возвышая, честнѣйшимъ ихъ творитъ. По сему въ человѣкѣ чудная смѣсь. Немощь и сила, подлость и честь, все это въ немъ. Какая бѣдность въ человѣкѣ не сыщется? Какой темнотѣ умъ его подверженъ? Какимъ болѣзнямъ и нещастїямъ страсти его подчиняютъ? Какое заблужденїе во мнѣнїи его? Какой жаръ съ горячестью въ снисканїи чувствительныхъ забавъ и роскошей? Какая нечувственность къ истиннымъ благимъ? Какая лѣность къ исполненїю истинныхъ его должностей? Какое любопытство въ рѣчахъ

и въ вопросахъ? А какая невѣрность въ исполненіи обѣщаній его? Кое развращеніе во нравѣ, а какая пестрота въ поступкахъ и жестокость во гнѣвѣ его? Однимъ словомъ: хотя человѣкъ и подлинно разуменъ; но ежели себя не остережетъ, то мало своимъ умомъ пользуется, да все по одному упрямству, по своенравію и по непостоянству дѣлаетъ. Почти всѣ люди таковы, что добродѣтели съ пороками въ нихъ смѣшены. Ни къ злу, ни къ добру подлинно будучи не склонны, допускаютъ себя водить по затвердѣлымъ, добрымъ, или по худымъ мнѣніямъ, приходящимъ отъ добраго или отъ злаго воспитанія, также по различнымъ нравамъ тѣхъ людей, съ которыми обходятся по истиннѣ. Умъ человѣческій къ принятію разныхъ видовъ весьма склоненъ. Его можно къ доброму и къ злому обратить по различію подаваемыхъ ему склоненій. Въ то уже время весьма трудно будетъ умъ переломить, когда обычай укрѣпится и застарѣетъ. Къ исцѣленію себя отъ худыхъ обычаевъ и отъ страстей то лучшій способъ, дабы прилѣжно разсуждать худое дѣйство ихъ страстей въ другихъ людяхъ. Жизнь человѣческая подобна такому зеркалу, въ которомъ тебѣ можно смотрѣться для исправленія поступокъ своихъ. Ежели тебѣ худые манеры, вздорной нравъ и безчинные поступки тѣхъ людей противны, съ которыми обходишься, то уже не сомнѣнно вѣрь, что тѣжъ самые пороки въ тебѣ и другихъ людяхъ также

власно, какъ тебѣ ихъ недостатки противны будутъ. Человѣкъ долго себя скрывать, и того таить не можетъ, что у него въ сердцѣ есть. Все его объявляетъ, лицо, глаза, взгляды, поступка, рѣчь, и вся его персона, говоря сказываетъ, что, и каковъ онъ. Прилѣжно того смотри, и примѣчай, что говоритъ, дабы тебѣ въ словахъ чести своей не потерять, или бы другїе люди не имѣли причинъ на тебя жаловаться о потерянїи скромности. Истинной Христїянинъ и честной человѣкъ весьма себя отъ того хранитъ, дабы не повредить любви и учтивства: а эти двѣ добродѣтели въ свѣтскомъ обхожденїи весьма худо хранятся. Люди временемъ противъ своего интереса и разума дѣлаютъ и говорятъ. Иногда по особливому нещастью на такїя дѣла отваживаются, на которыя ни сердце, ни совѣсть ихъ не позволяетъ. Такое несогласїе очевидно показываетъ слабость ихъ. По долговременномъ и прилѣжномъ разсужденїи важныхъ дѣлъ, по здравомъ разсмотренїи всякихъ затрудненїй и невозможностей, также узнавши добрую и правую сторону, въ самомъ произведенїи намѣренїя своего дѣломъ весьма противныя сему мѣры берутъ. На полученїе и на содержанїе имени честнаго человѣка весьма многїя и справедливыя мѣры брать надобно, дабы у знатныхъ персонъ всегда въ почтенїи быть. Многїе люди въ снисканїи чести для того погибли, что внѣшняго утаить не могли и не умѣли. Ежели что нибудь такое

здѣлаешь, чѣмъ деликатныя персоны могутъ прогнѣваны быть, то по крайней мѣрѣ такую предосторожность возьми, чтобы весь свѣтъ того не видѣлъ и не зналъ. Слава подобна цвѣту, которой уже обновиться не можетъ, ежели одиножды увянетъ. Къ полученїю истинной славы лучшїй и кратчайшїй способъ то, дабы человѣку въ самомъ дѣлѣ такову быть, каковымъ онъ себя показать хочетъ. Сїя погрѣшность очень велика, ежели человѣкъ думаетъ истинной славы достигнуть, а истинной добродѣтели не имѣя, по примѣру ханжей и лицемѣровъ однимъ хвастовствомъ жизнь свою проводитъ. Ежели ты безпорочно живешь, то на угрызанїе злыхъ языковъ не смотри, и о злословїи ихъ не печалься, да вѣдай, что угрызательныхъ языковъ никто къ молчанїю принудить не можетъ, но то въ нашей власти, дабы человѣку добродѣтельно жить. Нѣкоторому доброму человѣку сказали, что ненавистники его злословятъ, а онъ на сїе отвѣчалъ: Враги мои власть и волю имѣютъ то говорить, что хотятъ, а я на нихъ не смотря, такъ воздержно и осторожно стану жить, чтобы добрые люди рѣчамъ ихъ не вѣрили. Ежели славѣ твоей завидящїе люди тебя порицаютъ, то для исцѣленїя отъ сего яда такъ порядочно живи, дабы и самое ядовитѣйшее злословїе на всемъ твоемъ тѣлѣ такого мѣста не нашло, въ которое бы тебя уязвить. Мудрый человѣкъ никогда отъ свѣта разума не удаляется, но

всегда ему последуешъ. На удачу ничего не дѣлай, а на не извѣстное отнюдь не отваживайся. Ежели тебя нужда къ сему позоветъ, то всегда къ праведной сторонѣ приставай. Люди со временемъ и разсужденіемъ въ совершенство приходятъ. Мы нѣкоторымъ образомъ подобны не ограненому алмазу, которой изъ земли въ кожѣ вынимается, а отъ доброй грани брилїантомъ становится. Воспитанїе творитъ человѣка, а вѣра приводитъ его въ совершенство. Человѣкъ родится въ такомъ глубочайшемъ невѣдѣнїи, что самъ себя не знаетъ. Грѣхомъ лишился первой своей славы и чести, такъ что въ естественномъ человѣкѣ ничего кромѣ темноты и заблужденія нѣтъ. Ходитъ какъ слѣпой осязаніемъ и не смѣлыми шагами, не вѣдая того, какъ бы безсмертная и не вещественная его душа могла соединиться съ вещественнымъ и тлѣнію подверженнымъ тѣломъ? Отъ грѣхопаденія Адамля во весь родъ человѣческой вошедшее безуміе, больше всего оказалось въ избраніи отъ людей боговъ ихъ. Люди начавши отъ солнца, всему до послѣдняго въ гадахъ кланялись. Такихъ грѣшниковъ по смерти ихъ въ боги себѣ причли, которыхъ развращенную жизнь и мучительства сами знали. Въ семъ-то наиболѣе недостатокъ ума ихъ оказался. Одни только правила вѣры Христїянской съ добрымъ воспитаніемъ людей отъ такихъ пороковъ удержать могутъ, въ которые

рые они обыкновенно впадаютъ. Есть такіе, что единымъ именемъ, и слѣдственно однимъ видомъ люди, а страстьми и грѣхами своими самые скоты. Воздержнѣйшіе таятся внутреннимъ стыдомъ; но сего единаго на показаніе того не довольно, что въ тѣлесныхъ забавахъ есть нѣчто противнаго натурѣ. Природное человѣческое непостоянство не понятно и не постижимо. На одномъ часу одну персону и любитъ и ненавидитъ. Увидясь съ тобою цѣлуетъ, обнимаетъ, хвалитъ, и ублажаетъ тебя; а какъ скоро отъ него пойдешь, то тебя же ругаетъ, злословитъ, и въ слѣдъ за тобою плюетъ. Грѣшныя его мнѣнія о набожности и о исполненіи добродѣтели еще того чувствительнѣе. Ежечасная въ человѣкѣ перемѣна вѣрности и постоянства ужаснѣе всего. Сего дня должность свою рачительно исполняетъ, а завтра все упрямствомъ, по своей волѣ и по пристрастіямъ дѣлаетъ. Въ интересныхъ дѣлахъ правда такихъ людей оставляетъ, а разумъ противъ желанія человѣческаго корыстямъ повинуется. Одни къ земному безмѣрно привязавшись, всю свою честь, совѣсть и спокойство нарушаютъ для одного собранія богатства. Вѣчная жизнь въ небѣ со всѣми небесными благими сихъ въ болотѣ увязшихъ и на грязи замѣшанныхъ душъ къ чувствію не много приводитъ. А другіе роскошнѣе и чувствительнѣе первыхъ будучи, весьма ложно думаютъ, будто они для того на

свѣтѣ

стѣтѣ, чтобъ имъ пить и ѣсть сладко, а жить пространно. Чемужъ и дивиться, когда такъ развращеннаго нрава люди противъ правилъ вѣры Христiянской живутъ? Напрасно нѣкоторые говорятъ, будто сей свѣтъ испортился, и послѣднiя времена пришли. Люди отъ начала свѣта слово въ слово также жили, какъ мы нынѣ живемъ. Въ нихъ то же самое поврежденiе, тѣжъ самыя страсти, тѣ же склонности были, каковы нынѣ въ насъ. Свѣтъ еще и въ то время не старъ былъ, когда Богъ всеобщимъ наводненiемъ сей злой и развращенной родъ потопилъ. Сiе вскорѣ послѣ Адама зачалось, и до потопа было, что родомъ, силою, или богатствомъ предъ другими отмѣнные люди ложно думали, будто они не только отъ человѣческихъ, но и отъ божественныхъ законовъ нѣкоторымъ образомъ уволены. Одной своей волѣ и страстямъ послѣдуя, приводили себя въ безвластiе. Богатые отъ начала свѣта къ бѣднымъ не милостивы были. Какое имъ великое на небеси воздаянiе за малую на земли милостину и за любовь къ ближнему ни обѣщается, однако они мало того слушаютъ. Люди тогдашнихъ вѣковъ имѣли во всякомъ состоянiи способъ къ добродѣтелямъ и къ приведенiю себя въ совершенство по чину и по состоянiю своему. До письменнаго, то есть, до Моисеева закона, добрые и умные люди послѣдовали естественному закону, которой истинному Богу служить,

и никому зла не дѣлать точно повелѣваетъ. На добродѣтельную жизнь сихъ двухъ правилъ весьма не довольно. Ко исполненїю должностей истиннаго Христїянина и честнаго человѣка другихъ добродѣтелей и большаго совершенства потребно. Вѣра Христова гораздо выше природы его возводитъ, и совсѣмъ иныя должности ему предписываетъ. Она обязываетъ Христїянина быть истиннымъ и любительнымъ. Сожалѣть о немощахъ ближняго, извинять и сносить, а не обвинять и не объявлять чужихъ слабостей для приведенїя погрѣшившаго человѣка въ смѣхъ и въ поруганїе. Кто сущимъ въ нуждѣ добро здѣлать хочетъ, тому надлежитъ сїе учтивымъ и прїятнымъ образомъ учинить для збереженїя чести въ нуждѣ и въ бѣдности находящагося человѣка. Знатнаго роду и чина Офицеръ отъ не щасливыхъ припадковъ, только не своею виною, въ недостатокъ и истощенїе пришелъ, а дѣтей у него много было. Французскою армїею командующїй Маршалъ хотѣлъ ему помощъ и благодѣянїе учинить, только не показывая ни малаго виду къ своему благотворенїю, дабы честь сего Офицера какъ можно сохранить. Маршалъ послалъ къ нему своего служителя съ такимъ объявленїемъ, будто ему пара лошадей у сего Офицера понравилась, за которыхъ Генералъ лучшїй цукъ своихъ коней, и сверьхъ того знатную сумму денегъ, а на завтрее и обѣихъ его лошадей назадъ къ нему отослалъ.

Офицеръ

Офицеръ сїе весьма учтивымъ образомъ оказанное ему благодѣянїе узнавши, такъ щедрому благотворителю своему должную благодарность принесъ. Почти всѣ люди съ природы къ корыстямъ склонны. Они ко всѣмъ тѣмъ добры, кто ихъ даритъ. Только симъ принятелямъ даровъ надобно того боятися, чтобъ чинимые имъ подносы не были сѣтьми ко уловленїю правды и на прельщенїе добродѣтели ихъ. Къ такимъ персонамъ, которые народу нужны, всегда дарами входятъ; а эти дары подобны цѣпямъ, кои принимающаго вяжутъ и невольникомъ творятъ. Всякъ прїемлющїй дары показываетъ свою охоту къ услугамъ дарящаго. Только вѣрность такого дароимца всегда подозрительна. Другъ обязанъ для друга своего все то дѣлать, чего честь и добрая совѣсть не запрещаетъ, а за сїи границы переходить отнюдь не должно. Великой и славной Принцъ придворному своему сказалъ: Ежели твое прошенїе право, то я по оному здѣлать слово далъ; а буде твое дѣло не право, то я тебѣ въ твоей прозьбѣ отказать обѣщалъ. Тотъ человѣкъ слова своего никогда не перемѣнитъ, кто съ такими не праведными и корыстными людьми грубо поступитъ, которые по своему несытству того желаютъ, дабы человѣкъ для нихъ всю честь, добрую совѣсть и правду нарушилъ. Кому обѣщанїе дано, тотъ имѣетъ видъ права требовать того, дабы человѣкъ слово и обѣщанїе свое вѣрно содержалъ; но

какъ

какъ скоро эти великіе обѣщатели комплиментами своими человѣка замечутъ, въ тотъ же часъ и думаютъ ничего изъ обѣщаннаго не дѣлать. Сіе самохвальствомъ подбитое, а обманомъ опушеное хвастовство, чину съ состояніемъ истиннаго Христіянина и честнаго человѣка весьма противно. Оно обѣщателя гнуснымъ творитъ съ такимъ показаніемъ цѣлому свѣту, чтобы ниодинъ человѣкъ на обѣщанія сего льстеца не полагался, а лживымъ обнадеживаніямъ его отнюдь не вѣрилъ. Они тебѣ для того услуги свои представляютъ, чтобы твоими друзьями прослывши, изъ своего кармана ни полушки не вынимать; а когда ты отъ нихъ въ нуждѣ своей помочи потребуешь, тогда злое ихъ сердце лучше узнаешь. Самые грубѣйшіе народы и жестокосерднѣйшіе люди дарами укрощаются. Дары, по слову Соломонову, ослѣпляютъ очи премудрыхъ. Въ томъ состоитъ совершенное познаніе людей и слабостей ихъ, дабы въ предлагаемыхъ имъ дѣлахъ способъ къ пользѣ и къ надеждѣ имъ подать: а все то здѣлавши, чего они отъ тебя надѣялись, всегда отъ нихъ уповаемой благодарности и воздаянія ждать. Славной Катонъ написалъ: О показанныхъ тебѣ одолженіяхъ и милостяхъ часто говори, а о своихъ людямъ здѣланныхъ благодѣяніяхъ никогда не упоминай. Токмо въ свѣтѣ все противно сему дѣлается. Иные себѣ то за честь почитаютъ, чтобы отъ людей полученныя благодѣянія всему

свѣту

свѣту разглашать, думая, будто они себя тѣмъ выше благодѣтелей своихъ здѣлаютъ. Самолюбіе даятеля съ принимателемъ въ одно мѣсто мѣшаетъ. Учтивство языкъ даятеля такъ развязываетъ, что онъ благодѣянія свои съ охотою исчисляетъ, а неблагодарность уста пріемлющаго толь крѣпко заключаетъ, что онъ полученныя благодѣянія вѣчному молчанію предаетъ. По сему и дивиться нѣчего, что Принцы да великіе господа съ природы не благодарны. Они думаютъ, будто все имъ должно; и для того за оказанныя имъ благодѣянія такъ мало благодарятъ, напрасно думая, что все имъ покорно, а цѣлой свѣтъ служить повиненъ. Тотъ человѣкъ на водѣ пальцомъ пишетъ, кто вышшимъ себя персонамъ великія услуги дѣлаетъ, и такихъ особъ сверьхъ своей мѣры одолжаетъ, которыя злой природы; а хотябъ и добры были, такъ только тебѣ скажутъ, это изрядное и самое Христіянское дѣло. Добродѣтель должна безкорыстна быть, и только всего. Намъ бы надлежало самымъ дѣломъ въ томъ увѣреннымъ быть, что на человѣческую добрую волю надѣяться не надобно. Большая часть людей къ благому холодныхъ, или не доброжелательныхъ. Чужая нужда и бѣдность не очень имъ чувствительна. Всякъ больше о себѣ и о своихъ интересахъ думаетъ, а о другихъ очень мало помнитъ. И такого худаго нрава люди есть, что о нещастіи и худомъ успѣхѣ

дѣлъ

дѣлъ ближняго своего сердечно радуются. Только симъ злорадствомъ христіянство, честь и добрая совѣсть сильно нарушается. Человѣческая помощъ весьма не крѣпка и не надежна. Воля ихъ перемѣнна и не постоянна. Когда лучшіе изъ нихъ подлинное намѣреніе о благотвореніи намъ возьмутъ, то смерть ихъ съ нами разлучивши, всю нашу надежду вдругъ уничтожаетъ. Или непріятели наши такъ имъ въ уши о насъ надуютъ, что ты всѣ свои долголѣтніе труды и услуги въ одинъ часъ потеряешь. И то не рѣдко случается, что великія услуги больше ненависти и бѣдъ, нежели благодаренія и награды человѣку приносятъ. Напоминаніе о заслугахъ твоихъ такъ имъ скучно, что они лучше не благодарными остаться, нежели ко всегдашней благодарности и къ воздаянію за службы твои одолжены быть желаютъ. Прогнѣванной человѣкъ чрезъ нѣсколько лѣтъ оказанныя себѣ услуги въ одинъ часъ забываетъ. Самое легкое и временемъ не умышленное прогнѣваніе господъ, вельможъ и командировъ дѣйствительныя и важныя услуги наши для того перевѣшиваетъ, что въ свѣтѣ большая часть людей не праведныхъ. Они своимъ мнѣніемъ наималѣйшую досаду умножаютъ, которая въ самомъ дѣлѣ хотя меньше мошки, но имъ больше крылатаго слона кажется. Великія благодѣянія съ заслугами въ глазахъ ихъ вмѣнены дыму, или пыли. Самолюбіе о малѣйшемъ злѣ весь-

ма чувствительными ихъ творитъ, и всѣ оказанныя имъ услуги не только въ забвенїе, но и въ великую ненависть у нихъ приводитъ. Что человѣкъ для другихъ дѣлаетъ, въ томъ всегда собственная польза съ самолюбїемъ есть. Всякъ больше желаетъ служить богатому и сильному, а такихъ людей гдѣ сыскать, которые бы посредственнаго чина и состоянїя человѣку, каковъ бы онъ добродѣтеленъ ни былъ, безъ всякой надежды къ полученїю пользы въ чемъ нибудь услужили? Сїе самолюбїе довольно свидѣтельствуетъ, что всякъ себя помнитъ, и для скрытаго своего интереса все на свѣтѣ дѣлаетъ. Весьма бы тотъ великодушной и совершенно честной человѣкъ былъ, ктобъ хотя не большую часть своего имѣнїя для одной только склонности къ благотворенїю и для происходящаго отъ сей добродѣтели душевнаго спокойства истратилъ. Но гдѣ сего феникса найти? Человѣкъ чрезъ усердное свое желанїе ко услугамъ часто другимъ скученъ бываетъ. Нѣкоторые тайною суетою побуждаемы, поползаются давать совѣтъ, и тѣмъ думаютъ выше другихъ быть, ежели люди по ихъ разуму и совѣту поступать станутъ, только въ томъ часто и сильно обманываются. Которой духъ упрямства и самолюбїя однимъ людямъ даетъ желанїе властвовать, тотъ другимъ людямъ повиноваться запрещаетъ. Ежели ты истинному и любезному другу своему совѣтъ

даешь,

даешь, то не такЪ ему докучай, чтобы онЪ все по твоему приказу и предсказанію дѣлалЪ. Не слѣдуй такимЪ людямЪ, которые безпрестанными выговорами и жестокими представленіями не только докучны, да на конецЪ и не сносны становятся. Исправляй друга своего добрыми совѣтами вЪ то время, какЪ оные ему надобны. Только не стращай его напрасными опасностьми. Весьма того берегись, чтобЪ тебѣ сЪ другомЪ о бездѣлицѣ не споровашься. Самой не важной и вЪ издѣвкахЪ происшедшій спорЪ сЪ родящимся отЪ того крикомЪ сперва кажется ничто, только на послѣдокЪ великія ссоры отЪ него происходятЪ. Хотя бы ты иногда подлинно правЪ былЪ, однако по особливой мудрости и политикѣ для сохраненія мира и спокойства душевнаго пожалуй уступай. Гордые и сильные люди всегда того желаютЪ, дабы всѣ и во всемЪ предлагаемомЪ отЪ нихЪ безспорно уступали, а отЪ сопротивленія имЪ великой огонь гнѣва и раздоровЪ тогожЪ часа загорится. Есть такіе сЪ природы жестокіе, и ни кЪ какимЪ злощастіямЪ ближняго ни мало не жалостливые люди, которые лучше желаютЪ, чтобы ихЪ лошади, да собаки, нежели служители живы были. Того больше спрашиваютЪ, цѣлы и здоровыль ихЪ борзыя, гончія, меделянскія, да легавыя собаки, а о томЪ и слова не молвитЪ, живы ли псари, да охотники? Всякой доброй и умной человѣкЪ долженЪ имѣть омерзѣніе

 отЪ

отъ такихъ звѣрскихъ и самой природѣ противныхъ нравовъ. Истинной Христїянинъ не только въ рабѣ своемъ ближняго видитъ, но о всякомъ въ бѣдность и въ нещастїе впадшемъ искренно жалѣетъ. Онъ же обязанъ всевозможную и отъ его силъ зависящую помощъ такимъ людямъ дѣлать по природному человѣколюбїю и по Христїянскому милосердїю. Ты во всякомъ довольствѣ живешь, а равную тебѣ душу и одно съ тобою тѣло имѣющїй человѣкъ голодомъ умираетъ. Превеликїя иждивенїя и не надобныя излишности тому причиною, что богатые убогимъ ни малой помощи и милости не дѣлаютъ, но всегдашними и великими росходы своими весьма напрасно и не праведно отговариваются. Ежелибъ они похотѣли нужнымъ довольствоваться, тобъ отъ великихъ суетъ и печалей своихъ избавившись, многимъ бѣднымъ руку помощи подать въ состоянїи были. Только они покойно, весело, въ забавахъ и въ довольствѣ жить хотятъ, а потомъ уже до излишествъ и до богатства добираются. Для сейто причины не сытое желанїе ихъ никогда сего слова не скажетъ, мнѣ довольно. Эти бы люди во всегдашнемъ довольствѣ спокойно жить могли, ежелибы честнымъ посредствомъ довольствоваться похотѣли. Но они въ превеликомъ изобилїи живучи, весьма ложно думаютъ, будто у нихъ во всемъ недостатокъ. Первыхъ вѣковъ люди довольствовались со всею фамилїею своею праведнымъ

веднымъ ихъ наслѣдїемъ. Въ такомъ среднемъ состоянїи жили спокойно и воздержно. Питались домашнимъ, а чужестранныхъ кухмистровъ и заморскихъ припасовъ не держали. Потомки ихъ отъ сего [по ихъ ложному мнѣнїю] деревенскаго житья наскучивши, вымыслили себѣ деликатнѣйшїя ѣствы и напитки, а чрезъ то безчисленныя болѣзни на свѣтъ привели. Тѣло человѣческое не на то здѣлано, чтобъ ему почти насильно въ гортань посылаемыя груды мясъ, винъ и разныхъ питей неволею носить. Всѣ животныя, кромѣ надобнаго къ пропитанїю своему, больше сытости не ѣдятъ, и кромѣ воды ничего свыше утоленїя жажды своей не пьютъ. Одинъ только человѣкъ всѣхъ животныхъ не воздержнѣе. Развѣ *Богъ* человѣка на то создалъ, чтобъ ему разумъ свой пьянствомъ терять, а обжирствомъ безвременно себя убивая, хуже скота быть? Никакъ: Сїе не отъ люблeнїя добродѣтели дѣлается, что нѣкоторые люди малымъ довольствуючись, въ ѣствахъ и въ питьѣ воздержно живутъ: но за нужду и отъ худаго состоянїя дѣлъ своихъ это дѣлаютъ. Которые люди въ посредственномъ щастьѣ весьма воздержно и умѣренно жили, тѣ вышшее состоянїе получа, въ богатствѣ и во изобилїи стола своего мѣры не знаютъ. Кажется, будто пространное иждивенїе въ такихъ персонахъ извинительнѣе, которыя въ чести, да въ богатствѣ, также отъ высокихъ и знатныхъ фамилїй родились: а

тѣмъ уже весьма не простительно, которые вышедши изъ грязи, и желая съ Принцами, да съ Герцогами равняться, въ раззолоченыхъ каретахъ цугами, да четвернями таскать себя велятъ, и симъ своимъ безуміемъ всенародную ненависть со злословіемъ праведно на себя привлекаютъ. Кто похочетъ доискиваться первоначальнаго источника сему великому богатству и чрезвычайнымъ ихъ иждивеніямъ, тотъ легко найдетъ, что сей ключь мутной воды отъ неправдъ, отъ обидъ, отъ душевредства, отъ грабленія, отъ великихъ свертковъ и отъ продажи бѣдныхъ людей взялся. Сколько цѣлыхъ фамилій собравшимъ сей мамонъ въ крайнюю бѣдность приведши, для прошенія милостины по дворамъ пустить надлежало, дабы дѣти ихъ въ содержаніи гордаго житья и роскошей своихъ никогда недостатка не имѣли, а сами отцы за сохою ходили, мясничали, или харчевники были. Какъ сего безумія больше, что нѣкоторыя жены по богатству платья, уборовъ и экипажей своихъ споруются о чести со знатнѣйшими и перваго класса съ госпожами? О такихъ можно по справедливости съ должнымъ удивленіемъ сказать: О время! о нравы! Для усмиренія человѣческой гордости надобно высокоумному сказать, что онъ прахъ и пепелъ. Отъ земли взятъ, въ землю и пойдетъ. Сіе бреніе оживотворилось вдохновеніемъ *Божіимъ* и силою Творца Всемогущаго. Съ которой бы стороны человѣкъ на себя ни посмотрѣлъ,

то

то вмѣсто способовъ къ суетѣ, и вмѣсто повода къ распространенїю своей гордости, во всемъ себѣ, кромѣ подлости, кромѣ презрѣнїя, и кромѣ бѣдности, ничего добраго не увидишъ. Природная слабость приводитъ человѣка въ ужасное раболѣпство. Онъ ни себя содержать, ни такихъ вещей искать не можетъ, которыя ему къ сохраненїю маловременнаго житья не обходимо нужны. Какъ онъ совершеннаго возраста человѣкомъ здѣлается, то безчисленныя страсти начнутъ его мучить, не даютъ человѣку разумомъ своимъ пользоваться. Кой часъ хижину не постояннаго щастья и скоро преходящей силы на сыпучемъ ескѣ съ превеликимъ трудомъ про себя построитъ, то смерть человѣка съ сего свѣта гонитъ, не давъ ему времени узнать себя, также насладиться плодами трудовъ его, и о томъ прилѣжно подумать, за чѣмъ онъ на свѣтъ пришелъ. Человѣкъ съ природы своей слабъ, и довольной помощи въ самомъ себѣ не находитъ. Маловременныя, но жестокїя болѣзни терпѣнїе его ослабляютъ, а тѣло и духъ игомъ немощей на конецъ подавляется. Человѣкъ въ такихъ тѣлесныхъ бѣдахъ самъ себя содержать не можетъ. Онъ отъ чрева матерня на труды и болѣзни рожденъ. Кто на землѣ совершенное щастье получить надѣется, тотъ самъ себя обманываетъ. Жизнь всякаго человѣка не разрывная цѣпь болѣзней, бѣдъ, суетъ и печалей. Съ самаго младенчества начавшїяся бѣды и болѣзни его съ возрастомъ и съ му-

жескими лѣтами отъ часу умножаются, а подъ старость сильнѣе становятся. Понеже разумные люди природную немощь и бѣдность свою лучше другихъ чувствуютъ: то какъ бы имъ такое суетное мнѣніе имѣть, будто они лучше, честнѣе и во всемъ превосходственнѣе другихъ людей? Сіе обыкновенно бываетъ, что гордые и высокомышленные люди не великія заслуги и не дальной умъ имѣютъ. Ежелибъ они на пороки и на недостатки свои глазами здраваго разума посмотрѣли, то бы вмѣсто высокомыслія сожалѣніе о себѣ имѣли. Въ свѣтѣ такіе самолюбцы есть, что никого умнѣе и премудрѣе себя не ставятъ, а весь родъ человѣческой по своему мнѣнію управлять хотятъ. Невѣдѣніе всему смѣльству ихъ начало. Безумной думаетъ, будто весь свѣтъ словъ его со удивленіемъ слушаетъ. Для того онъ не только вранье, да временемъ досадныя, грубыя и наказанія достойныя невѣжливости смѣлымъ ртомъ публично говоритъ. Сей болтунъ невѣждъ и простаковъ такъ заговоритъ, что они ротъ отворя, и во изумленіи его слушая, таковожъ глупо думаютъ, будто онъ премудрѣе Соломона. А онъ того не зная, и не разсудя, что эти ухищренныя похвалы къ руганію его клонятся, по окамененному безумію, къ собственному себѣ же стыду весьма ложно думаютъ, будто все сіе подлинная правда. Разумные люди плечами пожавъ, и головою помахавши, дурачеству

да

да наглости его праведно дивятся. Всего хуже то, когда хитрые люди для одного посмѣянія притворно его хвалятъ. Мудрый Катонъ сказалъ: не вѣрь тому человѣку, кто тебя ласкательными словами и чрезвычайными похвалами выше мѣры ублажаетъ. Правда просто безъ бѣлилъ, безъ румянъ, и безъ всякой прикрасы, природнымъ лицомъ своимъ ходитъ. А ложъ не только притворными видами, но и прекрасною мазкою всегда покрывается. Ктобъ какого чина и состоянія ни былъ, однако ему отъ льстецовъ на всякой часъ прилѣжно себя хранить надобно. Какіе бы природные на себѣ пороки женщина ни имѣла, однако приносимыя ей отъ льстецовъ похвалы, будто бы о такихъ пріятностяхъ, которыхъ у нее головою не бывало, съ благодареніемъ и съ веселіемъ принимаетъ; а сама не одумается, и отнюдь тому не вѣритъ, что ласкатели и хвалящіе надъ нею ухищренно смѣются. Льстецы по тому скоро въ сердце къ человѣку вкрадываются, что хвалимой отъ нихъ самъ себя не знаетъ. Самолюбіе и самые грубые пороки малѣйшими творитъ, а малыя доброты превеликими и крайними совершенствами кажетъ. Для сей причины и дивиться нѣчему, что средственнаго ума и безъ всякихъ талантовъ человѣкъ самъ себя за лучшаго и за совершеннѣйшаго въ свѣтѣ почитаетъ. Истинному Христіянину и честному человѣку противъ собственной совѣсти никого и ничего хвалить не позво-

 лено.

лено. Ему же по злобѣ, или по неблагожелательству нѣчего напрасно хулить, также ни словъ, ни дѣлъ чужихъ переговаривать и въ зло толковать для того не надлежитъ, что другіе люди тою же монетою отплатить ему могутъ. Ежелибы всякъ изъ насъ о разсмотреніи и объ исправленіи собственныхъ пороковъ прилѣжно старался, тобъ ему на охужденіе недостатковъ ближняго очень мало времени оставалось. Только эти остроумные люди на сучокъ въ глазу у сосѣда быстрыми очами смотрятъ, а у себя изъ глазу торчащаго бревна не видятъ, и не чувствуютъ. Ты себя самъ отнюдь не хвали, и никогда не порицай. Одни самолюбцы, да другіе упрямцы собственное свое имя безразсудно и ко всему привязываютъ. Хотя кстати, или не къ случаю, однако они всегда про себя говорятъ. Это умному человѣку великое правило, дабы ни въ добрѣ, ни въ худѣ никогда о себѣ не упоминать. Но многіе весьма часто противъ сего наставленія грѣшатъ. Высокоумное всякаго человѣка о самомъ себѣ и о своихъ заслугахъ мнѣніе подстрекаетъ его къ объявленію всѣмъ людямъ тѣхъ добротъ, которыя человѣкъ въ себѣ имѣть думаетъ. Только сей самолюбецъ этою публикаціею не токмо у оныхъ добротъ, хотябъ онъ ихъ и подлинно имѣлъ, но у самаго себя очень много цѣны и почтенія теряетъ. Ежели ты про себя добро говоришь, то люди суетѣ твоей насмѣются;

а буде самъ себя порицаешь, такъ и сїе слушающимъ таково же смѣшно будетъ. Они догадавшись, мнѣнїе твое тотчасъ узнаютъ, что ты симъ притворнымъ порицанїемъ дѣйствительно себя хвалишь. Это къ нѣкоторому времени и случаю весьма нужно, чтобы тебѣ всѣхъ своихъ талантовъ и добротъ передъ такими суетными людьми не оказывать, которые потомъ на тебя же зависть и подозрѣнїе взять могутъ. Не мало сїе искусство, чтобъ съ людьми по уму и по нраву ихъ обходиться. Ежели тебѣ понадобится тѣхъ гордыхъ и высокоумныхъ людей поберечь, которымъ ты причину къ такимъ жалобамъ на себя подалъ, за что они власть въ рукахъ своихъ имѣя, наказать тебя могутъ; то передъ такими людьми всякимъ образомъ смиряться надлежитъ, дабы ихъ симъ смиренїемъ и почтенїемъ какъ можно укротить. Въ тѣ поры уже не время и не кстати гордиться, когда прогнѣванной и сильной непрїятель твой за шпагу принимается. Христїянство въ семъ пунктѣ съ разумнымъ самаго себя любленїемъ согласуется. Сїе собственное обязуетъ человѣка смиряться, а политика нуждою и обстоятельствами къ тому же привлекаетъ. Тогожъ славнаго Катона правило, дабы человѣку по времени, по случаю, и по обстоятельствамъ смотря, иногда строгу, а другимъ временемъ ласкову и къ людямъ снисходительну быть. Ежели умной человѣкъ

вѣкъ поступку свою перемѣнитъ, то его легкомышленнымъ назовутъ. Для сохраненія спокойства своего съ плачущими должно печальну, а съ радующимися веселу быть. На сіе угожденіе весьма много ума надобно. Есть такіе труднаго, нѣжнаго, или уже вздорнаго нрава люди, которые тотчасъ и за бездѣлицу сердиться готовы. Ежели человѣкъ нечаянно двоякаго толку и двойнаго разумѣнія слово скажетъ, то имъ видится, будто надъ ними смѣются, или объ нихъ лукавое намѣреніе имѣютъ. Сердитые, или горячаго нрава люди всегда безпокойны и не постоянны. Ихъ не разумъ управляетъ, но одно движеніе жизненныхъ духовъ крови въ житьѣ и въ поступкахъ водитъ. Отъ сего происходитъ то, что сего сложенія люди всегда легки и во всемъ не постоянны. Которое доброе намѣреніе у насъ поутру было, то мы ввечеру перемѣняемъ. Малѣйшая немилость, или безщастной припадокъ въ уныніе и въ крайнее малодушіе насъ приводитъ. За бездѣлицу великія и между собою весьма различныя движенія въ человѣкѣ родятся. Не лучше ли намъ успокоившись напрасно себя не мучить? Вся наша жизнь въ надеждѣ проходитъ. И въ томъ человѣку довольно горести, что онъ не видавши щастливаго конца, важнымъ намѣреніямъ своимъ умереть принужденъ. Мы не успѣемъ одинъ проэктъ написать, а уже въ головѣ у насъ два, или три новыхъ замысла готовы; и такъ мы въ непрестанномъ движеніи

живемъ.

живемъ. Но при самомъ концѣ жизни нашей суету съ ложною надеждою своею ясно увидимъ. Выведеныхъ изъ обману и образумленыхъ людей очень на свѣтѣ мало. Почти всѣ мы по одному виду и по воображенію чувствъ своихъ поступаемъ. Полезные совѣты и умные разговоры не весьма знатнаго и наружнымъ видомъ чести не свѣтящагося человѣка не такъ сильны, какъ слова высокимъ достоинствомъ почтенной персоны. Всѣ тому удивляются, чтобы онъ ни молвилъ. Не токмо добродѣтели, да самые недостатки его выхваляя, только того желаютъ, чтобы сей вельможа съ кѣмъ поговорилъ. Сіе учтивство великую слабость и корыстную душу значитъ. Отъ кого надежды нѣтъ, къ тому никто не ѣздитъ, и не ходитъ, каковабъ сія персона добродѣтельна ни была. Ласкательство ко входу въ человѣческіе нравы и сердца кратчайшая дорога. Самые постоянные и на видъ неприступные люди ласканіемъ и похлебствомъ помалу укрощаются. Сей ядовитой звонъ не чувствительно ихъ усыпляючи, въ головѣ у нихъ пріятные сны строитъ. Они того и не подумаютъ, что тѣ льстецы ихъ обманываютъ, которые похлебство съ ласканіемъ какъ фальшивую монету, то есть, воровскія деньги, нарочно къ тому употребляютъ, дабы на сію плутовскую монету все по желанію своему купить. Кто отъ великихъ людей милости желаетъ, тотъ около ихъ съ великою осторожностію и съ

мудрою

мудрою бережью ходи. Милость ихъ съ такимъ договоромъ, и на такихъ кондиціяхъ получается, которыя почти всегда тяжки, а истинному Христіянину и честному человѣку весьма противны. Добродѣтель человѣку прямой и безопаснѣйшій путь къ чести. Кто мимо сей большой дороги переулками и кривыми тропами пойдетъ, тотъ удалится отъ правды, какъ отъ не поколебимаго правила, и отъ единаго пути ко истинной славѣ честному человѣку, которой ни великому богатству, ни чрезвычайному щастію, полученному неправдою, завидовать не долженъ. Не поссорясь съ правдою, и не удалившись отъ добродѣтелей, изъ убожества къ великому богатству вдругъ перескочить ни коимъ образомъ не возможно. А кто и перепрыгнетъ, на тѣхъ завидливымъ и ненавистнымъ глазомъ отнюдь не смотри, да лучше объ нихъ человѣколюбно пожалѣй. Людей все то скоро обманываетъ, удивляетъ и страшитъ, что чувствамъ пріятно и въ глаза мечется; а что смирно, тихо, скромно и низко, то все имъ презрѣнія достойно кажется. Но у *Бога* весьма иное о семъ мнѣніе. Все богатство съ пространствомъ и съ великолѣпіемъ свѣтскимъ весьма ему противно. Въ нещастьѣ живущій человѣкъ нужныя и важнѣйшія свои должности очень скоро забываетъ. Въ нещастіи всякъ скромнѣе, осторожнѣе, смиреннѣе и человѣколюбнѣе поступаетъ. По сотвореніи свѣта, перваго вѣка люди съ

большею

большею непорочностію и съ лучшею простотою сердца жили, для того что честолюбія не имѣли. Всѣ они пастухи, или хлѣбопашцы будучи, однимъ нужнымъ довольствовались, а о тѣхъ роскошахъ и о деликатностяхъ ничего не знали, которыя отъ потомковъ ихъ нѣсколько тысячь лѣтъ спустя, къ собственной имъ же погибели, и къ скорѣйшей смерти выдуманы. Помянутые старики одѣвались шерстью овецъ своихъ, ѣли молоко съ хлѣбомъ безъ всякаго примѣсу и притворовъ. Жили въ совершенномъ здоровьѣ и въ спокойствѣ, безъ дальнихъ печалей, безъ суетъ, и безъ тяжебъ. Нынѣ уже люди сего простаго и спокойнаго житья не знаютъ, да во всегдашней суетѣ и въ безпокойствѣ живутъ. Любленіе славы жесточае всѣхъ нашихъ страстей, особливо въ шляхетствѣ. Другихъ чиновъ люди честолюбіемъ не мучатся. Симъ способомъ весьма трудно человѣку между множествомъ такихъ соперниковъ славу получить, которые того же ищучи, во всемъ ему препятствуютъ. Иной хотя все то здѣлаетъ, что истинному Христіянину и честному человѣку надлежитъ; однакожъ напослѣдокъ за всѣ свои службы худое награжденіе получаетъ. Малѣйшій нещастливой припадокъ человѣка унижая, и половину заслугъ его во мнѣніи у людей отнимаетъ. Хотя бы терпящій подлинно не виноватъ былъ, только его за одно нещастіе всѣ обвиняютъ. Богатство, честь,

чинъ,

чинъ, и всѣ временныя на свѣтѣ пользы свойственны такимъ людямъ безъ заслугъ, которые всего отъ часу больше получаютъ. Знатнымъ персонамъ весьма сїе не простительно, когда они о своемъ лицѣ чрезвычайное попеченїе имѣютъ. Женамъ можно сїе скорѣе простить, по тому что онѣ и въ не важныхъ вещахъ упражняются. Рѣдко изъ сихъ людей такого человѣка увидишь, которой бы героичныя свойства въ себѣ имѣлъ, и въ мужественныхъ дѣлахъ прославиться могъ, а для того что великїе уборы и щегольскїя приготовленїя имъ въ томъ мѣшаютъ. Всѣ древнихъ и новыхъ вѣковъ славные воины и полководцы щегольства съ нарядами никогда не любили. Между забїяческимъ хвастовствомъ, да между истинною храбростью превеликое различїе. Подлинно храброй человѣкъ въ жесточайшихъ баталїяхъ безстрашенъ. Въ умѣ своемъ такъ порядоченъ, какъ въ компанїи сидя. Въ великихъ нещастїяхъ не отчаеваетcя, а въ благополучїи не превозносится. Никогда себя не забываетъ, а о прошедшихъ славныхъ дѣлахъ своихъ ни слова не говорятъ. Напротивъ чего самохвалъ только на разговорахъ и похвальбою своею храбръ, по примѣру забїячнаго француза, которой будучи въ компанїи, сказалъ: Хотя намъ Король сїю забаву и запретилъ, чтобъ на поединкахъ не биться, только онъ послѣ того заказу никакого зла здѣлать намъ больше не можетъ. Во всякомъ чинѣ и состоянїи такїе лицемѣры есть,

которые

которые ничего того внутри не имѣютъ, и дѣломъ не исполняютъ, что внѣшнимъ и весьма притворнымъ видомъ показываютъ. Всѣ свои пороки добродѣтелью такъ хитро кроютъ, что подъ симъ прекраснымъ покрываломъ лягушки, ящерицы, змѣи и другїе не только ядовитые, но весьма мерзскїе гады, то есть, гнуснѣйшїе пороки лежатъ. Добрые люди съ своими дѣлами никогда не таятся, по примѣру Александра великаго, котораго армїя въ то время очень не велика была, какъ Александровъ непрїятель Персидской Царь Дарїй противъ него съ цѣлымъ милїономъ изъ разныхъ народовъ выбраннаго войска въ полѣ стоялъ. Александровы Генералы увидя сїе, Государю своему совѣтовали баталїю ночью начать, а симъ бы способомъ Дарıеву армїю въ большее смятенїе и въ непорядокъ привесть. Но великодушной Александръ симъ совѣтникамъ такой отвѣтъ далъ: *Я изъ одной славы и чести воюю, а побѣды украсть отнюдь не хочу. Сїяющее солнце или побѣду, или смерть мою покажетъ.* Съ другой стороны надобно человѣку беречься безмѣрнаго высокоумїя. Самовольство и наглость лучшїя дѣла портитъ. Человѣкъ за такою суетною надеждою успѣху въ нихъ не получаетъ, будто дѣламъ по его мнѣнїю не обходимо здѣлаться надлежитъ. А ежелибъ не такъ крѣпко на себя надѣялся, то бы онъ гораздо осторожнѣе поступая, справедливѣйшїя мѣры бралъ. Несомнѣн-

ная надежда о подлинной побѣдѣ многажды причиною тому была, что великія арміи отъ малыхъ корпусовъ военною хитростью, нечаяннымъ нападеніемъ, или чрезвычайною храбростію совершенно побѣждены. Ежели военные люди себя не поберегутъ, то жестокими скоро быть могутъ. Какъ они въ баталіяхъ на текущую кровь смотрѣть привыкли, то къ безчеловѣчію и свирѣпству легко склониться могутъ. Ежели великіе и славнѣйшіе люди правилъ жизни своей на вѣрѣ и на чести не утвердятъ, то они такимъ слабостямъ подвержены будутъ, которыя всю ихъ славу помрачить могутъ. Хотя никто на свѣтѣ побѣдами и тріумфами своими такъ себя не прославилъ, какъ Юлій Кесарь; однакожъ сверстникъ въ консульствѣ его Бибулусъ для справедливыхъ причинъ сего Юлія Нумидскою Королевою звалъ, а Тріумвиръ Куріонъ про него же сказалъ: Юлій нашъ женою всѣхъ мужей и мужемъ всѣхъ женъ здѣлался. По сему великая въ томъ нужда и крайняя важность, дабы человѣку страсти свои всею силою воздерживать, а притомъ съ такимъ порядкомъ, и такъ умѣренно жить, чтобъ никто и ни чѣмъ по справедливости порицать насъ не могъ. Не то великое нещастіе, чтобъ человѣку поносиму и ругаему быть, да то совершенное безчестіе, кто такъ дѣлаетъ, за что люди его порицаютъ. Всѣ добродѣтельные люди отъ начала вѣка зависти и гоне-

нію

нїю непрїятелей своихъ подвержены были. Только человѣку во всѣхъ его злополучїяхъ больше того веселїя нѣтъ, когда у него совѣсть такъ чиста, что ни въ чемъ ему не зазритъ. Напрасно человѣку того надѣяться, чтобъ онъ себя отъ всякихъ неправдъ, также отъ бѣдъ и отъ злословїя укрыть могъ. Человѣкъ живучи на свѣтѣ, совершенно благополученъ быть не можетъ. Всегда такїя противности сыщутся, которыхъ убѣжать не можно, и во всякое человѣческое щастїе не малую долю горести мѣшаютъ. Тѣ люди умнѣе всѣхъ, которые плодами щастїя своего воздержно пользуются, и оными съ возможнымъ спокойствомъ наслаждаются, не боясь паденїя и немилости отъ людей. Оба эти пункта не избѣжны, а долговременное щастье всегда подозрительно. Какъ нещастїе человѣку печально и прискорбно, такъ великое и долговременное щастїе тягостно и скучно. Душа подъ обѣими сими бременами весьма устаетъ. Голова закружится, а человѣкъ въ обморокъ упадаетъ, на подобїе такихъ людей, которые съ превысокой башни очень долго на землю смотрятъ. Изъ нищеты въ богатство, а изъ подлости въ честь приходящїе, обыкновенно горды и жестоки бываютъ. Равными себѣ гордятъ и брезгуютъ. Отъ всѣхъ почтенїя желаютъ, и чрезвычайной чести требуютъ. Сїе обыкновенное погрѣшенїе въ поступкахъ человѣческихъ, что люди себя ко всему способ-

ными почитаютъ. По ихъ мнѣнію ни одного такого чина и достоинства нѣтъ, котораго бы они съ честію исправить не могли. Только симъ господамъ слѣдующій Катоновъ совѣтъ объявить надобно: *Отнюдь такого дѣла на себя не бери, которое твою силу такъ превышаетъ, что ты его здѣлать и къ концу привесть не можешь. Ежели въ него вступишь, то опасайся, чтобъ тебѣ подъ сею тягостью не упасть, и дабы ты не принужденъ былъ всего предпріятія оставить.* Но люди сіе правило очень худо хранятъ. Всякъ о томъ старается, какъ бы ему выше своего чина и состоянія взойти. Только тѣмъ щастіе и спокойство свое теряютъ, что на содержаніе свое чрезмѣрныя силы кладутъ. Иной хочетъ почтить свою фамилію такимъ высокимъ чиномъ, которой въ чрезвычайныя суммы становится. Но сей чинъ такими подлостьми затмѣняется, которыя человѣкъ для содержанія достоинства своего дѣлать принужденъ. Другой строитъ палаты для вѣчной славы имени своему. Принуждаетъ всю тварь. Срываетъ горы. На пещаномъ мѣстѣ и на степи дѣлаетъ озера, а напослѣдокъ должники изъ двора его выгоняютъ, не давши ему въ новопостроенной домъ переѣхать. Много знать, а ни чѣмъ не гордиться, знакъ честнаго человѣка. Только эти двѣ добродѣтели рѣдко вмѣстѣ бываютъ. Умъ человѣческій такъ самолюбивъ, и толь жаденъ

къ

къ произвожденїю себя, что кой часъ нѣчто похвалы достойнаго вздумаетъ, то до тѣхъ поръ покою не имѣетъ, пока оное на свѣтъ не выдастъ. Ученые люди любятъ другихъ учить, и того требуютъ, чтобы всѣ ихъ слушали. Буде же въ чемъ нибудь ошибутся, а другїе станутъ ихъ поправлять, то отъ великой злобы лучше при своемъ вранье остаться, и оное до поту лица своего защищать готовы, нежели правду принять, и въ своей погрѣшности признаться хотятъ. Въ томъ-то они себя болѣе всего не узнаваютъ, а другимъ людямъ въ посмѣянїе отдаются. Не разумъ людей водитъ и управляетъ, но болѣе они причинамъ страстей своихъ послѣдуютъ. Одни отъ суеты, другїе по чувственнымъ забавамъ, или отъ богатства; а третїе люди по тому, къ чему нравъ ихъ больше склоненъ, не смотря, и не разсуждая, будетъ ли имъ отъ того польза, честь, или истинная слава, къ чему нравъ ихъ прилѣпился. Сїе наемное сїянїе причиняющее зависть на такихъ людей, которые по одному виду и по свѣтскому мнѣнїю щастливы, такъ исчезаетъ, какъ дымъ. Лучше о такихъ сожалѣть, нежели щастїю ихъ завидовать, а особливо тогда, ежели оно отъ неправды пришло. Сїе благополучїе съ богатствомъ въ одинъ часъ пропадаетъ. Почтожъ человѣку столь кровавымъ потомъ трудиться о собранїи такихъ имѣнїй, которыя разными способы и въ одну минуту исчезаютъ? Хотя человѣкъ ими малое время

и повладѣетъ, только ему на послѣдокъ горе и бѣда отъ того бываетъ. Каковъ сонъ человѣку ни пріятенъ, однако весьма маловремененъ, и въ самой часъ вставанія весь разсыпается. Таково власно щастіе любителей свѣта. Оно ихъ на время ослѣпляетъ; а какъ сей позолоченой идолъ упадаетъ, то по многомъ исканіи едва що мѣсто найдешь, гдѣ онъ стоялъ. Чины сего, по видимому въ великомъ щастіи бывшаго человѣка, переходятъ въ другія руки. Богатство его въ тяжбахъ, и другими способами пропадаетъ. Тѣжъ люди на сіе подъ землю заходящее солнце смотрѣли, которые эту не постоянную луну въ первой четверти и въ подполнъ ея видѣли. Могъ ли бы кто изъ смотрѣвшихъ на процвѣтающее благополучіе и на безчисленное богатство сихъ отцовъ подумать, что дѣти ихъ нищи будутъ? Однако сихъ примѣровъ довольно было, и нынѣ есть. Всѣ сіи неправдою и грабленіемъ собранныя имѣнія на подобіе дыму и пыли вдругъ исчезли. Неповинно пролитая кровь бѣдныхъ взошла до престола *Божія* для прозьбы праведнаго мщенія. Проклятіе *Божіе* на нихъ и на безщастныхъ потомковъ ихъ не избѣжно пришло. Они иногда въ отчаяніи своемъ такъ говорятъ: Чѣмъ я *Бога* прогнѣвалъ, что Онъ такъ жестоко меня наказуетъ? Но сіе уже не только пеня, да самая хула на *Бога*, по тому что они всеправеднѣйшаго *Бога* въ неправдѣ обвиняютъ. Эти бы роптатели весьма инымъ голосомъ

запѣли,

запѣли, ежелибъ правосудный Господь за грѣхи ихъ по истиннѣ и по достоинству наказалъ. Сіе отъ начала вѣка было, и еще нынѣ есть, что люди ко исправленію очень не склонны. *Богъ* принужденъ былъ по сотвореніи свѣта весь родъ человѣческой всеобщимъ наводненіемъ потопить. А какъ потомки еще злѣйшими учинились, то Всеправедный Творецъ огнемъ ихъ наказалъ. Отъ того времени до нынѣ непокоривыхъ людей разными способы въ разумъ и на путь истинны приводитъ. Не довольно человѣку такія дѣла дѣлать, которыя въ самихъ себѣ добрыми кажутся, да надобно, чтобъ оныя дѣла на добрыхъ причинахъ основаны были. О нѣкоторомъ славномъ человѣкѣ минувшаго вѣка сказываютъ, будто онъ всѣ свои великія дѣла противъ *Бога*, противъ Государя, и противъ отечества своего такъ худо дѣлалъ, что причины сихъ дѣлъ всю его славу помрачили. Онъ бы себѣ безсмертное имя, а притомъ отъ всѣхъ добрыхъ людей истинную хвалу получилъ, ежелибъ означенныя дѣла свои противъ непріятелей собственнаго отечества здѣлалъ. Но какъ тому человѣку совершенную славу получить, которой противъ собственнаго отечества бунтуетъ и на законнаго себѣ Государя востаетъ? Трудно сіе сказать, въ чемъ люди разумъ свой на добро употребляютъ, по тому что во всякія излишества самовольно входятъ. Вѣдаютъ, что въ воздержаніи здоровье состоитъ. Для то-

 го

го надлежало бы имъ больше о здоровьѣ, нежели о весельѣ своемъ со всѣми роскошами и съ забавами думать. Однако многіе изъ нихъ говорятъ, будто они на то родились, чтобы имъ пить, ѣсть и веселиться. Они же о томъ еще мыслятъ, какъ бы на всякой день новыя ѣствы выдумать, и перемѣнные напитки съ новымъ щегольствомъ имѣть. Хотя нѣкоторой разумной старикъ и сказалъ, дабы человѣку столько ѣсть, чтобы живу быть: но они противное тому дѣлаючи, нарочно за тѣмъ больше и чаще ѣдятъ, чтобы имъ поскорѣе умереть. Разумнѣйшій у Римлянъ Катонъ говорилъ: *Кто хочетъ источникъ многимъ порокамъ пресѣчь, тому надобно умѣренно спать.* Долговременной сонъ со всегдашнимъ покоемъ раждаетъ въ человѣкѣ безстыдство и невоздержаніе. Можетъ быть для сего большая часть женъ нынѣшняго вѣка не весьма скромны, что половину своей жизни на постелѣ, а другую въ уборахъ и въ гуляньѣ препровождаютъ. Что больше тѣло покоится, тѣмъ болѣе духъ унываетъ, а отъ многаго питья и отъ разныхъ ѣствъ слабъ, унылъ и тѣлесенъ становится. Самое искусство насъ учитъ, что, которые много пьютъ, ѣдятъ и много веселятся, тѣ люди не очень остроумны, а къ дѣламъ до чистаго разума касающимся не весьма способны. Между душею и тѣломъ есть природная противность. Ежели одна изъ сихъ частей преодолѣетъ, то другая ослабѣваетъ

ваетъ. Нѣга, довольство, праздность, злое употребленіе забавъ и немѣрной сонъ, все сіе ослабляетъ силы душевныя, и съ правилами христіанства весьма не сходно. Прежде окончанія сей особливо до мужеска полу касающейся главы должно здѣсь объявить не многія правила, по которымъ бы имъ въ домашнемъ поведеніи поступать, а именно, съ женами, съ дѣтьми и со служителями своими. Всѣ эти домашніе всегдашніе способы къ безконечнымъ погрѣшностямъ подаютъ, ежели кто словъ и дѣлъ ихъ прилѣжно смотрѣть не будутъ. Супружество такое состояніе, въ которомъ мужъ, отъ природы учрежденная глава, а жена для сохраненія отъ *Бога* опредѣленнаго порядка ему дана. Она должна быть покорна и подвластна мужу своему, и такъ его почитать, какъ супруга, господина и главу всего дому своего. Мужъ долженъ напротивъ того къ женѣ своей любовенъ и почитателенъ быть. Часто сіе случается, что жестокой и не сносной нравъ мужей къ злонравію женъ много причины и поводу подаетъ. Ежелибъ они отъ простоты и съ неразумія происходящія рѣчи ихъ временемъ будто мимо ушей пускали, то бы гнѣвъ съ молвою тогожъ часа утихъ. Споръ и противность въ такую огненную злобу женъ приводитъ, что онѣ лучше себя до смерти убить допустятъ, а хотя въ неправдѣ, однако не повинятся, и погрѣшности своей никогда не признаютъ. Отъ

сего-то наижесточайшее стремленїе такихъ домашнихъ ссоръ происходитъ, которыя весь миръ и долговременное спокойство дому въ одно мгновенїе ока опровергаютъ. При вступленїи въ бракъ то главнѣйшая проступка, что люди съ плотью и съ чувствами, а не съ разумомъ совѣтуютъ. Все сїе дѣло интересомъ движется и одного приданаго спрашиваютъ, а разума, благонравїя и добродѣтели съ обѣихъ сторонъ очень мало смотрятъ, и почти никогда не спрашиваютъ. Дѣвицу берутъ не для люблeнїя, но ради поживки. По самой истиннѣ надлежало въ такомъ важномъ выборѣ прибѣжище свое къ *Богу* принять, и на сей кромѣ единой смерти, ни чѣмъ неразрывной союзъ у Всемогущаго Господа помощи, милости и благословенїя просить, вѣдая, что отъ сего сожитїя благополучїе и спокойство человѣческой жизни зависитъ. Умная и добродѣтельная жена заводитъ и учреждаетъ домъ. Приноситъ въ него изобилїе со страхомъ и благословенїемъ *Божїимъ*, а разума и добродѣтели не имѣющая все разоряетъ. Всего хуже то, когда посторонния люблeнїя производятъ ссоры, несогласїе и ненависть между мужемъ и женою. Мужъ наскучивъ отъ грубости и отъ невѣжественныхъ попрековъ жены своей, ищетъ увеселенїя посторонняго; а жена того смотритъ, какъ бы нелюблeнїе и невѣрность супруга тою же монетою мужу своему заплатить. Всѣхъ бы такихъ раз-

дlittleоровъ

доровъ не было, ежелибъ до женидьбы нравъ и свойства съ поступками дѣвицы прилѣжно разсматривали. При семъ же бы и то разсуждали, изъ какого дому она идетъ, какихъ поступокъ, и въ какой славѣ мать ея была? Кто дѣвицу съ младенчества воспиталъ, съ какою прилѣжностью, и какимъ нравамъ обучена? А на конецъ въ какомъ она мнѣнiи, и въ хорошей ли славѣ у свѣта? Не можно быть лучше и полезнѣе того совѣта, которой за молодаго Товiю зговоренная Сарра на прощанье отъ отца своего въ слѣдующихъ словахъ получила: Помни дочь моя увѣщанiе отеческое. Чти всегда свекра, почитай и свекровь свою. Имѣй къ мужу твоему должную любовь и почтенiе. Не ослабѣвай никогда въ трудахъ, и въ добромъ смотренiи дому твоего. Всю себя предай воспитанiю дѣтей твоихъ. Паче всего храни честь свою, и такъ порядочно живи, дабы никто и ни въ чемъ тебя порицать не могъ. Въ сихъ краткихъ словахъ все такимъ молодымъ обоего пола людямъ нужное наставленiе состоитъ, которые подъ его супружества склониться намѣрены. Какогобъ великаго удивольствiя онѣ насладились, ежелибъ сiе не только весьма полезное, но и милость *Божiю* съ небеснымъ благословенiемъ приносящее нравоученiе самымъ дѣломъ исполнить потщились. Всегдашняя праздность съ великимъ покоемъ, въ которомъ знатныя дамы живутъ, всѣмъ непорядкамъ начало и главная причина.

Они

Они съ тѣмъ намѣренїемъ замужъ идутъ, чтобы имъ въ праздности да въ гулянїи жить. Мужъ во всѣхъ домашнихъ трудахъ и въ попеченїяхъ, а жена ни о чемъ кромѣ уборовъ да нарядовъ своихъ не думаетъ, и съ мѣста за тѣмъ тронуться не смѣетъ, чтобы ей зимою не простудиться, а лѣтомъ отъ солнца не загорѣть. Хотя Ревекка роду знатнаго, воспитанїя нѣжнаго, а притомъ прекрасная, и весьма богатая дѣвица была, только она отъ черпанїя и наливанїя воды къ напоенїю стадъ отца своего ни мало не пужалась, и такою тяжкою работою отнюдь не брезговала, отъ которой бы красота ея повредиться могла. Добродѣтельной женѣ не довольно того, дабы жизнь ея не порочна была, да для утвержденїя славы надобно ей и внѣшнее такъ скрывать, дабы въ зубы народной злобѣ ничего къ глоданїю не досталось. Честь женскаго лица такая нѣжная вещь, что однѣ не убереженыя наружности оную повредить могутъ. Браки въ восточныхъ земляхъ по тому щастливѣе Европейскихъ, что тамошнїя жены не такъ своевольны, и скрытнѣе Европскихъ женъ живутъ. Кто не видитъ чужой жены, тотъ больше и долѣе свою жену любитъ. Во Францїи мужья съ женами своими за тѣмъ не долго въ любви и въ согласїи живутъ, что молодымъ людямъ жены до вступленїя въ бракъ прискучатъ. Хотя они на прекрасной, молодой и добродѣтельной супругѣ женятся, однако сїя новизна во мнѣнїи ихъ

скоро

скоро обветшаетъ. Отъ того уже слѣдуетъ, что они супружеское житїе съ должностьми за тягчайшее бремя и за такую не сносную неволю почитаютъ, отъ которой они сами себя поскорѣе освобождая, и удѣльными господами здѣлавшись, въ особливые покои отъ супругъ своихъ уходятъ. Ежедневное искусство довольно подтверждаетъ ту удивительную власть и силу, которую жены надъ мужескимъ поломъ имѣютъ. Отъ самаго созданїя свѣта жена была причиною того возмущенїя, которое первѣйшїй человѣкъ противъ Творца своего начавши, для слѣпаго угожденїя женѣ своей нарушилъ заповѣдь *Божїю*. Хотя Адамъ разными добротами и совершенствами одаренъ былъ, однако скоро прельстить себя допустивши, въ поставленныя ему сѣти самовольно попался. Отъ того времени мужескъ полъ и понынѣ къ женамъ ту же слабость имѣетъ. Достовѣрная мудрость съ крѣпчайшею добродѣтелью ласкательствамъ красной жены долго противиться не можетъ, ежели она всѣ свои силы на прельщенїе человѣка употребить похочетъ. Кто на свѣтѣ сильнѣе Самсона былъ? Жена всей силы его лишила. Кто набожнѣе, праведнѣе и добродѣтельнѣе Давида былъ? Жена его грѣшникомъ здѣлала. Кто былъ премудрѣе Соломона? Жены помрачили разумъ, и превратили сердце его. Жена Іовля то здѣлала, чего дїяволъ со всею своею злобою и хитростью въ дѣйство произвесть не могъ. Ея

упреки,

упреки, порицанія и безумные выговоры привели праведнаго Іова въ такое отчаяніе, что онъ всѣ тѣ злощастія своей жизни изчитать началъ, которыя до того времени не поколебимымъ терпѣніемъ сносилъ. Мужескъ полъ всѣ женскія слабости и несовершенства довольно знаетъ. Они сему всякой часъ свидѣтелей имѣютъ. Много отъ того терпятъ, а вылечиться не могутъ. Такъ-то разумные, искусные и мудрые люди великія и государственныя дѣла управляющіе, допускаютъ себя однимъ взглядомъ побѣждать, и нарядныма сіяніемъ краснаго лица прельщаются. Хотя они о такой слабости своей сами стыдятся и о наглости съ безуміемъ своимъ часто въ раскаяніе приходятъ, однакожъ зажмуря тѣлесные и душевные глаза, на прежнее возвращаются. Велико сіе нещастіе, ежели мужъ начнетъ ревновать къ добродѣтельной супругѣ своей, съ которою ему вѣкъ жить. Ежели сіе злополучіе надъ тобою здѣлается, то всѣми силами оное скрывай, чтобы жена ревности твоей не узнала. Буде сіе здѣлается, то изъ объявленнаго женѣ своей сомнительства о вѣрности ея никогда добра не бываетъ. Вѣрнѣйшая жена по долговременномъ и невинномъ терпѣніи, напрасныхъ подозрительствъ о чести ея иногда отчаянное и весьма вредительное славѣ своей намѣреніе беретъ, во отмщеніе напраснаго на себя подозрѣнія и порицанія отъ мужа своего. Безщастное то мщеніе, которое мужа и жену

ну въ равное безчестїе и въ посмѣянїе у людей приводитъ. Отъ сего послѣдуютъ разводы, и такїя объявленїя, которыя обѣихъ сторонъ фамилїямъ ругательство и вѣчное поношенїе приноситъ. Императоръ Маркъ Аврелїй безстыдной фаустины отъ себя отогнать не хотѣлъ, но приговаривающимъ сїе друзьямъ и вельможамъ своимъ отвѣчалъ: Ежели мнѣ съ нею развестись, то и приданое [корону] отдать ей надобно. Катонъ написалъ: Ежели слава жены твоей нападенїе терпитъ, а притомъ она не богата, то отъ посѣщенїя такихъ людей весьма берегись, которые себя друзьями твоими называютъ. Посредственной добродѣтели, а притомъ не богатой дамѣ страшно сїе искушенїе, когда великїя толпы такихъ учтивыхъ людей около ея ходятъ, которые другъ друга упреждая, службу и помощь свою въ нуждахъ ея представляютъ. Сїя ступень весьма поползновенна и деликатна. Ежели женская персона по нещастїю своему великую сумму денегъ въ карты проиграетъ, а притомъ великаго основанїя крѣпкой добродѣтели не имѣетъ, то можетъ ли сильное сопротивленїе такому великому, но весьма опасному кавалеру учинить, которой глаза ея золотомъ и серебромъ ослѣпляя, для освобожденїя дамы изъ такого печальнаго состоянїя знатныя суммы денегъ представлять ей начнетъ? При такихъ случаяхъ должны мужья слабости женъ своихъ знать, и всѣхъ такихъ

ложныхъ

ложныхъ пріятелей отъ нихъ отдалять, которые только до того съ мужьями дружатся, дабы ближайшій и откровеннѣйшій доступъ къ женамъ ихъ получить. Сего ради не великаго щастія и не очень богатой, но красную жену имѣющій человѣкъ, всѣхъ денежныхъ и на подобіе коршуновъ, ловли ищущихъ посѣщателей въ подозрѣніи имѣть долженъ. Они ястребиными глазами всякой часъ того смотрятъ, какъ бы стыдливость и добродѣтель женскую въ желаемыя ими сѣти загнать, а для сего ни денегъ, ни трудовъ не жалѣютъ. Склонятельные женскіе маниры съ весьма нѣжными и учтивыми ихъ разговорами, а особливо страшное мужескимъ лицамъ ласкательство и опасные душамъ взоры ихъ самыхъ постоянныхъ и крѣпчайшихъ людей умягчаютъ. Но понеже о сей опасной камень наикрѣпчайшіе корабли разбиваются, то отъ такого огненнаго запаленія лучшаго лекарства нѣтъ, какъ удаленіемъ и бѣгомъ спасаться. Которые себя въ сей страсти не чувствительнѣйшими почитали, тѣ напослѣдокъ смѣшнымъ и печальнымъ примѣромъ крайней человѣческой слабости здѣлались. Гордость, покорность, униженіе, угрозы, слезы, выговоры, увѣщанія и хитрыя ласкательства, суть обыкновенные инструменты, и такъ страшныя оружія женскаго пола, противъ которыхъ едва ли кто изъ мужескихъ лицъ устоять возможетъ. Они больше всего хитры въ вывѣ-

дыванiи тайностей мужескихъ; и на сiе такiя ядовитыя ласкательства употребляютъ, которымъ остръйшiя головы и кръпчайшiя сердца на силу въ состоянiи противиться. А когда уже страсть мущиною обладаетъ, то и каменную стъну сими подкопами взорвешъ. Мужьямъ и женамъ отъ природы свойственно дътей желать, а неплодство за безщастiе въ супружествъ почитается. Родители думаютъ симъ оставленiемъ потомковъ имя свое въчнымъ учинить, только многiе въ семъ мнънiи своемъ сильно погръшаютъ. Иные отцы да матери съ неотступнымъ моленiемъ и слезами дътей себъ у *Бога* просили: но потомъ оказалось, что они такихъ уродовъ вымолили, которые не только всенародные мучители, но и родителямъ своимъ гонители были. Легко статься можетъ, что *Богъ* сiе опредълилъ въ праведное наказанiе за худые отъ родителей дътямъ ихъ данные примъры, или за послабительное упущенiе винъ и пороковъ дътскихъ въ первъйшей молодости. Тъ родители дътей своихъ подлинно не любятъ, которые преступленiя ихъ безъ наказанiя оставляютъ. Въ робячествъ данная имъ вольность главная тому причина бываетъ, что дъти себя съ умножающимися лътами исправлять не допускаютъ. Цълыя фамилiи отъ того въ безщастiе приходятъ, что молодымъ дътямъ все упущаютъ. Терпъливой отецъ малымъ злостямъ дътей своихъ смъется,

и оныя за умъ причитаетъ, только эти малые пороки служатъ имъ вмѣсто школы къ большимъ преступленіямъ и отъ часу къ важнѣйшимъ порокамъ. Кто послѣ великаго учтивства и послѣ долговременной потачки дѣтямъ своимъ принужденъ будетъ ихъ наказать, то сіе жестокое наказаніе больше къ мятежамъ, нежели къ смиренству и обращенію дѣтей приведетъ. Когда уже дѣти вредною потачкою и пагубнымъ ласкательствомъ отъ матерей и отъ отцовъ своихъ избалованы, то вмѣсто принятія словъ и угрозъ ихъ станутъ родителей своихъ презирать и ими гнушаться. Дѣтская неблагодарность почитается за обыкновенное воздаяніе той слѣпой любви, которую отцы да матери къ дѣтямъ своимъ имѣли. Поистиннѣ! никогда бы въ свѣтѣ столько безпорядковъ не было, ежелибъ родители дѣтей своихъ заблаговременно укрощали, дабы умъ ихъ изъ дѣтства могъ наполниться добродѣтелью. Тѣ отцы съ матерьми конечно обманутся, которые думаютъ, какъ бы дѣти ихъ ни извольничались, однако [де] со временемъ въ должность ихъ привесть можно. Только это [де] какъ весьма ложное мнѣніе, многихъ знатныхъ родителей обманувши, горько плакать заставило. Много такихъ своевольныхъ дѣтей было, и нынѣ есть, которые не воздержную молодость свою въ лѣности, въ роскоши и въ невоздержностяхъ проводивши, посрамленіемъ всему роду своему

ему здѣлались; а народу многія неправды съ обидами причинивши, злую жизнь свою худою и печальною смертью оканчиваютъ. Отцы да матери безпрестанно себя мучатъ, какъ бы столько имѣнія собрать, чтобъ дѣтей по себѣ богатыми оставить. Кто хочетъ многочисленной домъ содержать, тотъ всегдашнему искушенію подверженъ. Катона спросили, какъ бы хозяину доходы свои наилучшимъ образомъ умножить? Прибавленіемъ пашни, да умноженіемъ животины, отвѣчалъ Катонъ. А какъ его же потомъ слѣдующимъ вопросомъ искусили, не прибыльнѣе ли деньги въ ростъ отдавать? То праводушной Катонъ на эту лукавую задачу такую Римскую правду во отвѣтъ имъ сказалъ: *Вы бы меня лучше о томъ спросили, не больше ли отъ того прибыли будетъ, ежели человѣка до смерти убивши ограбить, или съ живаго кожу содрать.* По сему отвѣту можно видѣть, что процентщики, или ростовщики у Римлянъ въ крайнемъ омерзѣніи были. Истиннаго Христіянина и честнаго человѣка подлинная должность въ томъ состоитъ, чтобъ о домашнихъ своихъ попеченіе имѣя, смотрѣть житья и поступокъ ихъ, а собственною добродѣтельною жизнью примѣръ имъ давать. Едва не всѣ помѣщики и господа почитаютъ служителей за невольниковъ своихъ въ такомъ гордомъ и не праведномъ мнѣніи, будто люди не одно съ ними тѣло и не одинакую душу имѣютъ.

Отъ сего презрѣнія съ подчиненными своими въ нуждахъ и болѣзняхъ ихъ ни малаго милосердія, а въ жестокомъ наказаніи за малыя вины ихъ мѣры не знаютъ, и ни малаго сожалѣнія къ бѣднымъ людямъ не имѣютъ. Это уже извѣстное дѣло, что господина и раба единъ *Богъ* создалъ. Многоразличное состояніе свѣтскихъ чиновъ произошло отъ провидѣнія *Божія*, которое однимъ господами, а другимъ служителями ихъ быть опредѣлило. Для сего-то должны богатые да вельможи *Бога* благодарить за особливое Его милосердіе къ нимъ, а бѣдныхъ не забывая, въ нуждахъ ихъ всякую помощь и милость къ нимъ являть. На свѣтѣ большая половина взлорныхъ и такихъ безпокойныхъ господъ, которые отъ великой скупости и отъ жестокосердія непрестанно о томъ жалуются, будто люди у нихъ много хлѣба ѣдятъ, и весьма дорого имъ становятся. Никогда услугами ихъ не довольны будучи, бьютъ и гонятъ ихъ безъ милости. Ежелибъ это варвары дѣлали, то бы имъ какъ съ природы звѣронравнымъ, а во Христа *Бога* не вѣрующимъ поганамъ и дивиться было нѣчего. Но сіе толь большаго изумленія достойно, что свѣтомъ святаго Евангелія, и особливымъ разумомъ просвѣщенные Христіане, къ бѣднымъ служителямъ и къ подчиненнымъ своимъ до тѣхъ поръ милосерды, пока рабы здоровы, и служить имъ могутъ; а какъ остарѣвши дряхлы станутъ, тогда

господа

господа рабовъ своихъ со двора збиваютъ. Въ тѣ-то поры долженствовали господа симъ бѣднымъ всѣ свои силы, лѣта и здоровье во услугахъ господскихъ положившимъ лучшую милость и помощь свою оказывать. Тогда-то бѣднымъ рабамъ господское жалованье нужнѣе всей милости, которую служители чрезъ цѣлую жизнь свою отъ помѣщиковъ получили. Богъ, человѣчество, честь, христіянство и совѣсть всякаго господина къ сему обязуетъ. Которой хозяинъ хочетъ здѣлаться въ домѣ своемъ тиранномъ, тотъ на всякомъ часу сопротивленіе, а на каждомъ шагу возмущеніе къ оборонѣ отъ его мучительства найдетъ. Ежелибъ власть свою умѣреннѣе и воздержнѣе употреблялъ, то бы подчиненные и служители на рукахъ его носили. Токмо есть такіе съ природы жестокаго нрава люди, которые о бѣдности рода человѣческаго ни малаго сожалѣнія не имѣютъ. Никого кромѣ себя не любятъ, всѣ оказанныя имъ услуги за ничто почитаютъ, никому за нихъ не благодарятъ, а лучшихъ и вѣрнѣйшихъ своихъ служителей, послушавъ чужаго, иногда вымышленнаго, а временемъ ложно, и по злобѣ внушеннаго наговору неповинно гонятъ. Мудрый Катонъ написалъ: Не скоро въ такихъ случаяхъ словамъ жены своей вѣрь, ежели она тебѣ на служителей твоихъ жалуется. Жена съ природы всѣхъ тѣхъ ненавидя гонитъ, кого мужъ ея любитъ и жалуетъ. Она почитаетъ ихъ за

 шпіоновъ

шпіоновъ и за служителей всякимъ невоздержностямъ въ ея мнѣніи не вѣрнаго супруга. Въ такихъ обстоятельствахъ надобно мужу слова ея терпѣливо выслушавъ, а потомъ съ тихостью женѣ своей такой отвѣтъ сказать: Кто нибудь тебѣ на сего человѣка налгалъ. Ежели она послѣ сей честной поступки еще въ томъ заупрямится, чтобъ добраго и вѣрнаго служителя до двора согнать, то мужу ея лучше себя поскрѣпить, нежели не праведному своенравству напрасно злобствующей жены покориться, которая отъ мужа своего требуетъ учтивства и послушанія противнаго правдѣ и человѣколюбію. Понеже господа о служителяхъ своихъ совершенное теченіе имѣть, то есть, поить, кормить, одѣвать, обувать, и всю нужду имъ промышлять должны, дабы отъ нихъ жалобъ и роптанія не было: то и служители съ своей стороны необходимо обязаны господамъ своимъ [какого бы они труднаго и строптиваго нрава ни были,] со всякою вѣрностію, со усердіемъ и послушаніемъ всею своею силою и возможностію служить, кромѣ того, что *Божію* закону и Монаршимъ повелѣніямъ противно. Хотябъ господа рабовъ своихъ къ одному изъ сихъ пунктовъ неволею, великими обѣщаніями, дарами, или угрозами принуждали; однакожъ доброму служителю ни за что и ни для чего въ свѣтѣ совѣсти своей вредить, а *Бога* прогнѣвлять не должно. Каковъ бы не праведенъ господинъ ни былъ,

только

только безъ сомнѣнія внутреннее почтеніе со усердіемъ къ такому добросовѣстному и не боязливому служителю своему имѣть будетъ, которой отъ исполненія не правильной и закону противной прозьбы господина своего отрекшись, не похочетъ быть участникомъ грѣховъ его; а напротивъ сего умные господа и помѣщики тѣми рабами и служительми по самой справедливости внутренне мерзятъ, которые продаютъ совѣсть свою для преступленія заповѣдей *Божіихъ*. Кесарь Констанпій, отецъ Императора Константина великаго, хотя и язычникъ былъ, однакожъ всѣхъ тѣхъ изъ Рима выгналъ, которые Христіянскую вѣру оставя, къ прежнему идолопоклонству возвратились, а притомъ такое премудрое слово сказалъ: Кто *Богу* измѣнитъ для временнаго щастія на свѣтѣ, тотъ и Государю своему не только будетъ не вѣренъ, но и тому человѣку Монарха своего скоро предастъ, кто большее щастье, или богатство сему перемѣтчику посулитъ. И такъ господамъ законъ и службу *Господа Бога* своего выше и больше всего почитать надлежитъ, ежели они должность истиннаго Христіянина и честнаго человѣка исполнить, а притомъ правила житія Христіянскаго съ правилами житія гражданскаго совершенно соединить желаютъ.

ГЛАВА ОСЬМАЯ.

О ГРАЖДАНСКОМЪ, ИЛИ СВѢТСКОМЪ ЖИТЬѢ.

Какъ истинной Христіянинъ и честной человѣкъ веселіе и красота сожитію или обществу человѣческому, такъ ничего съ свѣтѣ противнѣе и не снoснѣе такого человѣка нѣтъ, который ни вѣры съ вѣрностію, ни чести съ доброю совѣстью не имѣетъ, но все по пристрастію и по своевольству для интереса и самолюбія своего дѣлаетъ. Никто такихъ людей не любитъ, и любить не можетъ, для того что они сперва противъ закона *Божія*, а за тѣмъ уже противъ собственной души и противъ чистой совѣсти поступаютъ. Главное правило на угожденіе свѣту въ томъ состоитъ, дабы, смотря по различію нравовъ, поступать, и временемъ полезныя обязательства имъ являть. Обыкновенная человѣческая жизнь проходитъ въ комплементахъ, въ ласкательствѣ, въ представленіи услугъ своихъ и въ обнадеживаніи оными, только все это пустошь и напрасные проводы безцѣннаго времени. Человѣкъ долженъ прежде всего нравъ, поступки и дѣла тѣхъ людей прилѣжно разсмотрѣть, съ кѣмъ ему обходиться. Ежели безъ разбору въ компанію и въ обхожденіе съ ними вступитъ, то надлежитъ ему всякой часъ и всею силою того беречься, чтобъ худыми

примѣры

примѣры, развращенными словами, кривыми правилы, и злыми сихъ не очень знакомыхъ людей дѣлами самому не испортиться. А по крайней бы мѣрѣ не потерять большую часть того добраго мнѣнія, которое знатные и разумные люди объ немъ самомъ имѣютъ. Потеряніе добраго имени съ честію много на смерть походитъ; а лишившійся оныхъ отъ мертваго человѣка малымъ чѣмъ разнится. Богъ далъ намъ сожитіе и обходительство съ людьми на утѣшеніе въ печалѣхъ и въ нещастіяхъ нашихъ. Эти прискорбности человѣческія присутствіемъ и умными разговорами о печаляхъ и бѣдахъ жалѣющихъ друзей нашихъ много облегчаются. Только сердечныхъ тайностей кромѣ вѣрнѣйшихъ и добродѣтельныхъ друзей своихъ всякому на носъ вѣшать не надобно. Вѣрной, разумной и добродѣтельной другъ учиненной ему повѣренности твоей никогда на зло не употребитъ. По свѣтскому учтивству называемыя пріятныя компаніи, гдѣ надѣются о худомъ не думать, суть обыкновенно ядовитыя собранія, а притомъ школы развращенныхъ безчинствъ и всякаго своевольства. Для учтивости къ друзьямъ своимъ никогда правилъ чести и Христіянской должности не преступай; а тѣхъ отнюдь не хвали, кто отъ правилъ вѣры Христовой удалившись, на показаніе остраго разума и мнимаго мудрованія своего нарочно при себѣ добродѣтельныхъ людей для того

 держитъ,

держитъ, чтобъ надъ ними тѣшиться, и хитрыми вымыслы какъ можно ихъ дурачить. Наружной видъ весьма обманчивъ, а склонность наша къ порицанїю и къ переговорамъ другихъ людей часто насъ во мнѣнїи и въ разсужденїяхъ прельщаетъ. Тѣ люди въ свѣтскомъ обхожденїи весьма скучны, которые все то хулятъ, что другїе хвалятъ. Они ничего по своему нраву не находя, ложно думаютъ чрезъ сїю притворную деликатность за преумнѣйшихъ людей признаны быть. Но подлинно умные люди почитаютъ ихъ за строптивыхъ спорниковъ, за скучныхъ упрямцовъ, и за вздорныхъ переговорщиковъ всего добраго на свѣтѣ. А такихъ людей весьма мало, которые бы къ безопасному и къ постоянному обхожденїю способны были. Сїе щастливое состоянїе требуетъ скромнаго, праведнаго и добросердечнаго человѣка, безъ всякаго притвору и безъ лицемѣрїя. Умному человѣку должно въ рѣчахъ своихъ скромну, воздержну и осторожну быть. Сихъ великихъ людей такъ же на свѣтѣ мало, какъ лучшихъ бриліянтовъ. На что злобною трубою разглашать отъ друга повѣренную тебѣ, или слышанную тайну, когда сїе объявленїе многихъ въ томъ участїе имѣющихъ опечалить можетъ? За чѣмъ еще къ тому страшной ядъ злыхъ своихъ разсужденїй прибавлять? Я бы желалъ, чтобъ злословящїй человѣкъ и за очи про тѣхъ людей худа не говорилъ, которые

его

его повредили. Сія коварная поступка подобна такому шишимору, которой своего непріятеля молча съ тылу убиваетъ. Я же бы ему не совѣтовалъ и тѣхъ людей хвалить, которые другихъ злословятъ, и для сего гнуснаго промысла къ нимъ въ товарищи итти. Ежели онъ въ состояніи молчаніе имъ наложить, то уже сіе подлинной знакъ, что въ немъ особливое великодушіе и отмѣнная передъ подлыми людьми храбрость. Злой и хулительной языкъ про всѣхъ безъ разбору зло говорить и ни одного честнаго человѣка въ покоѣ не оставлять обыкши, все сіе за особливое проворство и за позволенное отъ свѣта дѣло не праведно признаваетъ. Но *Богъ* праведнѣе о семъ разсуждая, предувѣщаваетъ насъ, что о всякомъ праздномъ словѣ отвѣтъ дать должно. Какъ же сей неумытный Судія за коварныя, честь со славою ближняго вредящія, и на добромъ имени человѣка убивающія слова, насъ со временемъ не накажетъ? Ты про другихъ съ отвагою зло говоришь, а люди тебѣ съ такоюжъ безопасностію тою же монетою платя, ни мало тебя не пощадятъ. Только симъ взаимнымъ злословіемъ правя житія гражданскаго и обходительства свѣтскаго такъ сильно нарушаются, что иногда человѣкъ однимъ не воздержнымъ словомъ вѣчную ссору и не примиримую вражду наживаетъ. Хотя произнесшій это слово не съ умыслу, и не съ худаго намѣренія скажетъ; однако

не

не доброжелательные люди слова его развращенно толковать, а потомъ изъ малой искры цѣлое пламя дѣлать конечно станутъ. Желающїй умно говорить, долженъ сперва о томъ подумать, что сказать, или о чемъ разговоръ начать хочетъ, дабы безразсудныя слова въ бѣду его не привели. Умному надобно знать мѣсто, время, случай и состоянїе тѣхъ людей, съ кѣмъ когда, и о чемъ ему говорить, притомъ разсуждая, что имъ угодно или противно покажется. Такъ же, что радостно, или печально быть можетъ. Которые молодые люди передъ старшими, или передъ честнѣйшими себя персонами смѣлымъ велерѣчїемъ себя оказываютъ, тѣ непроворство ума своего, да неучтивство и буйственную дерзость свою являютъ. Имъ для приведенїя себя въ совершенство надобно больше слушать, а меньше говорить. Молодому человѣку прежде времени учителемъ, или проповѣдникомъ быть весьма не пристало. Умной и собою обладающїй человѣкъ, другому человѣку развѣ къ рѣчи и то не скоро пристанетъ, подлинно вѣдая, что движенїе нашего сердца узнается по рѣчамъ. Не разумные и не разсудительные люди все болтаютъ, что имъ на ротъ набредетъ. Какъ въ суесловїи ихъ ни порицаютъ, однако они тѣмъ ни мало не исправляются. Грубыя слова съ громкимъ ихъ смѣхомъ, задеревенѣлые манеры, злословїе обо всѣхъ безъ различїя; все это значитъ

чишъ безумїе и злость сердца ихъ; а за шѣмъ уже опъ всѣхъ общее презрѣнїе и ненависть имъ приноситъ. Бездѣльная эта поступка, кто въ согласїи живущихъ людей переносными рѣчами въ ссору приводитъ; а между шакими людьми, которые не очень согласны, пламя вражды и большаго возмущенїя нарочно поддуваетъ. Тотъ человѣкъ безмѣрно обманится, кто симъ ремесломъ съ обѣихъ сторонъ склонность получить уповаетъ. Никогда того не будетъ, но вмѣсто сей мнимой склонности общая обѣихъ сторонъ ненависть на негожъ обратится. Подлое у того человѣка сердце, которой для полученїя дружества ядовитымъ злословїемъ своимъ другихъ людей язвитъ. Для убѣжанїя погрѣшностей языкомъ, надобно человѣку весьма воздержно говорить, подлинно вѣдая, что во многомъ глаголанїи грѣха не убѣжитъ. Безпрестанными разговорами можетъ человѣкъ не только противъ вѣрности, противъ правды, и противъ благопристойности, да противу собственныхъ интересовъ погрѣшить. Великой разговорщикъ не только лучшихъ друзей, но и самаго себя губитъ. Онъ въ безмѣрной охотѣ къ росказамъ себя забывши то выболтаетъ, чегобъ съ охотою никому не объявлять желалъ, да поздо уже будетъ. Сказаннаго слова такъ власно, какъ изъ клѣтки выпущеной птицы назадъ не возвратить. Хотя человѣкъ о безумствѣ и о дерзости языка своего весьма стыдится и жалѣетъ, только уже помочь тому не въ

состоянїи. О не многихъ безъ разсужденїя и не достойнымъ людямъ сказанныхъ тайныхъ словахъ человѣкъ во всю жизнь свою тужитъ. Воздержно и осторожно говори, дабы тебя за безумнаго не почли, вмѣсто того, что ты прїятнымъ и умнымъ человѣкомъ прослыть желаешь. Безмѣрная охота къ показанїю ума своего въ компанїи обьявляетъ недостатокъ человѣческаго разсужденїя. За столомъ больше и прежде всего многорѣчїя беречься надобно. Изрядныя ѣствы съ хорошимъ виномъ языкъ у человѣка сильно развязываютъ на произнесенїе такихъ смѣлостей, которыя безумное дерзновенїе и безпамятство человѣческое ясно кажутъ. Кто себя не знаетъ, и крѣпко не помнитъ, тотъ объ одномъ человѣкѣ, да, и нѣтъ, сказавши одно дѣло, и хвалить, и хулить станетъ. Собою и языкомъ своимъ толь крѣпко владѣющїй человѣкъ, которой злословящему себя и въ лицо худа не скажетъ, да промолчитъ, великой похвалы достоинъ: только такое чудное воздержанїе языка крайне рѣдко. Хотя сїе нарушенїе вѣрности наказанїя достойно, только это въ свѣтѣ весьма обыкновенное дѣло, что люди повѣренную имъ тайность открываютъ, а того не вѣдаютъ, что тайна подобна въ сохраненїе тебѣ отъ прїятелей порученному сокровищу, котораго безъ воли и приказу настоящаго хозяина трогать не должно. Но какъ многїя невѣрности по симъ двумъ пунктамъ всякой день происходятъ? Какое удоволь-

удовольствіе въ объявленіи того, что намъ важныя дѣла повѣрены? А съ какою прибылью искусные, особливо же хитрые люди, симъ не разумнымъ объявленіемъ нашимъ пользуются, и какую отъ того корысть получаютъ! Ежелибъ всякой человѣкъ, кромѣ своихъ собственныхъ нуждъ, ни въ какія постороннія дѣла не мѣшался, тобъ согласіе между друзьями гораздо долговѣчнѣе было. Только многіе на сіе не смотря, туда бросаются, гдѣ они не надобны; а такіе совѣты даютъ, какихъ у нихъ не спрашиваютъ. Ежели у тебя о какомъ дѣлѣ мнѣнія потребуютъ, то старайся умной и праведной отвѣтъ дать, а противъ совѣсти своей никому не мани, и вреднаго совѣта отнюдь не давай. Кто на всякія мнѣнія мечется, и все предлагаемое ему хвалитъ, тотъ съ сею склонностью въ долговременной искренности пребыть не можетъ. Кто все хвалитъ, и всему потакаетъ, тотъ конечно глупъ, или труслив. Это уже крайнее безумство, кто самъ себя публично хвалитъ, а того примѣтить не можетъ, что многіе ему праведно смѣются. Хотя бы намъ христіянство правилъ кротости, смиренія, скромности и терпѣнія не предписывало, тобъ одно разумное въ свѣтѣ обхожденіе съ благопристойностію долженствовало суетнымъ людямъ запрещать, чтобы часто въ свою пользу не говорить, и самимъ не хвалиться. Суетные и подозрительные люди тотчасъ безпокойны, или печальны становятся: ежели одинъ съ

другимъ

другимъ уединясь тихо говорятъ, и по не разумному безпокойству своему напрасно думаютъ, будто эти два человѣка все про нихъ говорятъ; а у сихъ разговаривающихъ и на умѣ того не бывало. Все это въ человѣкѣ худой нравъ и не чистую совѣсть значитъ. Которымъ совѣсть зазритъ, тѣ съ природы будучи не имовѣрны, напрасно думаютъ, что тайные и тихіе разговоры про нихъ. Кто сіе внутреннее смятеніе изъ лица ихъ примѣтитъ, тому надобно отъ тихихъ и тайныхъ рѣчей тотчасъ перестать. Честному человѣку ничего того дѣлать и говорить не должно, чѣмъ правила свѣтскаго обхожденія нарушены быть могутъ. А о тѣхъ уже что думать, и какое мнѣніе имѣть, которые люди черезмѣрныя похвалы и не обыкновенныя ласкательства съ подлымъ похлебствомъ на то употребляютъ, дабы только чрезъ сіе желанія съ намѣреніемъ своимъ получить, какогобъ оныя калибера ни были? Такихъ людей очень много, которые тайную склонность ко всякой лжи и къ обманству имѣютъ. Интересъ природную нашу справедливость испортилъ, а отъ сего развращенія весьма много не праведныхъ дѣлъ въ свѣтѣ произошло, и нынѣ дѣлается. Сіе подало способъ къ изобрѣтенію фальшивыхъ мѣръ и не праведныхъ вѣсовъ. А главная сему причина та, что поврежденные люди больше себя, нежели ближняго любятъ. Свѣтская политика всякія къ тому хитрости вымышляетъ;

мышляетЪ, чтобЪ на той сторонѢ не только всякіе убытки свои вымѢстить, но и всевозможную пользу отЪ нее получить, сЪ которою какія нибудь дѢла имѢетЪ. Возьмем для примѢра свадьбу. ВЪ сихЪ дѢлахЪ больше всего неправды отЪ того происходятЪ, что одна сторона возможнѢйшіе способы кЪ тому употребляетЪ, какЪ бы другую обмануть. ОтЪ сего-то горшія вЪ супружествахЪ ссоры, вражды и самые разводы происходятЪ. Правду и вѢрность сЪ свѢта согнали. Кто у тебя сего дня сЪ крайнимЪ униженіемЪ и сЪ клятвенными обѢщаніями денегЪ взаймы проситЪ, тотЪ взявши ихЪ тебѢжЪ непріятелемЪ за то здѢлается, для чего ты его помиловавЪ, изЪ тюрьмы свободилЪ. ЧеловѢческая злость такЪ велика, что отЪ обходительства со злыми больше потерянія и печали, нежели радости и пользы. Когда эти злые, или лукавые люди все желаемое отЪ тебя получатЪ, то такЪ дѢлаютЪ, будто бы тебя во вѢки не знали. Честной человѢкЪ никогда не долженЪ притворять себѢ того, чего вЪ немЪ нѢтЪ, ниже тѢхЪ талантовЪ таить, чѢмЪ природа его одарила, дабы только чрезЪ сіе дешевлѢ купить, и дороже продать. Кто симЪ торгомЪ по людямЪ, по времени и по товарамЪ смотря, коварно торгуетЪ, тотЪ не очень изЪ честныхЪ людей, по тому что усмотря время и случай, зазрѢніе совѢсти на гвоздь повѢся, по своему разсужденію

таитъ и объявляетъ, лжетъ и правду говоритъ, печальнымъ и веселымъ, гордымъ и низкимъ себя кажетъ. Ласкаетъ и грозитъ, проситъ и отнимаетъ, и безчисленныя на то хитрости въ дѣйство производитъ, дабы свой товаръ какъ можно дороже продать. Которые насъ обманываютъ, или безвинно ругаютъ, тѣ сами на себя непремиримую ненависть и вѣчное омерзѣніе по тому наводятъ, что всякъ о себѣ доброе мнѣніе имѣя, иногда напрасно думаетъ, будто онъ верьховнаго почтенія достоинъ. Для сихъ праведныхъ причинъ никого безчестить, и напрасно, а особливо съ умыслу обидѣть не надобно. Правила вѣры Христіянской съ правилами честнаго человѣка сіе запрещаютъ. Однако такихъ злонравныхъ людей очень много въ глаза попадается, которые въ томъ свое удовольство и веселье находятъ, чтобъ людямъ зло здѣлать; а буде къ произведенію сего въ дѣйство силы ихъ нѣтъ, то тѣмъ забавляются, чтобъ людей злословить. Только всѣ эти злословы и клеветники не люди, да чудищи и уроды въ человѣческомъ образѣ. Не только чтобы имъ послѣдовать вѣрѣ Христовой, учащей насъ кротости и любви, но отъ самой разумной природы удаляются, которая человѣка къ благотворенію подобнымъ ему обязуетъ. Съ такими другаго дѣлать нѣчего, какъ только что объ нихъ сожалѣніе имѣть, и какъ возможно отъ нихъ убѣгать. Ни въ чемъ имъ послѣ-

довать

довать не должно, подлинно вѣдая, что тѣ сами себя мучатъ и безпокоятъ, которые другихъ безвинно гонятъ и ненавидятъ. Христіянину для сохраненія своего спокойства никого обезпокоивать не должно. Тому человѣку особливое великодушіе съ отмѣнною щедростью надобно, кто не только о знакомыхъ, но и о не знаемыхъ ему въ безщастіе, или въ бѣды впадшихъ людяхъ человѣколюбно жалѣть. Только въ свѣтѣ больше грубыхъ и такихъ жестокосердыхъ людей, которые и крайчѣйшими злощастіями ближняго ни мало не умягчаются. Ежели кто о чемъ ихъ попроситъ, то они сіе за брань себѣ почитаютъ, и однимъ отказомъ не довольствуются, да еще просящаго бранятъ и ругаютъ. Почто удивляться непостоянству и холодности такихъ друзей, которые склонность свою смотря по интересу часто перемѣняютъ? То дружество сильнѣйшее, которое на безкорыстной вѣрѣ съ не поколебимою вѣрностію и на Христіянскомъ любленіи основано. Истинная любовь не лѣнива и не лестна. Христіянинъ долженъ Христіянину, или другу своему всею возможностію служить. Въ то время помочь свою удвоить, а трудовъ прибавить долженъ, когда другъ его въ какое либо знатное прогрѣшеніе впасть намѣрился, и по всѣмъ видамъ къ тому склоненъ. Кто такому другу ничего дѣлать не хочетъ, которой его много одолжилъ, тому по послѣдней мѣрѣ на не-

го воставать, и съ его противниками соглашаться не должно. Хотя между друзьями обхожденіе и пресѣклось, однакожъ дружество всегда почитать должно, которое со временемъ и для важныхъ обстоятельствъ отмѣняется. Худое это лекарство, чтобъ бывшаго друга бранить, или на него безпрестанно жаловаться. Худо съ тобою поступающаго друга отнюдь не ругай, да сколько возможно недостатки его сноси, только не вовсе ему ввѣряйся, но прилѣжнѣе за нимъ смотри. Ежели друзья во отдаленіи тебя оставляютъ, а интересовъ твоихъ не смотрятъ, такъ ты и думаешь публичной съ ними за то разрывъ учинить? Напрасно! Ежели ты разуменъ, такъ не обезпокоивай себя. Много такихъ непостоянствъ на свѣтѣ. Нѣкоторые люди опасаясь съ друзьями побраниться, ни въ какихъ порокахъ имъ не спорятъ, и ни отъ какихъ погрѣшностей ихъ не воздерживаютъ. Мы не всегда въ состояніи друзьямъ своимъ такого вспоможенія учинить, какого они отъ насъ требуютъ, да то всегда отъ насъ зависитъ, чтобъ ихъ честно и пріятно принимать, а притомъ всегдашнею учтивостью съ ними обходиться для такого случая, ежели они прошенія и желанія своего не получатъ, то бы насъ о неучтивствѣ и о худыхъ поступкахъ порицать не могли. Буде ты твердое намѣреніе принялъ, и подлинно въ состояніи просимое ими исполнить, то завтраками отнюдь ихъ не корми, и долговременнымъ

меннымъ жданьемъ напрасно не мучь. Дружество и охота ко услугамъ отъ того на свѣтѣ умалилась, что одинъ другаго за соперника, за ненавистника и за сущаго врага благополучїю своему почитаетъ, а самъ надутъ гордостью и пагубнымъ самолюбїемъ. У кого съ кѣмъ до раздѣлу имѣнїя, или до важныхъ дѣлъ дойдетъ, тамъ тишина и спокойство не долго подержится, для того что интересъ обращаетъ разумъ человѣческой на лѣвую сторону. Сїя корысть велитъ намъ ложно вѣрить, будто мы одни правы, а тѣ всѣ виноваты, съ кѣмъ мы дѣло имѣемъ. То прежде всѣхъ жалобъ надлежитъ безпристрастно разсудить, кто подлинно правъ, или виноватъ, съ такимъ намѣренїемъ, чтобъ себя прежде обвинить, а другаго оправить, ежели онъ подлинно не виноватъ. Ты жалуешься о злонравїи и о худыхъ поступкахъ ближняго, а онъ въ томъ же на тебя жалобу приноситъ. Что съ вами въ такомъ случаѣ дѣлать? Сносите свои взаимные недостатки, и прощайте другъ другу согрѣшенїя ваша, да и *Богъ* всѣхъ обще проститъ и помилуетъ насъ. Изъ малой причины отнюдь криминальнаго дѣла не сплетай. Не будь изъ числа тѣхъ реформаторовъ, [справщики] которые громко кричатъ, все хулятъ, всѣхъ проклинаютъ, и жестокостїю ученїя своего весь свѣтъ во адъ гонятъ. Такїе крикуны сами хуже и завидливѣе всѣхъ. Эти инквизиторы дѣлаютъ наступательные и оборонительные союзы

 противъ

противъ тѣхъ добрыхъ людей, которые словъ ихъ не слушаютъ, а мнѣнію и воли ихъ праведно не повинуются. Человѣку такіе люди не очень пріятны, которые различіемъ нравовъ и поступокъ своихъ его нраву и поведенію съ природы противны. Обхожденіе ихъ скучно и тяжко, для того что ихъ мнѣніе весьма съ нашимъ мнѣніемъ не сходно. Временемъ въ безгрѣшныхъ, а иногда въ самыхъ правдѣ противнѣйшихъ вещахъ упорно стоятъ. Въ такихъ людяхъ есть потаенная и нѣжная гордость, которая ихъ научаетъ все що презирать, что другіе ни говорятъ, а свое вранье и суесловство за высокія и крайняго почитанія достойныя нравоученіи вмѣняютъ. Это значитъ трусость, кто за правду въ важныхъ дѣлахъ не вступается и оную не защищаетъ; а кто за бездѣлицу упрямится и вздоритъ, тотъ человѣкъ глупъ. Въ правдѣ что скорѣе, то лучше уступить, нежели долговременнымъ споромъ и крикомъ въ неправдѣ справедливую отъ людей ненависть на себя привлечь. Учтивствомъ и кротостію скорѣе всего шпагу изъ рукъ у нихъ выбьешь, ежели они крайнимъ безумствомъ не ожесточали. Кто привыкъ въ компаніи спорить, тотъ показываетъ въ себѣ тайную зависть съ несытнымъ желаніемъ къ такому увѣренію людей, будто онъ умнѣе всѣхъ. Не препятствуй и другимъ людямъ о разумѣ своемъ настоящее мнѣніе и должное къ нему почтеніе имѣть, и не завидуй тому, что они его свѣ-

ту

ту объявляютъ. Христїянское ученїе, а потомъ учтивство, суету съ тщеславїемъ праведно ненавидишъ. Многїе люди по одной только гордости, а не по праведному омерзѣнїю къ этой страсти равныхъ себѣ горделивцовъ ненавидятъ. Обхожденїе въ житьѣ гражданскомъ дано намъ вмѣсто лекарства отъ всякой скуки и печали, которая человѣка безъ сего исцѣленїя одолѣть можетъ. Въ такомъ состоянїи дома сидѣть весьма скучно, а къ такимъ людямъ ходить и того скучнѣе, которымъ не весело. Нравъ и умъ человѣческой скукѣ, омерзѣнїю, печали, тягости и неудовольству очень часто подверженъ бываетъ, и власно какъ великою темнотою окружившись, ничего кромѣ прелестной мечты и кромѣ страшилищъ не видитъ. Гнѣвливые люди [холерики] склоннѣе другихъ къ печали. Всякая противность можетъ сихъ сердитыхъ изъ природнаго ихъ нрава скоро вывести. Безпокойные, лѣнивые, ни чтенїемъ, ни письмомъ, и ни чѣмъ полезнымъ не забавляющїеся люди, только для одного скорѣйшаго провожденїя времени изъ дому въ домъ бродятъ, но не вездѣ то находятъ, чего ищутъ. Компанїя также имъ наскучитъ, какъ одиначество. Истиннаго человѣку спокойства и тишины внутренней кромѣ удаленїя отъ свѣтскихъ суетъ и отъ народнаго шуму нигдѣ найти не можно. философъ философу сказалъ: Ежелибъ ты земные плоды ѣлъ, а притомъ малымъ довольствовался, то бы

гораздо здоровѣе и веселѣе былъ, нежели онъ многаго кушанья и хорошихъ напитковъ. Это слово очень умно, а во исполненіи дѣломъ весьма полезно. Лучше въ трезвости дома сидѣть, нежели для ѣствъ и питья въ люди бѣгаючи, смѣшнымъ, или скучнымъ здѣлаться. Гдѣ дружбы заключатся, тамъ надобно сходству въ нравахъ, а въ чинахъ совершенному равенству быть. Сіе весьма не пристойно, что великія персоны надъ мѣру унижаются, и съ подлѣйшими себя равняютъ, а не знатнаго роду люди такъ забываются, что съ большими господами рядомъ ходятъ. Они послѣднее свое иждивеніе на то теряютъ, чтобъ въ знатныя компаніи допущенымъ быть, и съ вельможами обходиться. Заводной Голландской мужикъ изъ села, разстояніемъ отъ Амстердама мили съ двѣ, позвалъ къ себѣ Герцога Ганноверскаго и съ Герцогинею его кушать. Какъ Герцогъ къ нему пріѣхалъ, то мужикъ очень богатымъ обѣдомъ Его Свѣтлость потчивалъ, а послѣ кушанья всѣмъ тѣмъ высокой цѣны въ Японской и Китайской Порцелинной посудѣ состоящимъ сервизомъ подарилъ, которой на столъ подавался. Хотя въ простыхъ людяхъ великое любленіе чести и щедрости иногда бываетъ, только притомъ весьма опасно, чтобъ въ сіе любленіе чести смѣшная суета не замѣшалась. Помянутой Голландецъ былъ весьма различнаго нрава съ тѣмъ Римляниномъ, которой Кесаря Августа

ста на обѣдъ къ себѣ хотя и просилъ, только простымъ обѣдомъ его отпотчивалъ. Императоръ во весь столъ о семъ посредственномъ трактаментѣ ни малаго неудовольствия не объявилъ, только на поѣздѣ хозяину сказалъ: *Я не думалъ, чтобы мы съ тобою такъ за просто обошлись.* Какую бы кто причину къ жалобамъ о мнимыхъ озлобленияхъ отъ людей ни имѣлъ, однакожъ на все сие не смотря, во всякомъ съ ними согласии жить должно для исполнения должностей сожития свѣтскаго, или общества гражданскаго. Имъ обязаны мы при случаѣ всякия возможныя услуги оказывать, а особливо въ такихъ обстоятельствахъ, гдѣ наша помощь симъ людямъ не обходимо надобна. Тогда-то всѣ ихъ учиненныя невѣжества и не важныя грубости изъ единаго великодушия простить надлежитъ. Хотя Лотъ съ дядею своимъ Авраамомъ при холодномъ прощании разставшись, со всѣмъ домомъ своимъ въ городъ Содомъ удалился, однако какъ скоро сей Праотецъ услышалъ, что неприятели племянника его въ полонъ взяли, то Авраамъ немедлѣнно за ними погнался, и до тѣхъ поръ назадъ не пришелъ, пока неприятелей побилъ, а племянника со всѣмъ имѣниемъ и съ его домомъ изъ плѣна свободилъ. Крайняя въ томъ нужда, чтобы склонность и нравъ тѣхъ персонъ знать, къ которымъ идешь. Кто съ ихъ мнѣниемъ не соглашается, тотъ имъ отъ части

 досаденъ,

досаденъ, или противенъ будетъ. Ежели къ такому человѣку веселымъ лицемъ придешь, кто печаленъ, или въ нещастьѣ, то ему покажется, будто ты надъ нимъ смѣешься. Нѣкоторой Авторъ написалъ. *Печаль человѣку безщастному, или бѣдному весьма пріятная страсть.* Должность общества гражданскаго и сожитія свѣтскаго исполняется больше всего храненіемъ тѣхъ правилъ, которыя всякому чину приличны, и каждому состоянію свойственны, а особливо такихъ правилъ, которыя до мужескаго и до женскаго пола касаются. Свѣтскіе люди привыкши къ снисканію забавъ, жизнь свою во всегдашнемъ безпорядочествѣ провождаютъ. Ночь у нихъ въ игрѣ и въ ужинѣ, а временемъ и въ не позволенныхъ забавахъ проходитъ. День надобно препровождать въ работѣ, или въ другихъ честныхъ дѣлахъ, а уреченное время ночи на упокоеніе чрезъ весь день отъ трудовъ обезпокоеннаго тѣла употреблять должно. Сей порядокъ по *Божію* велѣнію сама натура такъ учредила, что всѣ животныя оному не поколебимо слѣдуютъ. Человѣкъ [по слову Іова] родился на трудъ и работу, такъ какъ птица на летаніе, а не на лѣность, или на гулянье. Человѣкъ долженъ то всегда помнить, что *Богъ* ему приказалъ: насущной, то есть, повседневной хлѣбъ, въ потѣ лица своего ѣсть. Что на сіе такимъ деликатнымъ персонамъ отвѣчать,

чать, которыя отъ малѣйшей работы пужаются, и ни за какой трудъ приняться не хотятъ, съ такимъ крайне ложнымъ мнѣнiемъ, будто бы труды знатнымъ персонамъ не пристойны? Хотя нынѣшняго вѣка уборы съ нарядами, благопристойность и позволенiе весьма превзошли, только иногда постоянныя и скромныя жены для сохраненiя чести своей наряжаться, или на такихъ церемонiяхъ быть принуждены, гдѣ имъ по чину мужей, или по состоянiю фамилiй своихъ быть должно. Все сiе убранство зависитъ отъ добраго намѣренiя, котораго всеправеднѣйшiй сердцевѣдецъ *Богъ* прилѣжно смотритъ. Трудно такой примѣръ найти, чтобъ между персонами разнаго пола чистое обхожденiе и не порочное любленiе быть могло, какое бы они о своей неповинности изрядное мнѣнiе ни имѣли. Онибъ только на приливъ и отливъ не постоянчнаго, и въ такихъ случаяхъ всегда на лѣво обращающагося сердца своего посмотрѣли, тобъ воономъ припадки запрещеннаго дружества тотъ же часъ нашли. Безпокойное удовольство въ свиданiи, печаль въ разлученiи, нетерпимое желанiе какъ бы опять увидѣться, все сiе кажется имъ безгрѣшно. А святая любовь *Божiя* и не порочное любленiе ближняго нетерпѣливости въ себѣ не имѣетъ. Кто честь любитъ, и славу свою хранитъ, а притомъ худаго разсужденiя о своихъ поступкахъ отъ людей опасается, найдетъ ли

тотъ

тотъ человѣкъ въ обхожденїи съ такими людьми увеселенїе, которые всегда въ непорядкахъ живутъ? Между порядочными и безпутными есть такая тайная противность, или антипатїя, которая одному съ другимъ долго быть не допускаетъ для всегдашняго разврату во мнѣнїяхъ и въ склонностяхъ ихъ. По сему видно, что хотящему имѣть согласїе съ не порядочными людьми, надобно самому себя въ явные непорядки и на сущее поврежденїе отдать. И статься тому не льзя, чтобы человѣкъ какимъ нибудь образомъ не ослабъ и не облѣнился въ разсужденїи тѣхъ персонъ, съ которыми часто обходится. Ядъ сей заразы входитъ въ глаза, и проницаетъ до глубины сердца. Обхожденїе съ людьми худаго житїя всегда опасныя слѣдства имѣетъ, а убѣганїе отъ нихъ лучшее спасенїе и лекарство отъ того грѣха, въ которой съ такими людьми нечаянно впасть можно. Не бойся такого разрыву, которой тебѣ сперва нѣсколько труденъ покажется, но потомъ спокойство, честь и совѣсть твою охранивши, вѣчно утвердитъ. Ты самъ свой нравъ и природную слабость знаешь, а отъ обхожденїя съ опасными и власть надъ тобою имѣющими людьми себя не воздерживаешь? Добродѣтель твоя такъ, какъ не крѣпкой корабль въ жестокихъ волнахъ конечно разобьется, а ты своего нещастья до тѣхъ поръ не увидишь, пока уже его вылечить будетъ не льзя. Тогда, но поздо уже увидишь, въ какую пропасть безумїе съ неосторожностью

ностью тебя завело? Какой бы кто крѣпкой и добродѣтельной человѣкъ ни былъ, однако въ обхожденіи съ безчестными людьми помалу ослабнувъ, испортиться можетъ. Премногіе бы люди добродѣтель свою до конца сохранили, ежелибъ въ безчестныя и пороками наполненныя руки не попались, которые весьма смѣлы, а притомъ ко всегдашнимъ роскошамъ и ко всякимъ невоздержностямъ привыкли. Одному съ другимъ поломъ, каковыми бы добродѣтельными себѣ стороны себя ни почитали, близкое дружество и выше мѣры откровенное обхожденіе имѣть для того опасно, *что порохъ подлѣ огня не долго улежитъ, а къ пламеню близко подходить весьма стратно.* На доброе свое намѣреніе не очень полагайся. Воля человѣческая на одномъ часу перемѣняется, а слабость наша такъ велика, что какъ бы человѣкъ ни намѣренъ былъ въ должности своей вѣрнымъ оставаться, но ежели на бѣду и на страхъ добровольно пойдетъ, то ни за себя, ни за добродѣтель свою ручаться не возможетъ. Вовсе мѣшающееся и очи человѣческія непрестанно заслѣпляющее самолюбіе не допускаетъ намъ самихъ себя основательно знать. Многія дѣла кажутся намъ добродѣтельны и порядочны, а ежели на нихъ съ стороны посмотрѣть, то они отъ самолюбія, или отъ сокровенной въ насъ суеты родятся. Люди тѣхъ тайныхъ причинъ не довольно разсматриваютъ, которыя человѣка побуждаютъ къ дѣйству и виду

внѣшнему, весьма противны, хотя правда и вѣра душа обхожденію человѣческому. Всякъ того смотритъ, какъ бы иной видъ на себя взявши, ближняго обмануть. Людей только наружнымъ видомъ питаютъ, которымъ они и довольны; а кто лучше себя скрыть умѣетъ, тотъ за честнѣйшаго человѣка почитается. Только то бѣда, что человѣкъ со всѣми своими хитростьми ни отъ Бога, ни отъ собственной совѣсти укрыться не можетъ. Споры лучшую компанію портятъ. Сей порокъ почти во всѣхъ въ насъ есть, чтобъ равныя съ нами требованія имѣющимъ завидовать; а которые люди въ равную съ нами славу приходятъ, тѣмъ бы какъ можно препятствовать. Ежели мы отъ воздержности, или для какой тайной причины спорника нашего явно порицать не смѣемъ, то другимъ образомъ худо про него говоримъ на показаніе скрытнаго своего безпокойства. Съ какою крайнею печалью человѣкъ на сіе смотритъ, ежели тотъ чинъ другому достанется, котораго онъ самъ желалъ, и себя достойнѣйшимъ онаго больше другихъ почиталъ? Человѣкъ никогда правды про себя не разсуждаетъ, и откровенно не скажетъ. Какія бы худыя качества въ себѣ ни имѣлъ, однако наиважнѣйшихъ чиновъ достойнымъ себя почитаетъ. Которые не умѣютъ малаго своего дому смотрѣть, тѣ цѣлымъ королевствомъ править хотятъ, для того что тайное къ самому себѣ учтивство и природная человѣческая

ловѣческая гордость понуждаетъ всякаго изъ насъ чувствовать и представлять въ себѣ большія совершенства, нежели мы подлинно имѣемъ. Всякъ хочетъ быть больше, честнѣе и славнѣе сосѣда своего. Эти мнѣнія свойственны персонамъ знатнаго рода. Они о себѣ чрезвычайно высокое мнѣніе имѣютъ, а другихъ людей по природному своему самолюбію презираючи, напрасно думаютъ, будто всѣ должны за ихъ интересы и заслуги помереть. Будучи въ щастіи, ни на кого не глядятъ, и всѣхъ презираютъ; а какъ фортуна спиною къ нимъ оборотится, то послѣ ея похоронъ тѣмъ людямъ въ землю кланяются, на кого въ благоденствіи своемъ смотрѣть не хотѣли. Они же такія подлости дѣлаютъ, которыя вмѣсто сожалѣнія смѣха и презрѣнія достойны. Хотя сія подлость велика, однако въ свѣтскомъ обхожденіи обыкновенна. Очень не рѣдко случается, что щастливые и знатные только въ тѣ поры людей берегутъ, когда они имъ надобны. Какъ скоро чинъ и щастіе человѣка отмѣнится, то сердце, житье и состояніе наше съ ними же вмѣстѣ перемѣнится. Въ то уже мы время на нищихъ передъ собою весьма иными глазами смотримъ. Доброе всякаго человѣка о самомъ себѣ мнѣніе, а о другихъ людяхъ небреженіе, спокойство свѣтскаго обхожденія больше всего нарушаетъ. По лицу можно узнать, какое человѣкъ о самомъ себѣ и о другихъ людяхъ

мнѣніе

мнѣніе имѣетъ, какое бы онъ притворное на себѣ благочестіе и наемную кротость ни показывалъ. Всѣ тому человѣку справедливо смѣяться станутъ, кто про себя скажетъ я уменъ. Всякъ изъ насъ умъ свой выше другихъ почитаетъ, а истинной Христіянинъ и честной человѣкъ сіе ложное и надъ мѣру самолюбивое мнѣніе исправляя, всѣ такія мысли рачительно отъ себя отдаляетъ, которыя честное въ свѣтѣ обхожденіе вредятъ. Онъ скоро въ себя пришедши, тщится познать множество такихъ пороковъ, которые его къ истинному совершенству не допускаютъ. Онъ же старается о возстановленіи того согласія, которыя между друзьями, между ближними, а особливо между сродниками очень часто нарушается. Ежели бы люди вѣрою и правдою жили, то бы не надобно было столь много церемоній и предосторожностей къ примиренію и возстановленію такихъ фамилій, которыя за одно упрямство, и для содержанія вѣтреныхъ правъ своихъ взаимно себя разоряютъ. Сколько бы трудовъ, печалей и напрасныхъ убытковъ можно было убѣжать, ежелибъ люди умнымъ разсужденіемъ и полюбовнымъ миромъ разорительныя свои тяжбы и долговременные ссоры прекратить похотѣли. Но безумное ожесточеніе съ упрямствомъ людей къ тому приводитъ, что они настоящаго имѣнія не жалѣютъ для мнимаго и вѣтренаго требованія, которое человѣка ложнымъ сіяніемъ прельщая, до тѣхъ

поръ

поръ глазъ своихъ отворить ему не допускаетъ, пока уже онъ чрезъ долголѣтнюю по приказамъ ходьбу всего имѣнія своего лишится.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

О СВѢТѢ И О ПОВРЕЖДЕНІИ ЕГО.

Хотя и говорятъ, будто свѣтъ сей школа на исправленіе и на приведеніе въ совершенство молодыхъ людей для отправленія съ честію тѣхъ чиновъ и должностей, которыя на нихъ со временемъ жизни ихъ положены быть могутъ, только такихъ людей очень мало, которые бы сіе мнимое правило обстоятельно разсмотрѣвши, происходящіе изъ онаго слѣдства подлинно знали. Однако истинному Христіянину того не довольно, чтобъ только честнымъ человѣкомъ по свѣтскому мнѣнію быть; да надобно то знать, какъ правила житія Христіянскаго съ правилами житія гражданскаго соединить. Сего соединенія, или союза получаемою изъ свѣтской школы помощію здѣлать не можно. Сей помощи надобно въ другой высочайшей школѣ искать для храненія себя отъ тѣхъ сѣтей, въ которыя человѣкъ на всякомъ шагу попасться можетъ, ежели не побережется. Свѣтъ сей тотъ самой камень претыканія и соблазновъ, объ которой добродѣтель разбивается; а разсѣваемыя во ономъ ученія съ лож-

ными наставленіями, какъ правиламъ вѣры Христовой, такъ и самой истиннѣ весьма противны. Для большаго въ свѣтѣ успѣху всегда надобно въ мазкѣ ходить, дабы нагой души и темноты ея людямъ не показать. Внѣшній видъ подлинному намѣренію всегда противенъ. Человѣкъ долженъ больше всего ту смѣлость выгонять, которая глубину сердца его со всею искренностію открываетъ. Намъ себя всегда за такихъ людей почитать должно, которые посереди сѣтей ходятъ, и на всякой часъ во грѣхъ впасть могутъ. У насъ въ сердцѣ и въ мозгу костей нашихъ такой квасъ поврежденія непрестанно живетъ, которой лучшія наши добродѣтели разоряетъ, а притомъ рожденная съ нами худая склонность всегда насъ къ злому влечетъ. Для того должны мы сей быстрой рѣкѣ безпрестанно противиться. Сіе обученіе трудно, и такъ долгаго времени требуетъ, что ему чрезъ всю жизнь нашу продолжаться должно, ежели человѣкъ ослабнетъ, или свѣтскимъ правиламъ слѣдовать пожелаетъ. Какъ скоро человѣкъ на сію рѣку пустится, то онъ одного берега отобьется, а къ другому очень не скоро пристанетъ. Свѣтскія забавы подобны пьянству, которое Христіянамъ не допускаетъ прилѣжнаго о спасеніи своемъ попеченія имѣть. Какъ скоро человѣкъ въ свѣтскія дѣла вмѣшается, то послѣ дѣлъ тотчасъ къ забавамъ, а отъ забавъ къ дѣламъ немедлѣнно обращается.

Симъ

Симъ способомъ дорогое и не возвратное время наше безъ всякаго разсужденія и безъ памяти о важнѣйшемъ дѣлѣ спасенія нашего со грѣхомъ теряется и напрасно проходитъ. Весьма довольно такихъ людей, которые къ исполненію закона *Божія* великую склонность имѣютъ; и дѣйствительно бы оную исполняли, ежелибъ на всякой часъ видимые въ свѣтѣ злые примѣры и душевредные соблазны отъ того ихъ не отвращали. Не прельщайтеся братіе, [пишетъ Апостолъ Святый Павелъ,] тлятъ бо бесѣды злы обычаи благія. Хотя многіе люди правду говорятъ, что свѣтъ сей очень испортился, а люди во нравахъ своихъ весьма повредились, только въ самомъ дѣлѣ никто себя отъ сего поврежденія охранять, и оному сопротивленія чинить отнюдь не старается, но до самаго конца жизни своей всѣ одною развращенною дорогою въ общую погибель идутъ. Какъ худо злые люди жили, такъ худо и умираютъ, а чужимъ нещастіемъ и бѣдами ближняго ни мало не исправляются. Избраніе тѣхъ людей, съ которыми намъ всегда жить, великое и крайней важности дѣло. Но понеже люди мало сего зная, никогда съ довольнымъ обстоятельствомъ о семъ дѣлѣ не говорятъ; чего ради и дивиться тому нѣчего, когда за подобными симъ союзами и за худо выбранными бесѣды съ такими людьми, которыхъ нравы и склонности намъ не извѣстны, почти всегда раскаяніе и великое жа-

лѣніе слѣдуетъ. Какъ съѣденой, или выпитой ядъ портитъ кровь съ жизненными у человѣка духами, захватываетъ сердце своимъ злымъ повѣтріемъ, и весь нравъ того человѣка перемѣняетъ, кто его принялъ, такъ и повреждение свѣта равное сему дѣйство имѣетъ. Въ свѣтскомъ житьѣ и обхожденіи тѣхъ случаевъ очень много, которые человѣка ко грѣху весьма скоро приводятъ. Одинъ другаго взаимно искушаетъ и соблазняетъ. Иногда худыми разговорами къ запрещеннымъ и *Богу* противнымъ дѣламъ другъ друга ободряетъ, а иногда злыми примѣрами къ тому приводятъ. Только беззаконные примѣры гораздо сильнѣе худыхъ словъ. Чемужъ и дивиться, когда такъ многіе люди толь злую, своевольную и развращенную жизнь продолжаютъ, будучи влекомы ко грѣху толь многими и прелестными случаями. Есть такія приключенія, которыя человѣка сами собою, и почти всегда ко грѣху ведутъ, а другіе припадки временемъ по силѣ случаевъ и нравовъ человѣческихъ къ паденію приводятъ. Хотя купечество само въ себѣ позволенное дѣло, однако которые люди красть и обманывать привыкши, съ природы къ тому склонны, тѣ всегдашній случай къ куплѣ и продажѣ имѣя, рѣдко отъ сего злаго обычая отстать могутъ. И естественная слабость наша власно то же дѣйство производитъ. Кто по нещастью своему природную склонность къ женскому полу въ себѣ чувствуетъ,

ствуетъ, тому сїю слабость свою всѣми силами исправляя, отъ частаго съ женщинами обхожденїя хранить себя должно. Отъ сей компанїи добра не бываетъ, и быть не можетъ. Небреженїе отцовъ о воспитанїи дѣтей своихъ начало всякимъ непорядкамъ. Въ человѣкѣ есть природное сѣмя пагубы и такой тли, которая насъ отъ самаго младенчества ко всякому злу насильно клонитъ. Ежели малые и по видимому легкїе пороки безъ наказанїя младенцу оставить, то оные смѣлость и поводъ къ большимъ преступленїямъ подадутъ. Дѣти за своимъ младенчествомъ сперва въ знатные пороки для того не впадаютъ, что причины къ тому не имѣютъ. Но худой обычай съ возрастомъ укрѣпляется, а подающїеся отъ свѣта со временемъ случаи къ злымъ дѣламъ принуждаютъ дѣтей то продолжать, что они съ робяческихъ лѣтъ начали. Славной писатель жаловался о худой политикѣ женскаго пола слѣдующими словами: Матери съ дѣтьми своими ничего важнаго и полезнаго кромѣ смѣху достойныхъ бездѣлицъ не говорятъ. Почти всегда о чувственныхъ вещахъ и дѣлахъ разговариваютъ, а симъ злымъ способомъ тѣ же сѣмена слабости въ дѣтей своихъ всѣваютъ, которымъ матери сами подвержены, а именно: малодушїе, страхъ и суевѣрство. Но понеже симъ образомъ дѣти съ младенчества къ сниканїю правды не привыкли, то уже и до конца жизни разумомъ своимъ пользоваться

ся не въ состоянiи будутъ. Сатирической стихотворецъ очень изрядно сказалъ: Домашнiе примѣры такъ сильны, что въ маломъ времени умъ и сердце у человѣка повредить могутъ, ежели природная ко грѣху склонность примѣромъ тѣхъ людей подкрѣпляется, которые насъ за собою ведутъ, а мы имъ послѣдовать должны. Въ худыхъ поступкахъ и въ нескромности дочерей матери больше всѣхъ виноваты, для того что дочери матерню примѣру скорѣе всего слѣдуютъ. Большая часть свѣтскую склонность имѣющихъ матерей съ собственными своими дѣтьми власно какъ съ чужими обходятся. Отдаютъ ихъ на воспитанiе чужимъ женщинамъ, не зная нрава, житья и поступокъ сихъ женъ. Еще той важности не разсуждаютъ, что тѣ же не знакомыя бабы дочерей ихъ прельстить и совсѣмъ испортить могутъ. Збереженiе молодой, а притомъ съ природы къ щегольству и къ пронырствамъ [интриги] склонной дѣвицы, особливаго за собою присмотру и строгаго надзиранiя требуетъ. Ежели ее на вѣру пустивши, позволить всякихъ людей видѣть, которые для дѣвичья прельщенiя всѣ возможныя ласкательства и хитрости употреблять не преминутъ, то дѣвица всеконечно себя позабудетъ, а особливо въ такихъ молодыхъ лѣтахъ, гдѣ природная слабость и склонность къ забавамъ, умягчая сердце, не даетъ силы къ довольному сопротивленiю. Въ возрастъ приходящiе люди какъ возмо-

жно

жно стараются о свобожденіи себя отъ того ига, подъ которымъ съ самаго младенчества были. Въ то время никакихъ полезныхъ совѣтовъ не принимаютъ, а надзирателей и приставниковъ своихъ за весьма скучныхъ людей почитая, желаютъ отъ нихъ вырваться, и на совершенной свободѣ по своей волѣ жить. Не всегда сіе годится, чтобъ молодыхъ обоего пола людей въ чрезмѣрной строгости содержать, для того что сія чрезвычайная жестокость всю любовь съ тѣмъ усердіемъ погашаетъ, которое дѣти къ родителямъ своимъ имѣть должны, а вмѣсто того приводитъ ихъ къ невоздержностямъ и заблужденіямъ. Слѣпая природа всегда строгости убѣгаетъ, а запрещеннаго съ нетерпѣливостью жаждетъ и алчетъ. Запрещеніе побуждаетъ желаніе, и ту заповѣдную вещь великою кажетъ, которая въ волѣ и въ рукахъ у человѣка очень бы посредственна была. Которой человѣкъ худо воспитанъ, тотъ едваль въ мужескихъ лѣтахъ исправится. Самая практика ежедневно намъ кажетъ, что къ свѣту прилипшіе люди съ великимъ трудомъ отъ него отстаютъ. Настоящимъ пользуются, а исполненіе добродѣтели до будущихъ временъ отлагаютъ. Ни о чемъ кромѣ свѣту съ его роскошьми и забавами не думаютъ. О томъ только пекутся, чтобы дни свои такъ окончать, какъ по свѣту честнымъ людямъ надлежитъ, а всю жизнь свою въ роскошахъ, въ забавахъ и въ люб-

леніи свѣта весьма худо препроводили. Того человѣка мнѣніе смѣшно, а надежда весьма худа, кто думаетъ непорочность свою сохранить, живучи по правиламъ развращеннаго свѣта, и обходясь съ не порядочными людьми. Человѣкъ въ безпутныя мнѣнія ихъ по слѣпому учтивству входитъ, а душа между тѣмъ не имѣетъ времени себя узнать, и съ силами своими собраться. Присутствіе видимыхъ въ свѣтѣ вещей возбуждаетъ волю, желаніе укрѣпляетъ, которое и безъ того великую силу имѣетъ во влеченіи человѣка къ забавамъ и роскошамъ, не давая ему новаго оружія въ руки обхожденіемъ поврежденнаго свѣта. Люди прелестей міра сего за тѣмъ больше ищутъ, что не имѣютъ такой довольной силы въ разумѣ, дабы человѣку одному собою долго стоять, и безъ чужой помочи пробавляться. Человѣка собственное его мнѣніе убиваетъ, скука мучитъ не вѣдомо для чего, и безъ всякой основательной причины къ неудовольствію ведетъ. Эта скука выгоняя человѣка изъ уединенія, принуждаетъ искать веселья въ забавахъ обхожденія свѣтскаго. Мы толь безщастны, а бѣдность наша такъ велика, что важныя и нужныя дѣла съ трудами не такъ намъ скучны, какъ тишина и спокойство, которое всего человѣка самому себѣ отдаетъ. Умъ человѣческій весьма узкіе предѣлы себѣ имѣя, не можетъ въ то время равнаго прилѣжанія наблюдать, ежели много-

дѣліемъ

дѣлїемъ раздѣленъ, или обезпокоенъ. Буде душа во многїя наружныя вещи разсыплется, то она внутреннее о себѣ попеченїе презираетъ. Одно дѣло за другимъ безпрестанно течетъ, и душу какъ сильною рѣкою такъ за собою тащитъ, что она къ безпокойному житью напослѣдокъ привыкнетъ, а въ покоѣ быть и въ тишинѣ остаться не можетъ. Удаленїе съ одиначествомъ такъ человѣку скучитъ, что онъ кромѣ внѣшнихъ забавъ, то есть, кромѣ комедїй, музыки, кромѣ разъѣздовъ въ гости, также кромѣ игры и гулянья, и кромѣ роскошей, ни въ чемъ прямаго спокойства и удовольствїя себѣ не находитъ: а эти мнимыя забавы и ложныя увеселенїя все его разсужденїе помрачаютъ. Симъ малеванымъ портретамъ подобные люди такъ въ свѣтскїя забавы влюбились, что имъ о сихъ скорогибнущихъ душевредныхъ весельяхъ и подумать нѣкогда. Любленїемъ чувственныхъ забавъ обладанной человѣкъ хотя самъ ежедневно видитъ, что друзья и лѣтами равные ему сверстники умираютъ; однако того не подумаетъ, что и его та же самая смерть ожидаетъ, а человѣкъ весьма малое время свѣтскими забавами наслаждается. Онъ суетою ослѣпши, всю свою жизнь располагаетъ по свѣтскимъ правиламъ. Всѣ его желанїя къ тому клонятся, какъ бы свѣту угодить и прїятнымъ себя здѣлать, а о другомъ ни о чемъ не мыслитъ. Эти

ложныя мнѣнія производятъ своевольство отцовъ и матерей съ тѣми худыми примѣрами, которые они дѣтямъ своимъ даютъ. Невѣдѣніе, лѣность и развращенные нравы того инспектора, [приставникъ и учитель] кому дѣти поручены, портитъ добронравіе дѣтей. Имъ только объ игрѣ, о гуляньѣ, о забавахъ и о другихъ добродѣтели противныхъ дѣлахъ говорятъ. Хотя сіе не всегда случается, чтобъ отъ добродѣтельныхъ родителей добрыя и умныя дѣти родились; однако великая тому человѣку польза, кто отъ такого честнаго рода произошелъ, въ которомъ добродѣтель наслѣдственна. Святое писаніе упоминаетъ о сынѣ Адамовомъ Сифѣ, что онъ примѣрной добродѣтели человѣкъ былъ. Отъ сего Сифа родился Енохъ, которой прежде всѣхъ имя *Божїе* явно призывать началъ. Добрые примѣры въ домѣ великое дѣйство въ молодыхъ людяхъ производятъ, и ихъ къ послѣдованїю стопамъ родительскимъ сильно побуждаютъ. А напротивъ тому какое зло отъ того происходитъ, когда молодые люди въ домѣ отцовъ и матерей своихъ кромѣ бездѣльныхъ басенъ, кромѣ лѣности, кромѣ не воздержнаго обѣихъ половъ обходительства, кромѣ забавъ, кромѣ вреднаго любленія свѣта, и кромѣ непрестаннаго старанія о угожденіи ему ничего добраго не видятъ. Никто ихъ важнымъ пунктамъ должности ихъ не поучитъ, и о добродѣтеляхъ

дѣтямъ

дѣтямъ никогда не помянетъ. Наибольшая часть сихъ людей весьма ложно думаютъ, будто *Богу* и сему свѣту равно угодить можно. Съ такимъ не праведнымъ мнѣнiемъ въ церковь *Божiю*, на молитву и въ комедiю на одномъ дни съ однимъ и равнымъ намѣренiемъ ходятъ. О прочихъ страстяхъ такоежъ не праведное мнѣнiе имѣютъ, а притомъ всѣ единомышленнымъ развращенiемъ ложно думаютъ, будто любви да забавамъ все уступать должно. Знатныя жены чрезмѣрному самолюбiю подвергшись, кромѣ уборовъ и кромѣ приведенiя своей персоны въ почтенiе ни о чемъ добромъ не думаютъ, а о домашнемъ не пекутся, и ни за чѣмъ не смотрятъ. Кому надзиранiе дому ихъ повѣрено, тѣ симъ слабымъ состоянiемъ и лѣностью господъ своихъ пользуясь, имѣнiе ихъ тащатъ, и какъ можно богатятся. Убожество и паденiе лучшихъ домовъ отъ сего непорядка и отъ слабости господина да госпожи неизбѣжно происходитъ; а эти печальные примѣры передъ нашими глазами очень не рѣдко дѣлаются. По справедливости надлежитъ удивляться разоренiю такихъ фамилiй, которыя сперва на крѣпкомъ основанiи и въ совершенномъ цвѣтѣ были. Токмо на грѣхѣ основанное щастiе весьма не постоянно, а соединенная съ нимъ свѣтская слава такъ власно, какъ молнiя блеснувши, въ одинъ часъ разсыпается. Большая часть свѣтскихъ наукъ

и

и разговоровъ, также повседневныя собранія, свиданіе въ компаніяхъ и обыкновенные въ Европѣ визиты, то есть, навѣщанія съ разъѣздами по гостямъ, первую причину ко взаимнымъ соблазнамъ подаютъ. Кто не порочную жизнь и добродѣтель свою отъ сего всеобщаго потопа спасти желаетъ, тому по истиннѣ отъ страшныхъ прелестей лукаваго свѣта заранѣе бѣжать, и въ тихое мѣсто удаляться надлежитъ, ежели сіе здѣлать можно. Какъ человѣку постоянство съ добродѣтелью своею въ такомъ житьѣ уберечь, гдѣ непрестанныя прозьбы, принужденія, угрозы, обѣщанія, пронырства и премногія сѣти почти на всякомъ шагу ко уловленію не повинныхъ и простыхъ душъ не постижимымъ коварствомъ разстилаются? Велика эта важность, дабы отъ глазъ молодыхъ людей все то скрывать, и какъ можно таить, что нѣжною и природною боязливостью наполненную душу ихъ прельстивши, соблазнить можетъ, въ которую всякія воображенія и склонности къ злому, или къ доброму безъ разбору вселяются. Какъ нѣкоторыя болѣзни отъ близости и общенія съ больными къ тѣламъ здоровыхъ людей пристаютъ, такъ пороки да грѣхи во нравы людскіе не чувствительно вселяются. Отъ сего-то молодые смотря на старыхъ, много худаго дѣлаютъ. Моровая язва съ поврежденнымъ воздухомъ изъ одного тѣла въ другое очень скоро переходитъ: а худой примѣръ все портитъ и крѣпчайшую добро-

дѣтель

дѣтель поколебать можетъ. Объявленное здѣсь довольно о семъ свидѣтельствуетъ, какъ важно избраніе того чина, житья и состоянія, въ которомъ человѣку вѣчно быть. Только многіе люди такіе чины на себя берутъ, которыхъ сами не знаютъ. Хотябъ иной могъ званъ быть во уединеніе, однако онъ всѣмъ тѣломъ въ развращенной свѣтъ бросается отъ своевольства для корысти, или ради другаго желанія. Слѣдственно и дивиться нѣчему, что въ свѣтѣ безщастныхъ званій весьма умножилось, а такъ великое число людей ежедневно о томъ жалуются, будто они въ своемъ званіи жить, а состояніемъ чина ихъ пробавиться не могши, вмѣсто чаяннаго спокойства, кромѣ жалобъ, печали, и кромѣ горестей никакого добра не видятъ. Удалившись отъ большой предписанной имъ дороги, уподобляются такимъ людямъ, которые темною ночью посреди густаго лѣса, или въ не проходимой пустынѣ на удачу бродятъ. Они бы добродѣтель свою до конца жизни сохранили, только въ другомъ чинѣ и состояніи сходномъ съ доброю и природною ихъ склонностью, которая обхожденіемъ развращеннаго свѣта такъ власно, какъ моровою язвою неизбѣжно портится. Дѣвица въ маломъ времени можетъ здѣлаться своевольною, ежели ей позволить съ не порядочными женами обходиться. Отецъ, не таящій злыхъ обычаевъ своихъ передъ дѣтьми, оставляетъ имъ слѣдъ и примѣры къ тому, какъ грѣшить,

къ

къ чему природная ихъ склонность и безъ того довольно влечетъ. Вмѣсто того, чтобъ удаляющимся отъ праваго пути добрые совѣты дать, всѣ имъ ласкаютъ и намѣренія ихъ хвалятъ. Всякъ дорогу прочищаетъ ко исполненію желаній ихъ, и не удерживая сихъ людей, по должности христіянства отъ худыхъ намѣреній прямо въ ровъ погибели съ охотою ихъ пускаетъ. Почтожъ и дивиться жестокому паденію такихъ людей, которые хитрыхъ внушеній лукавыхъ ласкателей съ добрыми и полезными совѣтами истинныхъ друзей своихъ не различаютъ, и имъ ни въ чемъ не вѣрятъ. Мы по нещастію своему съ природы къ тому склонны, чтобъ слушаться прелестныхъ уговоровъ лукавыхъ льстецовъ и предателей, которые по видимому совѣтъ даютъ, а подъ симъ краснорѣчіемъ ихъ ядъ злобы власно какъ подъ цвѣтами змѣя кроется. Отъ сего коварства тѣмъ труднѣе человѣку убречься, что вѣроломство и безбожность ихъ преизрядною шелковою фатою, то есть, пріятностью наружнаго вида и машкарою притворнаго дружества почти вся закрыта. Иные люди къ полученію замысловъ своихъ разные виды на себя берутъ, и къ достиженію оныхъ не извѣстными дорогами ходятъ, а объ удаленіи отъ правилъ чести и правды толь меньше печалятся, что свѣтскіе люди для корыстей все дѣлаютъ, и на все отважиться готовы. Притомъ такой видъ кажутъ, будто бы въ

упадокъ

упадокъ и въ нещастіе пришедшихъ не знаютъ, и отъ нихъ власно какъ отъ повѣтреныхъ людей бѣгаютъ; а они симъ отъ не постояннаго щастья озлобленнымъ и безщастнымъ персонамъ по должности христіянства и человѣколюбія добрымъ совѣтомъ и услугами помогать должны были. Но какъ скоро эти безщастные въ прежнее свое благополучіе придутъ, то тѣжъ около ихъ убиваются, и ласкательно милости ищутъ, которые въ нещастіи ихъ презирали. Все сіе дѣлаютъ для того, что они больше щастью, нежели человѣку служатъ. Хотя притворной видъ и кажутъ, что сія въ прежнее доброе свое состояніе пришедшая персона по достоинству и по заслугамъ своимъ награждена; однако въ сердцѣ своемъ зубами на него скрежещутъ. Знатной родъ, персональныя добродѣтели, милость и щастіе у всѣхъ такихъ людей въ ненависть человѣка приводятъ, которые ему равны, и того же требуютъ, что онъ имѣетъ. Свѣтъ сей не добродѣтель почитаетъ, и не держащимся ее угождаетъ, но щастію и богатству больше всего служитъ. Отъ сихъ-то обѣихъ прелестнѣйшихъ кумировъ дѣйствительной себѣ помощи ожидаетъ на подобіе впадшихъ въ идолопоклонство Израильтянъ, которые ничему кромѣ золотаго тельца не кланялись. Кто намѣрился великаго себѣ щастья и богатства искать, тотъ уже и самъ за правду и за искренность свою ручаться не можетъ тѣмъ меньше,

ше, что добродѣтель въ трудныхъ временахъ, въ опасныхъ обстоятельствахъ и въ нѣжныхъ случаяхъ всегдашнему страху подвержена. Между тѣмъ многіе люди напрасно о томъ жалуются, будто имъ всѣхъ въ законѣ предписанныхъ заповѣдей сохранить и исполнить не возможно, и будто благодать *Божія* имъ не помогаетъ. Только сами они въ томъ виноваты, что сей небесной помощи не просятъ и не ищутъ, но къ земному и тлѣнному безъ мѣры прилѣпились. Шумъ свѣтскаго безпокойства и мятежъ собственныхъ страстей мѣшаетъ имъ слушать сего тайнаго голоса внутренняго званія благодати *Божіей*. Въ ихъ это волѣ, и отъ нихъ зависитъ, чтобы такихъ дѣлъ и случаевъ убѣгать, которыя имъ въ дѣйствѣ помянутой небесной благодати препятствуютъ. Отъ всѣхъ тѣхъ людей бѣгай, при которыхъ ты безъ страха явной погибели быть не можешь. Никогда въ такую компанію не ходи, гдѣ всегдашніе зборы злословія, переговоровъ, смѣху, ругательства ближнему и Христіянской душѣ вредныя празднословія бываютъ. Отъ всѣхъ такихъ жилищъ удаляйся, которыя худыхъ дѣлъ и примѣровъ заразительнымъ и душепагубнымъ воздухомъ воняютъ. Многіе люди напрасно говорятъ, и безъ основанія о томъ жалуются, будто имъ въ свѣтѣ спастись не можно. Заповѣдей *Божіихъ* очень не много; а изъ нихъ уже только двѣ или три, которыя

рыя дѣйствомъ исполнять хотя намъ и трудно кажется, только небесная помощъ, да благодать *Божїя* и сїю трудность облегчаетъ. Но сїе насъ временно и вѣчно больше всего погубляетъ, что мы во угодность свѣту, также для удовольствїя страстей и прихотей нашихъ гораздо труднѣйшїя тѣхъ дѣлъ дѣлаемъ, за исполненїе которыхъ *Богъ* намъ небесное своё царство обѣщалъ. Любители свѣта напрасно думаютъ, будто сїе лучше всего, чтобъ время свое къ компанїяхъ и въ забавахъ препровождать. Ежелибъ они въ христїянствѣ и въ добросердечїи крѣпки были, тобъ совѣстно признавшись сказали, что чувственныя забавы великую пустоту въ человѣческомъ сердцѣ оставляютъ, а къ наполненїю сей пустоты великое старанїе съ добродѣтелью не обходимо надобно. Рѣдко кто сїе безъ долговременнаго искусства и безъ претерпѣнной отъ людей неправды съ обидами знаетъ, каковъ прелестенъ и обманчивъ свѣтъ сей. Хотя многїе сей обманъ собственнымъ убыткомъ и узнали, однакожъ во оной добровольно вдаются. Когда человѣку въ помощи друзей его наибольшая нужда, въ то время они его больше другихъ поръ оставляютъ. Какъ ихъ ни проси, и сколько имъ ни кланяйся, только они прозьбы не слушаютъ, а на слезы не смотрятъ. Развѣ уже лучшїе изъ нихъ за отмѣнную себѣ добродѣтель сїе вмѣнятъ, чтобы твоего нещастїя

ни чѣмъ не умножить, и тебя больше не опечалить. Сїе разсужденїе можетъ въ безщастномъ человѣкѣ много убавить горящаго желанїя ко угожденїю свѣту и къ любленїю онаго, которое усердїе кромѣ бѣдъ и напастей одною смертью угасаетъ. Скоро прилипчивыя свѣтскїя мнѣнїя развращаютъ то истинное и прямое разсужденїе, которое Христїянамъ о добродѣтели и о грѣхахъ имѣть должно. Съ симъ развращеннымъ мнѣнїемъ къ свѣту привыкшїе обоего пола люди, нарушенїе супружескому ложу должной и присяжной вѣрности въ велико не ставятъ. Знаютъ ли (полно) они, что съ симъ непорядкомъ истинное безчестїе соединено, и вѣчное безславїе съ погибелью за онымъ слѣдуетъ? Иные люди симъ беззаконїемъ власно какъ щастїемъ, или какимъ славнымъ дѣломъ безъ стыда и безъ сраму хвалятся, а помянутое нарушенїе *Богомъ* соединенной супружеской любви и вѣрности за проклятую галантерею, или за дьявольское щегольство ставятъ. Жены другихъ мужей и холостыхъ людей къ себѣ любовь за должное красотѣ и уму ихъ воздаянїе не праведно прїемлютъ. Изъ сего самимъ *Богомъ* запрещеннаго беззаконїя домашнїе непорядки и ссоры, гнѣвъ и печаль, мужей разводы, совершенное разоренїе чести и щастїя съ нарушенїемъ доброй совѣсти неизбѣжно послѣдовать должны. Все сїе не можетъ остановить теченїя такого зла, которое цѣлую вселенную потопило.

топило. А и о добродѣтели не лучше и не яснѣе сего мнѣнїе имѣютъ. Свѣтскїе люди милостину за такое потерянное имѣнїе почитаютъ, которое имъ (по ихъ ложному мнѣнїю) будто бы ни во что не вмѣнится; а того не знаютъ, и не подумаютъ, что чрезъ сїе малое и скоро минующее имѣнїе не гибнущее сокровище въ вѣчной жизни заранѣе собирается. Симъ то единымъ способомъ богатые люди царство небесное во временной жизни заранѣе себѣ уготовать и купить могутъ. Роскошь со изобилїемъ благїе нравы и всю добродѣтель сильно портитъ. Во всѣхъ временахъ отъ начала свѣта по нынѣ женскїя персоны уборъ и наряды безмѣрно любятъ. Еврейскїя, Греческїя и Римскїя исторїи согласно объявляютъ, что жены богатые штофы и парчи, а притомъ не только на шеѣ и на рукахъ, да на ногахъ алмазы, жемчугъ и драгоцѣнное каменье носили. Святый Iеронимъ знатной на своемъ вѣку дамѣ о чрезмѣрныхъ и особливое любопытство причиняющихъ уборахъ ея такой выговоръ учинилъ: Всѣ сїи (честнѣйшая госпожа) соблазнительные уборы ваши поврежденное сердце и не весьма чистую душу значатъ. Римскїя дамы почитая себя умнѣе другихъ женъ въ свѣтѣ, лицо и ноги свои съ великимъ раченїемъ крыли. Ежелибъ блаженный Iеронимъ нынѣ во Францїю прїѣхалъ, тобъ уже конечно къ большимъ выговорамъ причину получилъ о тѣхъ бѣлилахъ и

румянахъ, которыя Парижскія дамы цѣлыми пластинами въ свое лицо себѣ налѣпливаютъ. Не упоминая о молодыхъ, ктобъ не сталъ смѣяться надъ такими старухами, которыя по полуфунту бѣлилъ и по нѣскольку унцовъ румянъ на морщины свои накладываютъ. Сїе подобно тому, какъ бы кто мертвую голову для того на бѣлилъ и нарумянилъ, чтобъ она людямъ прїятнѣйшею казалась. Предавшїе себя страстямъ, также въ покоѣ и въ довольствѣ живущїя персоны, о добродѣтельныхъ людяхъ ложно сожалѣютъ, будто они для храненїя своей должности всѣхъ тѣхъ забавъ лишаются, которыхъ поврежденная натура съ роскошью желаетъ, и сихъ добродѣтельныхъ за такихъ немощныхъ людей почитаютъ, которые безполезною и вѣтреною надеждою питаются. Лучшихъ нравовъ люди свѣтскою заразою легко повреждаются, а сей тлетворной вѣтръ очень ихъ скоро портитъ. Природная ихъ легкость съ учтивствомъ и добротою сердца главная тому причина, что они не имѣютъ силы къ сопротивленїю тѣмъ друзьямъ своимъ, которые ихъ къ забавамъ убѣждаютъ, а во вредныя роскоши силою влекутъ. Дѣла свѣтскихъ людей подобны дѣтскимъ игрушкамъ. Какъ дѣти большую половину дня провождаютъ въ строенїи башенъ, да хоромъ въ два и въ три жилья изъ картъ; а буде на нихъ дунуть, то все эти мнимыя ихъ палаты разлетятся,

такъ

такъ власно долголѣтные труды и дѣла прилипшихъ къ свѣту и себя непрестанно безпокоящихъ людей отъ одного щелчка нещастія, или дуновеніемъ смерти въ прахъ разсыпаться могутъ. Вся наша жизнь въ безпрестанныхъ порокахъ проходитъ; а для того забавы и потѣхи дѣтскія въ возрастъ приходящаго человѣка ни мало не веселятъ. Достигшіе мужескихъ лѣтъ ищутъ новыхъ дѣлъ и перемѣнныхъ забавъ. Стараніе о своемъ благополучіи и утвержденіи подаетъ намъ твердыя и мужескія мысли; а какъ человѣкъ намѣреніе свое исполнитъ, или желаемое получитъ, то отворенными глазами увидитъ, что онъ о такихъ дѣлахъ напраснымъ стараніемъ себя мучилъ, которыя толь великаго труда и безпокойства отнюдь не стоятъ. Которые люди въ томъ самою практикою или дѣломъ не щастливо искусились, тѣ могутъ, (ежели похотятъ) самую правду сказать, сколько, и съ какимъ трудомъ они себѣ удовольствія въ свѣтѣ ни искали, только его найти не могли; и должны съ Соломономъ признаться, что все на свѣтѣ суета и произволеніе духа. Эти люди въ совѣсти своей найдутъ, что они съ того времени совершенное удовольство вкушать начали, какъ суетныхъ забавъ и ложныхъ сладостей сего свѣта отрекшись, порядочно и воздержно жить стали. Которые столько отваги не имѣютъ, чтобъ свѣтскихъ суетъ добрымъ сердцемъ и великоду-

 шнымъ

шнымъ намѣренїемъ отрещись: но въ сей безщастной неизвѣстности между добродѣтелью и пороками плаваютъ, тѣ весь свой вѣкъ проживаютъ въ ожиданїи забавъ, или въ снисканїи пагубныхъ роскошей, да подозрительнаго веселїя. Только на концѣ жизни своей увидятъ, что въ свѣтѣ ниодной забавы постоянной, а веселїя совершеннаго нѣтъ. Свѣтская радость ядомъ наполнена, и всегда съ горестью смѣшана. Полагаемые труды съ безпокойствомъ тѣхъ забавъ и веселїй не стоятъ, которыхъ человѣкъ столь ревностно ищетъ. Ежелижъ у тѣхъ съ забавами грѣшныя и запрещеныя, то слѣдующее за ними раскаянїе съ узрызенїемъ совѣсти, нарушая спокойство душевное, не даетъ чистаго наслажденїя, а душу и сердце печалью наполняетъ. Дымомъ питающїеся честолюбцы, ищущїе милости, и желающїе щастїе свое отъ часу болѣе распространить, равную съ роскошными долю имѣя, злополучною практикою напослѣдокъ узнаваютъ, что они напрасно бѣгали, и всуе трудились. Вся свѣтская слава одна только слабость и безсилїе. Приставаючи къ великимъ, ищутъ милости, заступленїя и хозяйства ихъ; а для сего добродѣтель и свободу свою на жертву имъ отдаютъ. Только эти предстатели скоро человѣка оставляютъ, или не такъ великое усердїе ко вспоможенїю тебѣ имѣютъ, какого ты отъ нихъ надѣялся. Тогда-то человѣкъ суету своихъ трудовъ узнаетъ, и выборъ ху-

дой

дой части ясно увидитъ. Тѣ люди безщастнѣе всѣхъ, которые никогда въ разумъ не приходятъ, да съ не отмѣннымъ мнѣніемъ о прелестномъ щастьѣ и во гробъ вселяются, которое во всю жизнь ихъ обманывало. Есть такіе отцы, что и на смертной постелѣ о утвержденіи временнаго благополучія дѣтей своихъ попеченіе имѣя, даютъ сыновьямъ наставленіе, какъ имъ дѣла свои съ успѣхомъ производить. Послѣднее воздыханіе свѣтскаго человѣка при исходѣ души отъ тѣла его происходитъ отъ сожалѣнія о томъ, что ему не доспало времени всѣхъ своихъ обширныхъ и важныхъ замысловъ дѣломъ исполнить, а щастія своего по желаніямъ умножить. На дѣтей своихъ столь большею жалостью смотритъ, что ихъ не въ великомъ щастьѣ послѣ себя оставляетъ. Онъ же даетъ имъ совѣтъ къ набогащенію. Кто изъ свѣтскихъ людей во всю жизнь свою о доброй совѣсти не думалъ, тотъ при смерти въ духовной своей добрыя дѣла исполнитъ, то есть, милостины раздавать, въ тюрьмы и въ богадѣльны подаяніе розсылать, а убогимъ церквамъ и монастырямъ деньги удѣлять безъ сомнѣнія прикажетъ. Только не поздо ли будетъ при самомъ часѣ смерти о дѣлахъ милостинныхъ думать? Какое уже тогда время возвращать злѣ собранное имѣніе, когда его удержать не можно? Развѣ въ тѣ поры настоящее время раздавать нищимъ часть неправдою собраннаго и насильствомъ завладѣннаго имѣнія, когда

смерть не только оное имѣнїе изъ рукъ, но и душу изъ тѣла у человѣка страшною силою вырываетъ? Ко очищенїю разума отъ ложныхъ мнѣнїй развращеннаго свѣта, и къ сохраненїю непорочности души своей посреди поврежденныхъ и развращенныхъ людей то лучшїй способъ, чтобы твердо и часто о томъ разсуждать, куда дѣвалось толь безчисленное можество прежде насъ жившихъ людей? Что имъ прибыли въ томъ великомъ богатствѣ, которое они живучи на свѣтѣ въ домахъ своихъ видѣли? Какая польза отъ забавъ и тѣхъ роскошей, въ которыхъ они большую часть жизни своей весьма напрасно потратили? Гдѣ нынѣ тѣ великїе и знатные люди, которые высокимъ умомъ, велерѣчїемъ и отмѣнными талантами своими прославились? Куда дѣвались тѣ великїе воины, которые всю землю только для того устрашивши разорили, чтобъ безсмертную по себѣ память и славу оставить? Гдѣ теперь тѣхъ женъ искать, которыя красотою своею гордились, а притомъ столько соблазну, нещастїя и бѣдъ на свѣтѣ здѣлали? Всѣ они въ прахъ и въ тлѣнїе обратились, а пепелъ ихъ въ землѣ съ костьми и съ пылью скверныхъ и бѣднѣйшихъ тварей смѣшался. Для полученїя пользы отъ сихъ примѣровъ, и ради собственнаго исправленїя нещастьемъ другихъ, ничего человѣку больше не надобно, какъ добрая и твердая воля съ послѣдованїемъ; ежели человѣкъ твердое намѣренїе

мѣреніе принялъ, всѣ свои пороки и худые обычаи оставя, жизнь свою перемѣнить, и какъ можно исправить. Эта удивительная перемѣна Вышняго не отъ насъ, но отъ единой десницы Его зависитъ. Всякому человѣку сіе не обходимо, чтобъ благодать *Божїя* исправила пути и перемѣнила сердце его. Для того сей благодати безпрестанно у *Бога* просить должно, дабы Всевышній и Всемогущій Творецъ намъ помогъ сіе исправленіе не только начать, но и благополучно продолжать. Сіе учиненное мною малое разсужденіе о разумѣ человѣческомъ, также о лживости и о суетѣ свѣта сего можетъ утѣшить истиннаго Христіянина и честнаго человѣка, а притомъ утвердить въ намѣреніи его къ послѣдованію другою и весьма различною дорогою отъ того пути, по которому свѣтъ сей прельщенныхъ отъ него людей ходить научаетъ. Сей истинной Христіянинъ узнаетъ, что добродѣтель на свѣтѣ во всегдашнемъ страхѣ, а добрые и совѣстные люди посреди премногихъ сѣтей и между великихъ опасностей ходятъ. Забавы, радости и прелести свѣтскія весьма обманчивы, и подобны такому пьянству, которое не даетъ ядовитую пагубу и въ сихъ прелестяхъ скрытную злость узнавать. Это же разсужденіе покажетъ, какимъ трудомъ надобно избирать тѣхъ персонъ, съ которыми откровенное сообщеніе и обходительство, а особливо повѣренность въ

дѣлахъ имѣть для убѣжанія такихъ людей, которые пороками и злыми правилы своими лучшую добродѣтель повредить могутъ. Кто цѣлую фамилію имѣетъ, тотъ въ самомъ дѣлѣ узнаетъ, съ какою осторожностью онъ на поступки жены, дѣтей и служителей своихъ смотрѣть долженъ: а притомъ по близкому съ ними обязательству своему всегда добрые примѣры имъ давать, и тѣмъ всѣхъ ихъ къ добродѣтельному житью разумно ободрять долженъ. Онъ же увидитъ, съ какимъ ему страхомъ, трепетомъ и трудомъ добродѣтель и непорочность свою посреди злаго, развращеннаго и поврежденнаго свѣта сохранять для тѣхъ злыхъ нравоученій и совѣтовъ, которые злоба добродѣтели коварно даетъ. Напослѣдокъ примѣромъ и щастіемъ многихъ людей узнаетъ, что ложною надеждою единожды обманувшіеся любители свѣта, очень поздо въ память и въ разумъ истинны приходятъ. По сему истинной Христіянинъ и честной человѣкъ умудрившись зрѣлыми и частыми разсужденіями, о суетѣ и непостоянствѣ вещей свѣтскихъ никого въ предводители своей совѣсти не возметъ, кромѣ просвѣщеннаго разума, а потомъ всѣ затвердѣлыя и застарѣлыя свои мнѣнія о ложномъ щастьѣ и о суетныхъ забавахъ прелестнаго свѣта сего совсѣмъ отвергнетъ.

ГЛАВА

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

О ЗАСТАРѢЛЫХЪ И ЗАТВЕРДѢЛЫХЪ МНѢНІЯХЪ.

Умъ человѣческій наполненъ суетными мыслями, ложными воображеніи и затвердѣлыми мнѣніями, которыя человѣкъ вмѣсто правилъ поступкамъ своимъ хотя и принялъ, только отъ нихъ ежечасно преступается. Сіе, то есть, начало всѣмъ погрѣшностямъ, въ которыя человѣкъ впадаетъ, когда ему о чемъ нибудь разсуждать, или о какомъ дѣлѣ твердое намѣреніе принимать. Напримѣръ: ежели человѣкъ хочетъ себѣ промыслить чинъ, выпросить мѣсто, зачать съ людьми тяжбу, здѣлать какое дѣло, или отваживаться на не извѣстное предпріятіе: то онъ довольно и обстоятельно не разсуждаетъ, сходныль и въ мѣру ли съ намѣреніемъ его тѣ способы, которые человѣкъ къ полученію желанія своего употребить хочетъ. Въ чинѣ и въ достоинствѣ своемъ ничего не смотритъ, кромѣ одной славы и чести; а о томъ не спрашиваетъ, какъ велико жалованье, и будетъ ли ему чѣмъ жить? Самолюбіе умъ его побѣждаетъ, а затвердѣлое мнѣніе здравой разумъ и правду съ мѣста гонитъ. Чемужъ и дивиться, что человѣкъ за сими не вѣрными предводительми и за ложными проводниками идучи, отъ праваго

пути

пути столь часто удаляется? Ежелибъ мы просвѣщающему насъ разуму безъ пристрастія послѣдовали, тобъ намъ правду съ ложью узнавать весьма не трудно было, а человѣкъ бы во всегдашнемъ заблужденіи никогда не оставался. Отнюдь бы мы ближнему своему такъ чувствительныхъ и на небо объ отмщеніи вопіющихъ обидъ во всю жизнь свою не дѣлали, которыя заповѣдямъ Христовымъ и доброй совѣсти честнаго человѣка весьма противны. Съ самаго Адамля грѣхопаденія мысли наши весьма стали смѣшны, а законъ естественной въ сердцахъ нашихъ такъ угасъ, что людямъ законъ письменной не обходимо нуженъ сталъ на чувствительное показаніе того, что дѣлать, и чего убѣгать. Притомъ же на преодолѣніе ложныхъ и застарѣлыхъ мнѣній человѣку ни о чемъ прямо разсуждать не льзя, не имѣя чистаго ума, и такъ праведнаго мнѣнія, которое идетъ до конца, не удаляясь отъ пути праваго, а ложнаго мнѣнія и упрямства всегда бережется. Разсмотрители правды познаютъ всякую истинну тремя способами. Первое видомъ самаго дѣла, то есть, чтобы человѣку своими глазами то видѣть доброе, или худое дѣло, кто дѣлаетъ. Второе, по добровольному объявленію, или по словесному исповѣданію того человѣка, кто сіе дѣло учинилъ. Только при семъ случаѣ надобна осторожность къ познанію того, не имѣетъ ли объявляющій человѣкъ тайной причины

къ

къ открытїю сказаннаго имъ противъ себя и противу собственныхъ интересовъ? Третїе, ежели судебной приговоръ объявитъ виновнымъ духовнаго, или свѣтскаго чина человѣка, то можно на такой подлинной опытъ положиться, не опасаясь обвиненія въ дерзости, хотя свидѣтельства и суды человѣческїе и не всегда правы бываютъ. Это уже подлинная дерзость, кто противится правильному и уполномоченному мнѣнїю съ общаго согласїя многихъ разумныхъ людей; а противящїйся сему только думаетъ, будто онъ умнѣе другихъ, но сїе мнѣнїе очень не праведно. Сїе расположенїе нрава естественнымъ образомъ ведетъ человѣка въ заблужденїе. Кто дѣла такихъ людей обстоятельно разсмотритъ, тотъ великїе непорядки и погрѣшности въ поступкахъ ихъ найдетъ. Хотя человѣку и противно обмануту быть отъ послѣдованїя одному своему разуму съ ложными и прелестными мнѣнїями, однакожъ сїе и того безщастнѣе, ежели кто такимъ образомъ въ вещахъ касающихся до вѣры и до совѣсти погрѣшитъ. Кто въ дѣлахъ свѣтскихъ обманится, это еще на великое дѣло; а то уже несравненно большая важность, и не возвратимая погибель, кто въ вѣрѣ погрѣшитъ, и отъ сего праваго пути къ погибели своей удалится. Ежелибъ мы правды Евангельской безъ пристрастїя слушались, тобъ оную весьма чисту и справедливу нашедши, безъ труда ей повиновались, только

ко

ко люди сїю *Божїю* истинну за то отвергаютъ, что она страсти ихъ объявляетъ и гонитъ. Всѣ противники вѣрѣ Христовой такїя ложныя правила свѣтскаго ученїя разсѣваютъ, которыя народъ для того съ охотою принимаетъ, что эти вредныя правила самолюбїю прїятны. Тѣжъ всякую тягость облегчающїя, а притомъ ласковые предводители, ищутъ такихъ способовъ, какъ бы всякую тягость просящихъ у нихъ совѣта усладить, а ихъ въ безстрастїи совѣсти содержать. Симъ учителямъ по самой истиннѣ надлежало беззаконїе и грѣхъ въ крайнее омерзѣнїе и въ праведную ненависть у людей приводить. По сему всѣ эти мнимые лекари совѣсти, и слѣпые вожди подобнымъ себѣ слѣпцамъ, съ которыми они вмѣстѣ и въ одну яму впадаютъ. Кто въ нравоученїи сомнѣваючись, желаетъ у славныхъ о томъ учителей изъясненїя, то надобно, чтобъ сей изъяснитель закона и писанїя былъ человѣкъ честной, набожной, основательно ученой и разумной, а не товарищъ новомоднаго ученїя, и отнюдь не худаго житїя человѣкъ. Только нынѣ все тому противно дѣлается. Люди кого ни увидятъ, или къ кому ни придутъ, у того спрашиваются. Ежели онъ не правыя и застарѣлыя ихъ мнѣнїя ложными и похлебственными совѣтами лаская подкрѣпляетъ, то всѣ словамъ его ложно вѣрятъ, не разсматривая душевредной лести и скрытаго въ льстецовыхъ словахъ яду; но весьма напрасно

напрасно думаютъ, будто по его словамъ совѣсть ихъ чиста и спокойна. Въ пользованіи душъ ту же предосторожность имѣть и всегда употреблять надобно, что въ леченіи тѣлъ человѣческихъ. Въ такомъ случаѣ должно избирать лучшаго Доктора, и его приказу совершенно повиноваться, а отъ не знающаго коновала всѣми силами себя хранить, для того что онъ вмѣсто излеченія можетъ человѣка уморить. Люди во всякомъ житьѣ и состояніи совѣсть по собственному нраву и по желанію своему учредить хотятъ, для того чтобы имъ съ большею вольностью и съ лучшимъ спокойствомъ жить. Изыскиваютъ всякіе способы къ извиненію и къ прикрытію злыхъ дѣлъ своихъ, а на конецъ обманываютъ себя такимъ ложнымъ мнѣніемъ, будто эти дѣла ихъ правы. Сею-то хитростью поврежденную совѣсть имѣющіе люди, живутъ безъ раскаянія и безъ внутренняго угрызенія, а о томъ и не мыслятъ, какъ бы изъ сего плачевнаго состоянія выттти, и какими бы способы изъ такихъ крѣпкихъ желѣзъ свободиться? Отъ сего-то статскими дѣлами отягощенные, и въ разныя партіи ходящіе люди, захватившiи великое имѣніе, при смерти своей не только въ раскаяніе совѣсти, или въ жалѣніе сердца не приходятъ, но еще ложно думаютъ, будто душа ихъ во всемъ чиста и не порочна. Размышляющіе о избраніи себѣ чина и житья, на одномъ только свѣтскомъ и времен-

временномъ намѣреніи утверждаются, а правому и просвѣщенному разуму не слѣдуя, и на добрую совѣсть не смотря, одному только ложному и застарѣлому мнѣнію, да другому самолюбію своему слѣпо и не праведно повинуются. Ежедневное искусство очевидно намъ кажетъ, что наибольшая часть свѣтскихъ чиновъ на однихъ только суетныхъ причинахъ и на человѣческихъ разсужденіяхъ основаны. Для сей причины и дивиться нѣчему, что многіе люди чиномъ, житьемъ и званіемъ своимъ не довольствуючись, напрасно о томъ жалуются, будто имъ въ такомъ житьѣ спастись не возможно. Изъ застарѣлыхъ и не правыхъ мнѣній тѣ опаснѣе всѣхъ, которые противятся вѣрѣ, и препятствуютъ въ повиновеніи святымъ правиламъ ея. Хотя разсужденія человѣческія вѣрою исправлять надлежитъ, а разумъ вѣрѣ повиноваться долженъ; однако одному нашему уму безъ просвѣщенія чрезъестественнаго, насъ Христіянъ о всѣхъ таинствахъ безъ самовольнаго и вдаль не разсуждающаго повиновенія святѣй вѣрѣ совершенно удовольствовать не возможно. Соединенныя съ нею причины къ вѣроятію, должны разумъ нашъ успокоивать, по слову умнаго человѣка: *Какъ не вѣрить такимъ дѣламъ, которыхъ свидѣтели на смерть и на муки съ охотою шли.* Какъ не трудно и не скучно слушать безразсудную дерзость такихъ людей, которые отваживаются разглагольствовать

ствовать о вѣрѣ, а сами не только высокихъ богословскихъ ученій, но и толку на десять заповѣдей не знаютъ: однакожъ сего не помня, и не разсуждая, съ лучшими учительми и со знатнѣйшими духовными особами въ споръ и въ разсужденіе вступаютъ. Умные люди о ихъ невѣдѣніи сожалѣютъ. Одни рѣчи заблужденіе съ неразуміемъ ихъ довольно показываютъ. Люди подозрительные, въ не воздержномъ и въ распустномъ житьѣ валяющіеся, и ниодной науки не знающіе, дерзаютъ говорить высокимъ голосомъ о важнѣйшихъ пунктахъ вѣры. Заблужденіе и упрямство своевольниковъ на томъ основано, что они о догматахъ правды, а не о вѣрѣ сомнѣваются. Къ сему надобно послушаніе. Напрасно увѣряться разумомъ о безсмертіи души, и о другихъ подобныхъ симъ правдахъ. Нѣтъ о семъ лучшей и надежнѣйшей поруки, кромѣ слова *Божія*. Что до вѣры ни касается, то разуму человѣческому покорено быть не можетъ, для того что все сіе естественной умъ нашъ превышаетъ. Какъ уму человѣческому сіе понять, и несомнѣнно вѣрить, что послѣ сего временнаго житія на земли будетъ не кончаемая и вѣчная жизнь на небеси? Умъ человѣческій подлинной сему пробы и безсомнительнаго доказательства подать не можетъ. Кто же насъ кромѣ истинной вѣры въ томъ обнадежить можетъ, что безсмертная душа по исходѣ своемъ отъ тѣла человѣческаго, съ тлѣннымъ его трупомъ не смѣшается и

не згнїетъ? Единою вѣрою мы вещи будущаго вѣка подлинно постигаемъ, онымъ такъ власно увѣряемся, какъ тому, что сами видимъ, и такъ подлинно сихъ вещей надѣемся, какъ бы уже ими дѣйствительно владѣли. Какаяжъ намъ въ томъ прибыль, что мы вѣримъ по Христїянски, а живемъ какъ идолопоклонники? Какое намъ за то отъ *Бога* воздаянїе будетъ, что мы въ Него вѣровали, и святое Христово имя на себѣ носили, а житьемъ и дѣлами поганѣе Язычниковъ были? Которые сей правдѣ не покоряются, но единому затвердѣлому мнѣнїю своему слѣдуютъ, тѣ по одному только самолюбїю, или уже для какого нибудь интереса все дѣлаютъ. Одно токмо люблен1е забавъ и веселїй въ вѣрованїи имъ мѣшаетъ. Какъ люди начнутъ эту цѣпь разрывать, и затвердѣлыя мнѣнїя оставлять, то уже безъ всякаго сопротивленїя святой вѣрѣ и божественному ея ученїю повиноваться будутъ. Худая жизнь ихъ всему невѣрїю начало. По истиннѣ! Ниодинъ добродѣтельной, честной, безкорыстной и постоянной, а отъ запрещенныхъ забавъ воздержной, и никакой жестокой страсти не имѣющїй въ себѣ человѣкъ, о святой вѣрѣ и о душеполезномъ ея ученїи отнюдь не сомнѣвается, и во вѣки сомнѣваться не будетъ. Всякой о неспоримомъ безсмертїи души своей увѣренной, также о истинномъ и подлинномъ воскресенїи мертвыхъ, а притомъ о не кончаемомъ блаженствѣ, или о вѣчной мукѣ твердо

твердо увѣренной Христїянинъ не попротивится въ томъ, чтобъ ему нравъ свой исправя, честно и порядочно жить. Онъ долженъ слѣдовать безсмертной добродѣтели, а на тѣхъ худыхъ людей ни мало не смотрѣть, которые по однимъ ложно затвердѣлымъ мнѣнїямъ развращенно живучи, а воскресенїю мертвыхъ не вѣря, только о томъ думаютъ, какъ имъ пить, ѣсть и веселиться. Эти бѣдные люди такимъ пагубнымъ мнѣнїемъ колеблются, будто душа по выходѣ изъ тѣла ихъ совсѣмъ разсыплется. Какой плодъ и успѣхъ можетъ учинить напоминанїе небесныхъ благъ и вѣчной жизни въ сердцахъ отягощенныхъ желанїями на земли видимыхъ благихъ; и наслажденїемъ чувственныхъ забавъ съ губительными роскошами? Которые люди правдѣ вѣры Христовой для того не вѣрятъ, что оныя понять не могутъ, тѣмъ надлежало лучше о томъ разсуждать, что мы не въ состоянїи понять тѣхъ малѣйшихъ вещей, которыя непрестанно передъ нашими глазами обращаясь, умъ съ чувствами человѣка непостижимо удивляютъ. Когда уже подлинно такъ, то не безумно ли тлѣнному человѣку того желать, чтобы темнымъ своимъ умомъ глубочайшїя таинства вѣры постигнуть? Ежели умному человѣку всякїя затвердѣлыя мнѣнїя отложа, обо всѣхъ до него касающихся обстоятельствахъ прилѣжно подумать, то уже конечно о сихъ правдахъ сомнѣваться не

 будетъ.

будетъ. Какъ бы мы умомъ своимъ ни трудились себѣ льстить, и самихъ насъ обманывать, только никогда подлинно въ томъ увѣриться и безопасны быть не возможемъ, будто грѣшнику въ будущемъ за учиненныя на семъ свѣтѣ беззаконія никакой муки не будетъ. Но они сіе какъ можно забывая, не раскаиваются, также ни покаянія и ни малѣйшаго удовлетворенія за грѣхи свои не дѣлаютъ, но по прежнему живутъ въ страхѣ, и въ такихъ узрызеніяхъ совѣсти, которыя ни малаго плода и никакого исправленія въ нихъ не причиняютъ. Такіе люди отъ ига вѣры совершенно свободиться не могли, и никогда не возмогутъ. Токмо вѣра до времени не съ такою великою силою дѣйствуетъ, чтобъ отъ узъ вреднаго ихъ обычая и затвердѣлыхъ мнѣній вдругъ освободить. Не много такихъ ростовщиковъ и процентщиковъ сыщется, которые бы въ вѣрѣ и въ нравоученіи такъ далеки были, чтобъ это знали, какъ взятье свершковъ, то есть лихвы, гражданскими и *Божіими* законами запрещено. Всякой противъ естественнаго закона вводимой обычай есть видимое и такое поврежденіе, которое ни кому защищенія и воли дать не можетъ; а слѣдственно лихоимственное взятіе свершковъ съ ближняго въ крайней нуждѣ его введенное отъ скупости и отъ ненасытной алчбы къ сребролюбію, отъ имени и отъ существа грѣха выключено и оправдано быть не можетъ. По сему я подлин-

но

но вѣрю, что каждой Христїянинъ и честной человѣкъ сїе мое мнѣнїе безъ всякаго мятежа въ совѣсти и безъ сопротивленїя съ охотою подпишетъ. Ежели кто здраваго разсужденїя и добрыхъ представленїй не слушая, своему только задеревенѣлому мнѣнїю и упрямству слѣдовать станетъ, а въ дѣлахъ до росту и до лихвы съ процентами касающихся одному человѣческому разсужденїю покорится, то изъ сего безконечные разговоры произойдутъ, а съ обѣихъ сторонъ такъ много споровъ здѣлается, что не можно будетъ узнать, которой стороны держаться. Для прекращенїя всякихъ споровъ, надобно лучше всего слушать заповѣди *Божїя*, которая сїе лихоимство со всѣми ростовщицкими промыслы весьма запрещаетъ. Сей премудрѣйшїй Законодатель и Сердцевѣдецъ напередъ знаетъ, что роду человѣческому вредно, и что полезно. Отъ сей праведной и законной причины всякїе разговоры и оправдательныя мудрованїя лихоимцовъ о взятьѣ съ бѣдныхъ людей сверщковъ сами отъ себя разсыплются, и какъ домы исчезнутъ. А дабы человѣку въ семъ дѣлѣ ничего противъ совѣсти своей не учинить, то затвердѣлыхъ и не правыхъ своихъ мнѣнїй отнюдь защищать и подкрѣплять не должно, вѣдая подлинно, что Священное Писанїе и преданїя Святыхъ Отецъ есть истинное правило нравамъ и обычаямъ нашимъ. Оно утверждается на совѣтахъ правителей церковныхъ, которые по общей славѣ

 до-

добродѣтельнаго житія и просвѣщеннаго разума люди. Буде же у всякаго въ глаза намъ попадающагося вѣтра совѣту просить, то великое множество такихъ людей сыщется, которые страстямъ, своенравству и затвердѣлымъ мнѣніямъ совѣтующихъ съ ними похлебствовать станутъ. А и такіе еще попадаются, которые себя строгимъ нравоученіемъ оказываютъ, и жестокимъ правиламъ слѣдовать велятъ. Но умному Христіянину обѣихъ сихъ крайностей удалятъся надлежитъ. Мы имѣемъ подлинныхъ руководцовъ, то есть, святое и не премѣнное слово *Божіе*, а по немъ преданія Святыхъ Апостолъ, Отцевъ, и соборовъ. Всему съ симъ сходному весьма надежно послѣдовать можно, и должно; а что отъ сего основанія удаляется, то все подозрительно, какой бы хорошій видъ реформаціи, то есть, перемѣны со исправленіемъ на себѣ ни имѣло. Во франціи чрезъ долгое время усмотрено, какъ сильно затвердѣлое мнѣніе въ поединочныхъ дѣлахъ было. Однако правила истиннаго Христіянина и честнаго человѣка со свѣтскимъ ученіемъ о семъ дѣлѣ не согласны. Затвердѣлыя, или лучше сказать, развращенно окаменѣлыя мнѣнія свѣтскихъ людей сіе внушаютъ, дабы человѣкъ ложную честь больше истинной славы и выше драгой жизни своей любилъ. Человѣкъ своей жизни не творецъ, и въ ней ни мало не воленъ, но единъ *Богъ* ей Создатель и совершенной Властелинъ. Многихъ земель варвары, а при

нихъ

нихъ Канадскíе и Американскíе арапы, хотя отъ Европскихъ народовъ не лучше скота почитаются, только они сами узнаваютъ, ежели что худо здѣлаютъ. Какъ сíе въ совѣсти своей почувствуютъ, то отъ свѣта кроются, и въ темныя мѣста бѣгаютъ, жалѣя о томъ, что противъ природнаго свѣта, то есть, противъ *Бога* и противъ разума погрѣшили. Не мѣрнымъ и злымъ употребленíемъ воли своей развратившíеся люди такíе удивительные вопросы предлагаютъ. Не грѣхъ ли имъ въ комедію, и можно ли на балъ танцовать итти? Позволеноли какой чинъ безъ нарушенія совѣсти принять? И подобныя симъ малоумія говорятъ, а о исполненіи важнѣйшихъ дѣлъ и намѣреній кромѣ своей воли, кромѣ упрямства, кромѣ самолюбія, да кромѣ скупости никогда ни о чемъ и ни съ кѣмъ уже не спрашиваются. Не отъ недостатка просвѣщеннаго разума, но отъ безмѣрнаго желанія сíе дѣлается, которое ихъ ослѣпивъ, и прельстивши въ такíе грѣхи вводитъ. Другíе люди дѣла и поступки свои по мнѣнію площади, то есть, по народному разсужденію учреждаючи, думаютъ, будто одно худо, а другое хорошо будетъ. Человѣкъ по природной боязливости своей не смѣетъ отважиться на дѣла славныя, а для сохраненія чести и доброй славы своей отъ премногихъ дѣлъ и вещей воздерживается, про которыя люди могутъ и будутъ худо говорить. Въ то время мы мнѣнію и языку своему полную волю даемъ,

 какъ

какъ про ближняго говоримъ. Токмо къ сему великая предосторожность надобна, кто хочетъ пересужать дѣла чужїя, хотя оныя съ перваго взору подозрительны и грѣшны покажутся. Природная наша ко всему скорость съ естественною слабостью тотчасъ насъ къ осужденїю склоняетъ, не вѣдая дѣла подлинно, но однимъ только внѣшнимъ и ложнымъ видомъ увѣряясь. Не праведныя подозрительства и дерзостныя разсужденїя подаютъ причину къ исполненїю премногихъ и такъ не понятныхъ грѣховъ, которыхъ человѣкъ не чувствуя, не только не думаетъ въ нихъ исправиться, но временемъ и вовсе ихъ забываетъ. Кто намѣрится какое не порядочное дѣло здѣлать, то уже подаваемыхъ ему здравыхъ совѣтовъ не только принять, но и слышать не можетъ, съ великимъ упрямствомъ ихъ отвергая, тѣхъ людей за враговъ себѣ почитаетъ, кто его отъ сей пагубы и заблужденїя разумно удерживаетъ. Высокоумїе съ упрямствомъ главная тому причина, что хотя человѣкъ и подлинно въ чемъ виноватъ, однакожъ въ погрѣшенїи своемъ признаться, и повиннымъ себя объявить отнюдь не хочетъ, но вмѣсто откровеннаго признанїя всякїе къ тому способы изыскиваетъ, какъ бы себя выправить, а другихъ обвинить, по примѣру первозданнаго Адама съ женою его Еввою, изъ которыхъ передъ *Богомъ* мужъ жену обвинялъ, а жена себя выкручая, змѣю укоряла. Все сїе отъ самолюбїя, да отъ упрямства съ заста-

старѣлыми мнѣніями происходитъ, что люди двойные чины на себя берутъ для большаго щастія. А какъ уже человѣкъ набогатится, то эти затвердѣлыя мнѣнія богатаго, да процентщика весьма ложно увѣряютъ, будто къ награжденію за сей грѣхъ того довольно, чтобъ изъ превеликой на небо объ отмщеніи вопіющимъ грѣхомъ и крайнею обидою съ неправдами собранной суммы пятисотую, или тысячную часть на милостыню нищимъ роздать. Въ послѣднихъ стахъ лѣтъ проявились такіе новые еретики и раздиратели церкви Христовой, которые подъ ложнымъ видомъ вышшаго совершенства почитали себя нѣкоторымъ образомъ безгрѣшными. Они движенію страстей, забавъ и роскошей ни малаго сопротивленія не чинили, и ихъ отнюдь не воздерживали, а о снисканіи добродѣтелей старанія не имѣли. Эти своевольники весьма не праведно думая, будто полная отъ *Бога* воля на то человѣку дана, дабы все дѣлать что ему пріятно, или угодно покажется; весьма напрасно ждутъ того, пока соизволеніе благодати *Божїей* всѣ вожделѣнія ихъ преодолѣетъ. Въ такомъ грѣшномъ мнѣніи по прихотямъ злой воли своей живучи, весьма ложно говорятъ, будто человѣческой трудъ со всѣмъ своимъ протиивленіемъ въ этомъ важномъ дѣлѣ ничего намъ не поможетъ. Въ новостяхъ и въ отмѣнахъ вѣры упрямство съ затвердѣлымъ мнѣніемъ страннѣе всего, по тому

 что

что происходящїя изъ сего злыя слѣдства весьма опасны. Не малая въ томъ владѣющаго Государя и правителей церкви мудрость, чтобы симъ крайне опаснымъ новизнамъ всею силою противиться съ того самаго часа, какъ эти всѣмъ Христїянамъ страшныя перемѣны въ простой народъ беззаконной возобновитель ввести пожелаетъ. Кто бы сїе подумалъ, чтобъ Арїй, Лютеръ Калвинъ, и другїе развратники вѣры толь многїя армїи вооружить, столь великїя и жестокїя баталїи произвесть, и такъ ужасныя рѣки человѣческой крови во всей Европѣ пролить могли? Подъ предвожденїемъ затвердѣлыхъ мнѣнїй и упрямства безъ мѣры много новыхъ и крайне развращенныхъ обычаевъ на свѣтъ вышло, которые доброму обыкновенїю и здравому разуму весьма противны. Бывали и такїя времена, въ которыя люди не могши приказныхъ дѣлъ, или ссоръ своихъ окончать, по прозьбѣ своей получали дозволенїе съ соперники своими биться на поединкахъ. Передъ самымъ выходомъ на боевое мѣсто исповѣдывались и причащались святыхъ таинъ въ не сомнѣнной надеждѣ, будто то дѣло, на которое они идутъ, весьма законное, или по крайней мѣрѣ не пристрастное и безгрѣшное. При древнихъ французскихъ Короляхъ въ похищенїи государственной казны, въ смертномъ убивствѣ и въ измѣнѣ обвиненные люди получали такоежъ по прозьбѣ своей дозволенїе съ показавшимъ сїе на нихъ доно-

доносителемъ на шпагахъ, или на другомъ ружьѣ биться. Выбранное къ битвѣ ружье ихъ особливой священникъ съ великими церемонiями благословлялъ, а на семъ бою весь городъ присутствовалъ. Ежели бой до наступленiя ночи съ такимъ равнымъ успѣхомъ продолжался, что соперникъ надъ соперникомъ своимъ одолѣнiя получить не могъ, то обвиненнаго оправдали, а доносителя осуждали на смерть, буде вина доношенiя его такъ важна, что онъ смерти достоинъ. Въ прежнiе вѣки мужеска полу дѣти Царей Персидскихъ во всю жизнь отца ихъ въ крѣпкомъ храненiи содержались. Какъ старшiй сынъ по смерти отцовой вступилъ на престолъ, то меньшимъ братьямъ его всѣмъ глаза выкалывали. Гишпанцы по первыхъ своихъ путешествiяхъ въ Индiю ложно говаривали, будто Богъ Индiанцовъ не искупилъ, и для того [де] съ ними, какъ съ самыми скотами поступать надлежитъ. Съ симъ затвердѣлымъ и не правымъ мнѣнiемъ отъ природы своей гордые Гишпанцы осуждали сихъ бѣдныхъ людей въ весьма тяжкую и силамъ ихъ не сносную работу. Потомъ начали Американцовъ безъ милосердiя убивать, и разными смертьми для того мучить, дабы только богатствомъ ихъ завладѣть. На Макассарскомъ островѣ такой обычай введенъ, что у дѣвицъ четыре переднихъ здоровыхъ зуба вынявши, на ихъ мѣсто золотые зубья для

того

того вставливаютъ, чтобъ дѣвицы съ симъ новымъ украшенїемъ лучше и пригожѣе казались. Въ томъ глупомъ мнѣнїи эти безумцы и понынѣ остаются. Мужеска полу жители острова Явы, вмѣсто золотыхъ, алмазные зубы женщинамъ своимъ вставливаютъ, чтобъ симъ безумїемъ другихъ людей перещеголять. Въ именины великаго Могола сажаютъ сего Монарха самого на золотыя вѣсы для такой пробы, тяжелѣ или легче онъ сталъ противъ прошлаго году. Ежели потяжелѣлъ, то сїю радость во всемъ его государствѣ публикуютъ, и для сего чрезвычайныя торжества дѣлаютъ. Вельможи, Генералы, придворные, купечество и народъ приносятъ ему даровъ на тритцать милїоновъ въ золотѣ, въ алмазахъ, въ жемчугѣ и въ драгоцѣнномъ каменьѣ. Сїамцы для показанїя суевѣрной набожности своей, со всего тѣла волосы выщипываютъ, и разными красками расписываются. Браминцы вмѣсто эпитимїи, и ради лучшаго покаянїя за грѣхи свои, ложатся на такихъ кроватяхъ, которыя вострыми желѣзными спицами набиты. Могольскїе идолопоклонники безъ того спасены быть не уповаютъ, ежели имъ въ Ганжъ по обѣщанїю не ходивши, тамошнихъ водъ не пить, и сими водами для мнимаго очищенїя грѣховъ не мыться. Изъ сего видно, какъ много затвердѣлыя мнѣнїя въ умѣ и въ воли

человѣка силы имѣютъ. Сїе не только удивително, но и не понятно, какъ славные во всякихъ наукахъ и въ художествахъ процвѣтавшїе люди великїе политики, преславные воины, сильные полководцы въ Римскомъ и Греческомъ народахъ такъ слабое мнѣнїе о ложныхъ *богахъ* своихъ имѣли. Рабски кланялись дѣлу рукъ своихъ. Небо, землю, огонь, воздухъ и море *богами* наполнили. А эти развращеннымъ и застарѣлымъ мнѣнїемъ учиненные *боги* ихъ превеликїе грѣшники и горькїе беззаконники были. Однако они на все сїе не смотря, ложныхъ и гнусныхъ божковъ своихъ помощниками себѣ признавали, и имъ безумно молились. Какое заблужденїе, и какъ великая слѣпота! Погане, или Язычники кланялись богамъ сквернымъ, и во всемъ такимъ же великимъ грѣшникамъ, каковы сами были; чемужъ и дивиться, когда они въ такихъ дѣлахъ ни страху, ни омерзѣнїя не имѣли, каковы скверные и ложные божки ихъ сами исполняли. Такъ-то дїяволъ больше трехъ тысячь лѣтъ простотою суевѣрства, застарѣлыми мнѣнїями, да упрямствомъ ослѣпленныхъ людей коварственно игралъ. Пиѳагоровы ученики Метаморфозамъ [перемѣна тѣлъ и переходъ душъ] такъ крѣпко вѣрили, чтобъ лучше съ голоду померли, а тѣхъ животныхъ ѣсть не стали, въ которыхъ [по ихъ безумному и слѣпому мнѣнїю], будто бы душа человѣческая заперта была. Помянутые фило-

философы кромѣ сего пункта не очень глупы были. Метаморфоза не только слабаго ума людьми, но и совершенными безумцами ихъ здѣлала. И нынѣ такіе дураки есть, которые о разныхъ дѣлахъ весьма не глупо говорятъ; а ежели главное ихъ безумство нечаянно тронешь, то и вся машина худаго ума ихъ совсѣмъ разстроится. Сей разсыпанной махинѣ подобны реченные Пиѳагорцы. Они привязывались къ перемѣнѣ тѣла, а начальникъ ихъ писалъ и училъ о нравоучительной, да о духовной перемѣнѣ. Симъ-то способомъ Пиѳагоровы послѣдователи отъ чистаго разума и отъ здраваго разсужденія весьма удалились. Нѣкоторые писатели думаютъ, будто Пиѳагоръ перемѣну Новходоносорову видѣлъ, и отъ сего случая взялъ причину разсуждать о той нравоучительной перемѣнѣ, которою Пиѳагоръ лукавыхъ, безстыдныхъ, безчеловѣчныхъ, кровожелательныхъ, пьяницъ и злобныхъ людей лисицамъ, обезьянамъ, волкамъ, свиньямъ, львамъ и другимъ звѣрямъ такъ уподоблялъ, будто великими грѣхами отягченные люди за безмѣрныя беззаконія свои осуждены были до нѣкотораго времени въ тѣлахъ такихъ звѣрей жить, которымъ они сими грѣхами подобны. Въ томъ-то вся сила сей славной и въ свѣтѣ размножившейся Метаморфозы, или перемѣны тѣлъ подлинно и дѣйствительно состоитъ. Но Пиѳагоровы ученики и послѣдователи сію Метаморфозу противъ мнѣнія

учителя

учителя своего весьма развращенно истолковали. Какъ много такихъ людей, которые снамъ своимъ легкомышленно вѣрятъ! Ложнымъ предсказаніямъ гороскопныхъ мастеровъ, цыгановъ и смотрителей на руки безразсудно ввѣряются, а они ихъ за самую малую цѣну мошеннически обманываютъ, и ихъ же не разсудительному легковѣрству коварно смѣются. Есть еще такіе люди, которыхъ не нарочно просыпанная соль, или опрокинутая солонка въ крайній страхъ приводитъ, съ такимъ ложнымъ мнѣніемъ, будто сей случай крайнее имъ нещастье значитъ. Такіе затвердѣлымъ мнѣніемъ прельщенные и мучимые люди лучше станутъ два дни голодомъ сидѣть, а съ нечетомъ, то есть, съ не равнымъ числомъ людей, а именно, съ тремя, съ седьмью, съ девятью, или съ тринатцатью персонами за столъ обѣдать не сядутъ. Иные встрѣчи боятся. Другіе по понедѣльникамъ изъ двора въ путь не выѣзжаютъ, и подобныхъ симъ суевѣрствъ крѣпко держатся. Нѣкоторой Астрологъ [звѣздочетъ] прорекъ французскому Маршалу Бирону, что всѣ его намѣренія съ такимъ совершеннымъ успѣхомъ въ дѣйство пойдутъ, чтобы господинъ Маршалъ всеконечно Королемъ учинился, ежели бы только могъ избыть того удара, которой ему отъ грубаго Бургонца съ тылу придетъ. Сіе предсказаніе надъ Маршаломъ подлинно исполнилось. Тотъ палачь родомъ изъ Бургоніи былъ, которой ему

ему на эшафотѣ голову отсѣкъ. Помянутой выше силы и мѣры своей честолюбивой Маршалъ ядовитымъ предсказанїемъ сего звѣздочета и шарлатана [торговой лекарь] прельстясь, а своимъ безумнымъ и застарѣлымъ мнѣнїемъ будучи обманутъ, захотѣлъ быть Королемъ и Самодержцомъ франции. Въ томъ пагубномъ намѣренїи имѣлъ тайную переписку съ Королемъ Гишпанскимъ, которой ему французскую корону и подлинно обѣщалъ. А истинной Христїянинъ и честной человѣкъ ни въ какое криминальное, чести и доброй его совѣсти противное дѣло ни для всего свѣта не вступитъ. Слабоумные люди къ симъ суетнымъ мнѣнiямъ и къ пагубнымъ мечтамъ склоннѣе другихъ будучи, всякимъ суевѣрнымъ предсказанiямъ весьма скоро и безразсудно вѣрятъ. Напротиву того великодушные, крѣпкаго разума и твердаго разсужденїя персоны, хотя въ такїя губительныя отваги и не вдаются, однако чрезвычайныя дѣла въ войнѣ и въ другихъ случаяхъ такъ дѣлать могутъ, что ихъ никакой страхъ отъ сего удержать не въ состоянїи. И самыхъ не вѣроятныхъ людей мысль прельщаетъ тѣмъ, что они себя по застарѣлому мнѣнїю выше простыхъ людей почитаютъ, только въ самомъ дѣлѣ того нѣтъ, но они весьма слабоумны, а разумомъ не тверды. Отъ сего-то уже вся невѣроятность съ сомнѣнїемъ ихъ происходитъ. Они не все то видятъ, чего было

имъ

имъ смотрѣть надлежало; но застарѣлое мнѣнїе ихъ останавливая, не допускаетъ до тѣхъ новыхъ познанїй, которыми бы эти люди отъ сихъ не правыхъ и губительныхъ мыслей своихъ исцѣлиться могли. Большая часть людей на свѣтѣ упражняются въ суетныхъ, въ безплодныхъ и въ такихъ прелестныхъ вѣдѣнїяхъ, которыми невѣжды и не твердые въ умѣ люди легко ослѣпляются. Тому не учатся, какъ добросовѣстнымъ и честнымъ людямъ жить, или какъ умъ свой исправить, а разумъ свой просвѣтить. Желаютъ прослыть мудрыми, а въ наукахъ такими чрезвычайными людьми, чтобы имъ всѣ удивлялись. Внутреннее увѣренїе о персональныхъ добротахъ, и о мнимыхъ заслугахъ своихъ главная тому причина, что они другихъ людей презираютъ. Но истинному Христїянину и честному человѣку такїя мнѣнїя отнюдь не пристойны. Онъ всякому человѣку надлежащую справедливость отдаетъ, а свою природную бѣдность такъ довольно знаетъ, что къ суетѣ, да къ тщеславїю ни малой склонности имѣть не будетъ. Всѣ эти въ одномъ своемъ мнѣнїи великїе мудрецы въ домѣ у себя сидя, такъ много о своемъ разумѣ думаютъ, а того бѣдняки не видятъ, что умокъ ихъ очень посредственъ. Хотя сїе посторроннїе люди весьма ясными глазами видятъ, только ихъ изъ сего заблужденїя вывесть, и отъ этой слѣпоты исцѣлить ни чѣмъ не возможно. Какъ мудрые

и ученые люди добрымЪ о себѢ мнѢнїемЪ будучи надмѢнны, достальную часть рода челоѢческаго не праведно презираютЪ, такЪ богатые сЪ другой стороны, уповая на великое свое имѢнїе, и онымЪ напрасно гордясь, мудрыхЪ и ученыхЪ, но притомЪ бѢдныхЪ людей за велико не ставятЪ, вЪ самомЪ дѢлѢ видя, что ни умЪ, ни науки, ни добродѢтель щаснтїя лишенному человѢку дальней помочи не приносятЪ. Для сего-то богатство больше и выше всего вЪ свѢтѢ почитается. Оно подобно лаку, или хорошей краскѢ, которою многїе пороки прикрываются и заглажены бываютЪ, а наукЪ и природныхЪ добротЪ лишенные люди для сего проводника вЪ тѢ же вороты идутЪ, вЪ которыя умныхЪ и добродѢтельныхЪ людей свободно пропускаютЪ. Сей-то ради главной причины большая половина свѢта богатство со изобилїемЪ, а чины сЪ честью выше человѢческихЪ заслугЪ и добродѢтелей для того почитаетЪ, что они о людяхЪ по однимЪ чувствамЪ, а не по сущей и ясной правдѢ разсуждаютЪ. По сему бѢдные люди на ругательства и на подлые поступки за тѢмЪ отваживаются, чтобы имЪ богатство всякими способы нажить, чего истинной ХристїянинЪ и честной человѢкЪ отнюдь здѢлать не можетЪ. ВЪ томЪ самомЪ и честнѢйшемЪ мнѢнїи добродѢтельной придворной не могши найти себѢ щастья, передЪ всѢми великодушно сказалЪ: Я по землѢ не ползаю, и ужомЪ не пресмы-

не пресмыкаюсь. Какія бы великія заслуги и добродѣтели человѣкъ ни имѣлъ, однакожъ изъ посредственнаго чина и темнаго состоянія своего при ежечасныхъ препятствахъ домашняго недостатка не скоро въ люди выдетъ, ежели великой патронъ за руку его не выведетъ. Простой народъ весь, а и тѣхъ три доли, которые по одному внѣшнему виду разсуждаютъ, ослѣпляются взоромъ на каменныя палаты, на богатые уборы, на серебро, на золото, и на блистающіе алмазы. Сіе наемное сіяніе въ томъ препятствуетъ, что люди малоумія, глупой спеси, наглостей и худыхъ поступокъ гордящагося симъ имѣніемъ не видятъ. Сія подлинная отъ богатства польза начальная тому причина, что премногіе люди корысть свою выше чести и выше добродѣтелей ставятъ, а всякіе къ полученію богатства служащіе способы за праведные и законные весьма ложно почитаютъ. Случаи и обстоятельства къ познанію заслугъ и добродѣтелей человѣческихъ на произведеніе оныхъ въ дѣйство много помогаютъ. Ежели только щастіе, да случай изволитъ, то и въ хижинѣ живущій государственныя дѣла и доходы управить, арміями командовать, и города съ провинціями брать можетъ. Французскій Король Франциск первой нѣкотораго при Дворѣ своемъ бывшаго Посла спросилъ: Изъ дворянъ ли вы? Посолъ Королю на сей вопросъ такой умной отвѣтъ далъ: Въ

ковчегѣ съ Ноемъ никого Всемилостивѣйшій Государь, кромѣ трехъ его сыновей съ женами, да съ дѣтьми не было, а отъ котораго сына я произошелъ, того не знаю, и Вашему Величеству донесть не упомню. Сей умной и учтивой посольской отвѣтъ научилъ Короля знать, что ежели посмотрѣть десятаго, или двацатаго колѣна восходящей линіи, то подлинно всѣ люди равны, какъ бы кто древностью шляхетства своего ни хвалился, и какіе бы патенты на заслуги предковъ своихъ ни показывалъ. Ежели природа къ великимъ дѣламъ человѣка не устроила, то какого бы онъ знатнаго роду и чина ни былъ, однако въ великое размышленіе пришедши, не будетъ знать, что, и какъ ему дѣлать. Ежели онъ искусствомъ, или хитростью такого мѣста и дѣла добился, которое выше его силы и знанія, то оно ему не пристойно, а слѣдственно не способно будетъ. Хотя человѣкъ въ не вольномъ чинѣ и въ притворной персонѣ долго держаться не можетъ, для того что она выше силы и выше разума его, однако ложное и застарѣлое мнѣніе непрестанно его лаская, такою мечтою обманываетъ, будто онъ изъ сего дѣла съ честію, и со всякимъ удовольствомъ выдетъ. Французскій Историкъ Филиппъ Коминъ въ исторіи своей пишетъ, что Король Французскій Людовикъ первойнадесять въ дѣла свои подлаго рода и не знатныхъ людей употреблялъ. Бритовщика своего Оли-

віера

віера Графомъ Дюнуа пожаловавъ, въ тайные Совѣтники произвелъ. Важнѣйшіе свои секреты ему одному сообщалъ, а притомъ съ нимъ какъ съ единымъ участникомъ Королевской власти и милости своей въ великой повѣренности жилъ. Выше сего объявленными разсужденіями истинной Христіянинъ и честной человѣкъ долженъ о томъ увѣряться, въ какомъ бы чинѣ, состояніи и промыслѣ онъ ни былъ, только съ великою предосторожностью себя отъ ложнаго и застарѣлаго мнѣнія хранить долженъ для учрежденія житья своего и всѣхъ поступокъ по правиламъ здраваго и просвѣщеннаго разума. Ему надобно то помнить, что грѣхопаденіе всѣ наши мысли затмивши, великимъ мятежемъ смѣшало, а душа на всякое мгновеніе ока отъ разныхъ вождел ѣній приходящими движеніями толь сильно влечется; ежели человѣкъ станетъ разсуждать о выборѣ себѣ чина, житья и состоянія, то ему сіе съ великимъ вниманіемъ дѣлать должно, для различенія худыхъ причинъ самолюбія отъ твердыхъ и не поколебимыхъ правилъ вѣчной истинны. Сіе раздѣленіе гораздо труднѣе того, нежели о немъ думаютъ, для того что вожделѣніе не чувствительнымъ и не понятнымъ образомъ во всякія наши разсужденія входитъ, и равное стояніе вѣсовъ на лѣво склоняетъ. Ежели человѣкъ какою нибудь страстью обладанъ, то онъ ни объ одной съ симъ его пристрастіемъ сход-

ство и къ ней склонность имѣющей вещи здраво не разсуждаетъ, но по одному только затвердѣлому мнѣнію своему какъ по шнуру идетъ, а оно ему представляетъ, будто и не праведное праведно, или по крайней мѣрѣ безпристрастно и не важно. Кто отъ ложныхъ и затвердѣлыхъ мнѣній себя не охранитъ, и не воздержитъ, тотъ уже и Евангельской правдѣ покорятися, а душу свою въ вѣру Христову плѣнять не возможетъ. Святое Евангеліе всѣ не правыя мнѣнія совершенно изпровергаетъ, а самолюбію и злымъ вождел ѣніямъ нашимъ сильно противится. Истинной Христіянинъ и честной человѣкъ отъ сихъ твердѣйшихъ неба и земли Евангельскихъ заповѣдей отнюдь удалятися не долженъ, ежели правила житія Христіянскаго съ правилами житія гражданскаго соединить желаетъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯНАДЕСЯТЬ.

О НЕПОСТОЯНСТВѢ ВСЕГО СВѢТСКАГО.

Человѣкъ не на то ложное и прелестное благополучіе родился, которое свѣтъ сей любителямъ своимъ обѣщаетъ. *Богъ* и Создатель всѣхъ, произведя человѣка изъ ничего, сіе разумное созданіе весьма для инаго и вышшаго намѣренія сотворилъ: и такъ помянутое человѣческое желаніе, чтобъ только

ко

ко свѣтскимъ щастїемъ пользоваться, благости и славѣ всещедраго Творца весьма противно будетъ. Подлинное и твердое благополучїе истиннаго Христїянина и честнаго человѣка состоитъ въ непрестанномъ желанїи о соединенїи съ Создателемъ и *Богомъ* своимъ, препроводя жизнь свою въ вѣрномъ и въ постоянномъ хранепїи божественнаго закона и святой Его воли. Какого сожалѣнїя достойно безумїе тѣхъ людей, которые за суетою и за непостоянствомъ прелестныхъ вещей свѣта сего безъ разсужденїя мечутся? А на концѣ бѣганїя своего (по слову пророческому) въ рукахъ своихъ ничего не увидятъ, для того что всѣ попадающїяся имъ на свѣтѣ привидѣнїя помалу исчезая, въ темную ночь смерти уходятъ. Природа бросивши человѣка на свѣтъ, содержитъ воономъ самое малое время. А чтобъ далѣ того итти, то не отъ насъ зависитъ. Всѣ люди, (кто бы какого чина и достоинства на свѣтѣ ни былъ,) сей бѣдственной нуждѣ равно подвержены. Какъ Короли въ своихъ палатахъ, такъ и ремесленные люди въ своихъ хижинахъ. Безсильные люди! Вы составляете великїя намѣренїя, и толь дальновидные проэкты, будто бы вамъ на свѣтѣ тысячу лѣтъ жить. Лучше научитесь собирать сокровища негиблющая въ вѣчную жизнь, нежели погибающїя имѣнїя сего свѣта, которыя въ домѣхъ вашихъ самое малое время пребываютъ, а потомъ изъ рукъ вашихъ весьма

нечаянно и по неволѣ уходятъ. Дни, недѣли, мѣсяцы, и цѣлые годы минутами, четвертьми, половинами и цѣлыми часами, власно какъ крыльемъ махаючи, въ бездну времени не возвратно улетаютъ, а никто изъ насъ о томъ не подумаетъ. Человѣкъ къ концу жизни своей помалу приходитъ, невѣдая того, почто родился, и за чѣмъ на свѣтъ сей пришелъ? Сїе поздоватое разсужденїе учинилъ не беззнатной придворной, которой все свое имѣнїе на услугу Государя своего истратилъ, а о собственномъ своемъ благополучїи никогда не старался. Надобно, что бы тотъ человѣкъ безъ ума и безъ разсужденїя былъ, кто объ однихъ только суетныхъ и скоропреходящихъ вещахъ думаетъ, а притомъ о прелестныхъ и скороминующихъ имѣнїяхъ ежечасно мыслитъ. Желанїя свои на мнимое, а въ самомъ дѣлѣ не сущее благополучїе напрасно устремляетъ, по объявленїю тѣхъ людей, которые онаго больше всѣхъ ищутъ, и ничего ко удовольствїю своему не забываютъ. Нѣкоторой славной писатель къ лучшему изъясненїю ложнаго честолюбїя и свѣтской славы, такъ же на выраженїе непостоянства, и суеты всего свѣтскаго слѣдующее преизрядное описанїе учинилъ: Весь земной кругъ подобенъ въ груду собранной грязи. Великїя и не измѣримыми пучинами наполненныя моря, предъ очими *Божїими*, подобны каплямъ воды, въ которую сїя груда грязи рукою Творца обмочена. Пространнѣйшїя государства

ства предъ всевидящимъ окомъ *Божїимъ* подобны горсти песку, которымъ поверьхность сей груды сверьху накрыта. Безчисленные народы равны по лугу, или на ровномъ мѣстѣ ползающимъ муравьямъ, которые за полпрутика, или за малую часть соломины жестоко дерутся. Важнѣйшїя и великїя дѣла предъ *Богомъ* вмѣсто дѣтскихъ игрушекъ. А что люди великолѣпїемъ, славою и силою въ свѣтѣ называютъ, то предъ всемогущимъ Творцомъ бѣдность, безсилїе, и самое ничто. Праздность, или пустота тварей, безконечной остроты сердца и ума человѣческаго наполнить не можетъ. Чувственныя веселїя вмѣсто того, чтобы имъ жажду утолять, отъ часу больше оную умножаютъ, а душу наполняютъ суетнымъ желанїемъ и ложною надеждою, уповая себѣ удовольствїе получить отъ соединенїя съ другими вещьми, и думая себѣ найти особливое веселїе въ великомъ различїи забавъ, въ которыхъ ни твердости, ни постоянства нѣтъ. Все свѣтское благополучїе такъ проходитъ, какъ сонъ, которой приходитъ къ спящему, а уходитъ отъ востающаго. Отъ сего сна остаются малые, да и то смѣшанные слѣды, а чистаго и яснаго объ немъ мнѣнїя никогда не бываетъ. Велико тѣхъ людей неразсужденїе, кто къ прелестному свѣту и ко всему временному безъ ума и безъ памяти прилѣпляется, вѣдая, что съ житїемъ человѣческимъ все кончится. Жизнь наша кратка, и весьма

не надежна. Разсыпается какъ паутина, а исчезаетъ на подобіе мглы, или тумана. Свѣтъ сей подобенъ морю, которое почти всегда въ волненіи, а рѣдко когда тихо бываетъ. Злое съ добрымъ, а щастіе съ нещастьемъ въ непрестанной размѣнѣ. Часто сіе бываетъ, что изъ превеликихъ радостей горцыя печали родятся. Вдругъ наступаютъ такіе прискорбные случаи, которые наилучшія веселія въ плачь обращаютъ. Для сего-то умному человѣку въ безмѣрныя радости отнюдь вдаваться не должно, дабы послѣ смѣховъ и веселія по неволѣ не плакать. Можетъ ли это человѣкъ подлинно и надежно сказать: нынѣ уже мое благополучіе совершенно и постоянно. Отъ сего времени можно мнѣ въ покоѣ живучи, собраннымъ моимъ имѣніемъ по собственной волѣ, безо всякой опасности наслаждаться. Сію рѣчь Евангельской богачъ къ самому себѣ ту ночь говорилъ, какъ душа по истязаніи отъ него ввержена во адъ и въ муку вѣчную. Вопреки сему разсужденіе премудраго такимъ людямъ, которые ложно думаютъ, будто щастіе ихъ во вѣки не подвижется, можетъ всю ихъ радость помѣшать, а состоитъ въ слѣдующихъ словахъ: Время твоей смерти приближается, а ты уже къ послѣднему часу своей жизни идешь. Имѣніе свое оставляешь чужимъ, и такимъ людямъ, которые твоей смерти обрадуются, а потомъ станутъ тѣмъ богатствомъ наслаждаться,

ко-

которое ты съ такимъ великимъ трудомъ, а можетъ быть что еще и съ неправдою собралъ. Премногія бы причины могли людей отъ не разсуднаго прилѣпленія къ свѣту отвлещи, а именно: собственная ихъ бѣдность, суета забавъ и роскошей, дѣйствительное состояніе не минуемыхъ золъ, болѣзней, бѣдъ и печалей, а особливо подлинное непостоянство всего свѣтскаго. Ты надѣялся на милость и на силу своего протектора, которой за тебя просить и предстательствовать обѣщалъ, а смертной часъ, или другой нечаянной случай въ то время его у тебя отнялъ, когда тебѣ помощь этой сильной персоны нужнѣе другихъ поръ была, а иногда воли, склонности и силы его къ тому нѣтъ. Эти законныя и весьма чувствительныя причины должны, и могутъ человѣка на путь истинны наставя, а потомъ изъ заблужденія вышедши, къ познанію безполезныхъ своихъ намѣреній за руку привесть. Только люди такъ безщастны, что всегда вѣтреною надеждою питаются; а ежели въ дѣйствительное и подлинное злополучіе впадутъ, то себя ложнымъ упованіемъ ласкаютъ. Безъ дальнѣйшихъ доводовъ безпрестанное искусство само насъ научитъ, что жизнь человѣческая безчисленными и ежечасно смѣняющимися нещастіями наполнена, которыя съ самаго того времени начинаются, какъ человѣкъ изъ утробы матерни выдетъ, а кончатся тогда, какъ его въ землю схоронятъ. Бываетъ

ваетъ такое безщастное время, что того часа не бояться, но съ радостїю ожидать надлежитъ, которой всѣ сїи бѣдности окончать можетъ. Для сего-то праведный Іовъ съ воздыханїемъ сказалъ: Я конца моей жизни такъ жду, какъ невольникъ, будучи сожженъ отъ солнечнаго жару, на пространномъ полѣ ищетъ сѣни и убѣжища отъ зною, или отъ дневныхъ своихъ дѣлъ утружденной работникъ ожидаетъ конца дню для малаго упокоенїя отъ трудовъ своихъ. Сїе особливому *Божїю* провидѣнїю приписывать надлежитъ, что человѣкъ въ жизни своей скорби и печали для того имѣетъ, чтобы къ свѣту меньше прилѣплялся, а при исходѣ бы души своей отъ тѣла не много о свѣтѣ тужилъ. Многїе и великїе труды болѣзненной старости достигшаго человѣка всякому скучны, а самому старику крайне безпокойны. Они могутъ ясно показавши, прїятнымъ учинить то новое состоянїе, которымъ такъ многїя прискорбности вдругъ кончатся. Перестать человѣку жить, по естественному разсужденїю не великое дѣло, для того что въ жизни человѣческой гораздо больше зла, нежели добра. Что великое дѣло семдесятъ лѣтъ жить, и какая человѣку отъ того польза? Ничего, кромѣ истиннаго подобїя, чрезъ одну ночь продолжавшагося сна. Только и тѣхъ людей очень мало, которые семидесятъ лѣтъ доживаютъ. Далѣе сихъ лѣтъ рѣдко

кто

кто жить пожелаетъ, слѣдуя слову пророческому. Все время болѣе семидесятъ лѣтъ, самой трудъ и болѣзнь. Ежели на смерть съ хорошей стороны посмотрѣть, то она тѣмъ большаго желанія достойна, что ею всѣ болѣзни, труды, печали, нещастія и суеты человѣческія оканчиваются. Но какъ бы велики человѣческія злополучія ни были, однако люди смерти своей больше для того боятся, что окончавъ сію временную жизнь, попадутся въ руки праведному и всесильному *Богу*, которой по неумытному суду своему воздастъ всякому по дѣламъ его. Спаситель нашъ Іисусъ Христосъ повелѣваетъ намъ дѣлать и трудиться, пока мы дневной свѣтъ имѣемъ, то есть, пока разумъ нашъ въ силѣ, а тѣло человѣче труды умерщвленія нести можетъ. Высокой старости достигшіе люди могутъ представить *Богу* съ состояніемъ своимъ не раздѣльныя бѣдности, посвятить ихъ терпѣніемъ и преданіемъ себя въ волю *Божію* съ такою молитвою, дабы Господь *Богъ* помогъ имъ теченіе свое благополучно окончавши, отъ сего бѣдами, скорбьми и печальми наполненнаго свѣта съ міромъ разлучиться. Когда престарѣлой человѣкъ по оскудѣніи тѣлесныхъ силъ своихъ приближится ко гробу, а болѣзньми и печальми утружденной умъ всю свою живость и силу потеряетъ, въ тѣ поры человѣку небесная помощъ нужнѣе всѣхъ временъ, для того что онъ въ такихъ обстоятельствахъ

самъ

самъ себѣ помочь уже не можетъ. Кто покаяніе свое до крайней старости отлагаетъ, тотъ весьма обманывается. Умъ человѣческій въ старости такъ ослабѣваетъ, что добрыхъ мыслей имѣть не можетъ, а притомъ въ утружденномъ дряхлостью и болѣзньми измученномъ тѣлѣ находясь, малѣйшія слабости и припадки чувствуетъ. Почти всякой человѣкъ долголѣтной жизни для того надѣется, что оныя съ крайнею горячестью желаетъ, а съ глубокою старостью соединенныя болѣзни и прискорбности такъ жалки, чтобъ человѣку не долговременной жизни, но скорой смерти и Христіянской кончины у *Бога* просить надлежало. Но понеже смерть человѣку неизбѣжна, то недостатокъ, или излишество лѣтъ ни за что почитается тѣмъ болѣе, что они въ пучину вѣчности вошедши, совсѣмъ исчезаютъ. Истинной Христіянинъ и честной человѣкъ долженъ житіе и состояніе свое за маловременное, а слѣдственно не великаго труда и попеченія достойнымъ почитать. Ему больше надлежитъ о безсмертной своей душѣ стараться, а о настоящей жизни такое умѣренное желаніе имѣть, чтобы человѣкъ выше своего спасенія и вѣчнаго блаженства ничего въ свѣтѣ не почиталъ, и не искалъ. Никакая тлѣнная вещь по душѣ своей безсмертнымъ человѣкомъ за тѣмъ обладать не должна, что онъ на вѣчное съ *Богомъ* сожитіе рожденъ, и онаго непрестанно желаетъ. По сему

видно,

видно, что вся отъ временной жизни зависящая благая также маловременны, и таковы же тлѣнны, какова самая жизнь. Сія стѣнь исчезаетъ во мгновеніе ока. Сей скорой гонецъ убѣгаетъ въ одну минуту. Такъ пропадаютъ всѣ тѣ вещи, за которыми люди съ такою горячностію бѣгаютъ. Хотя мы это знаемъ, и всякой день сами видимъ, однакожъ за сею непрестанно минующею стѣнью безразсудно гоняемся, а она намъ послѣ себя ничего не оставляетъ, кромѣ тѣхъ грѣховъ, которыми человѣкъ для безчестныхъ страстей Творца и *Бога* своего прогнѣвалъ. Между началомъ и между концемъ человѣческой жизни текущее время такъ кратко, что кажется, будто бы оба концы вмѣстѣ сошлись. Человѣкъ только что начнетъ вкушать первую сладость жизни, а уже и думать принужденъ, какъ оную оставить. Все суета, что отъ временной жизни ни зависитъ. Человѣкъ ее на всякой часъ потерять можетъ. Никто совершенною цѣлостью маловременной жизни насладиться не въ состояніи. Хотябъ человѣкъ по особливой къ себѣ *Божеской* милости сто лѣтъ прожилъ; но какъ конецъ его придетъ, то ему власно такъ покажется, какъ бы онъ одинъ день на свѣтѣ жилъ. Въ то время свѣтъ сей со всѣми его роскоши и забавами вмѣсто мечты и сонняго привидѣнія человѣку покажется. Хотя все это самая истинна, однакожъ люди для маловременной прелести міра сего не только жизнь, но и душу свою теряютъ.

Свя-

Священное Писанїе по объявленїи великихъ побѣдъ Александра Царя Македоскаго представляетъ смерть его въ самой молодости, посреди всѣхъ побѣдъ и торжествъ сего Монарха. Такъ скоро проходитъ слава мїра сего! Она подобна отъ соломы вожженному пламени, которой съ не сказанною скоростїю и весьма жестоко вспыхнетъ: но по прошествїи нѣсколькихъ минутъ и опять угаснетъ. Люди должны сему не только безпрестаннымъ, но и ежедневнымъ искусствомъ увѣряться. Хотя имъ довольно извѣстно, что на богатство, на роскошь, и на всѣ забавы съ веселїями свѣта сего много надѣяться не льзя, однакожъ они отъ сего ослѣпленїя исцѣлиться, и того оставить не могутъ, чтобъ сихъ временныхъ и скоропреходящихъ имѣнїй съ не описанною и съ безразсудною горячестїю не искать; а какъ получатъ, то самое малое время оными повладѣютъ. Люди прельстившись видимою суетою, а о будущемъ не разсудя, и попеченїя не имѣя, крайнее и единое о томъ только старанїе прилагаютъ, какъ бы имъ щастливо на свѣтѣ пожить. Они настоящую жизнь за комедїю почитаютъ. Какъ дѣйство кончится, то другїе актеры (люди, или дѣйствующїя лица) на театръ всходятъ. Но святая вѣра весьма вышшїя и справедливѣйшїя мнѣнїя истинному Христїянину и честному человѣку предписываетъ. Кто кромѣ настоящей, о другой не минуемой жизни будущаго

го вѣка не думаетъ, и кромѣ свѣтскаго ни на что духовное не смотритъ; тотъ человѣкъ только того ищетъ, какъ бы ему настоящимъ временемъ и случаемъ пользоваться, а безсмертїе въ памяти имѣющїй человѣкъ весьма иное мыслитъ; въ не сомнѣнной надеждѣ будучи, что ему во всей своей жизни лучше того здѣлать не льзя, какъ вѣчнаго блаженства удостоиться, не останавливаясь надъ маловременнымъ и скоропреходящимъ щастїемъ. Что конецъ имѣетъ, то все также кратко, какъ долголѣтная жизнь Мафусаила и другихъ древнихъ Патрїарховъ, которые по восьми и по девяти сотъ лѣтъ жили. Когда человѣкъ придетъ къ концу жизни своей, то ему прошедшее какъ не бывшее покажется; а все сотворенное должно на себѣ имѣть образъ того ничтожества, изъ котораго создано. Всѣ люди однимъ образомъ родятся. Между Королевскимъ и овчаровымъ сыномъ въ рожденїи ни малаго различїя нѣтъ. Смерть всѣхъ ихъ равняетъ. Отъ рожденїя до кончины продолжающееся время нѣкоторыми внѣшними пользами приносящими богатство, честь, щастїе и достоинства людямъ, отмѣну хотя и даетъ, только смерть все сїе сперва смѣшиваетъ, а потомъ всякую вещь въ свое мѣсто и въ порядокъ приводитъ. Въ то время Монарха отъ подданнаго ничто не различаетъ, кромѣ добрыхъ, или кромѣ худыхъ его дѣлъ. Грѣхами подкрѣпленное щастїе, какъ пру-

томъ ударенная паутина вдругъ разсыпается, а эти хитростью до облакъ возвысившіеся кедры однимъ *Божіимъ* дуновеніемъ изъ корня вырываются, и опровержены бываютъ. Людямъ всегда надобно то помнить, что мы на свѣтѣ мимоходомъ живемъ, а постояннаго и твердаго жилища у всѣхъ у насъ нѣтъ. Сія маловременная жизнь на то намъ дана, чтобъ удостоиться жизни вѣчной исполненіемъ отъ *Бога* предписанныхъ и въ законѣ данныхъ добродѣтелей. По симъ-то правиламъ долженъ истинной Христіянинъ и честной человѣкъ всю свою жизнь съ поступками непрестанно учреждать. Для лучшаго понятія о краткости жизни нашей надлежитъ намъ смѣтиться, сколько уже мы прожили, и съ какою скоростью дни наши прошли? А и остатокъ житія нашего съ такою же быстротою протечетъ. Потщимся же опасно хранить толь краткое время, и убережемъ его на безконечную вѣчность. Жизнь человѣческую можно уподобить великой грудѣ дыму, которой взошедши на воздухъ, такъ разсыпается и пропадаетъ, что ни малаго слѣда послѣ него не остается. Примѣръ всѣхъ прежде насъ бывшихъ людей долженствовалъ бы насъ увѣрить о суетѣ и о ничтожествѣ вещей свѣтскихъ. Что всѣмъ до насъ на свѣтѣ жившимъ славнымъ и великимъ героямъ высокія намѣренія и гордыя требованія ихъ помогли? Надежда о долговременной жизни великое человѣку искушеніе

кушеніе. Пока человѣкъ долго жить надѣется, до тѣхъ поръ о будущей жизни подлинно не думаетъ. Какъ много такихъ людей на свѣтѣ, которые одною ногою въ гробѣ, или яснѣе сказать, при дверѣхъ смерти стоятъ, а другою ногою въ прекрасные сады итти хотятъ, то есть, великія и безсмертныя намѣренія имѣютъ. Можетъ быть, чтобы къ свѣту безмѣрно прилѣпившіеся грѣшники тѣмъ довольны были, ежелибъ имъ отходя сей жизни, все на свѣтѣ остающееся потерять, толькобъ никакого страху о будущихъ мукахъ не имѣть. Но богодухновенный Пророкъ напротивъ имъ объявляетъ, что во грѣхахъ на свѣтѣ препровожденная жизнь имѣетъ за собою послѣдующую вѣчную смерть, а маловременныя и закону противныя забавы съ роскошми безконечными муками наказаны будутъ. Какая горесть отъ сего мнѣнія во всѣ чувственныя роскоши и забавы вмѣшаться должна? Что подумать о тѣхъ людѣхъ, которые приближаясь къ смерти, должны раскаяться о грѣшной и *Богу* противной жизни своей? Они приказываютъ въ завѣщаніи своемъ возвратить неправдою собранное имѣніе, которое было причиною роскошей и всей развращенной жизни ихъ. Развѣ они думаютъ, что сіе упозданное и не вольное возвращеніе предъ *Богомъ* ихъ оправдаетъ? Бываютъ такія нечаянныя и скоропостижныя смерти, которымъ и причины узнать не возможно. Эти случаи можно по справед-

ливости за особливыя *Божїя* наказанїя причесть, которыми великїя невоздержности о покаянїи не мыслящихъ, и отъ пути истинны заблудившихъ людей печальнымъ образомъ вдругъ оканчиваются, а смерть ихъ оставляется для примѣру другимъ людямъ на воззванїе къ должности ихъ напоминанїемъ неминуемой, и можетъ быть весьма близкой смерти. Какъ всѣ животныя отъ земли съ такимъ опредѣленїемъ взяты, чтобы имъ опять въ землю, какъ мать, и въ первое свое начало неизбѣжно возвратиться, такъ и человѣку сказанное отъ *Бога* слово непрестанно помнить должно: Земля еси, и въ землю пойдеши. Симъ единымъ словомъ вся гордость человѣческая на вѣки усмирена. Чѣмъ ты хвалишься земля и пепелъ? Оставь гнилостью и болѣзньми наполненной, а по смерти твоей тлѣнїю и червямъ подверженой трупъ. Жизнь наша по слову Катонову тлѣнна, а смерть неизбѣжна, только часъ ея весьма не извѣстенъ. Смерти ближняго твоего не радуйся, а на остающееся по немъ для того не надѣйся, что и самъ ты смертенъ, Щастїя уповать обыкновенное дѣло, а особливо по смерти другихъ. Только симъ упователямъ надлежитъ одуматься, что и они на смерть поручной записи не взяли. Смерть и у молодаго съ тою же косою за плечами стоитъ, что у стараго человѣка. Ежели обстоятельную справку здѣлать, то не будетъ ли полно въ томъ безчеловѣчїя,

чтобъ

чтобъ человѣку отъ смерти ближняго самому себѣ благополучія ждать? Какое суровство, съ нетерпѣливостью жадничать кончины сродника? А это уже не крайнее ли варварство стало, когда дѣти ждутъ скорой смерти родителей своихъ? Сколько такихъ женъ, которыя себя вѣтренымъ благополучіемъ ежедневно ожидаемаго вдовства ласкаютъ и тѣшатъ? Какъ много такихъ мужей, которые еще при живыхъ женахъ своихъ на другихъ жениться думаютъ? Не только надѣяться, но и думать того не надобно, чтобъ люди умнѣе были, или бы по самой истиннѣ поступали для увѣренія себя о лживости и о непостоянствѣ вещей свѣтскихъ. Они не могутъ того надѣяться, чтобъ щастіе и роскошь съ забавами долговременнѣе жизни ихъ были, которая сама на подобіе сна исчезаетъ. Одна натура безъ всякихъ разсужденій можетъ ихъ о сей правдѣ довольно увѣрить. Откудажъ это приходитъ, что они такъ мало симъ пользуются? Самое искусство дѣйствительно кажетъ, что свѣтскія забавы и веселія всегда нѣкоторую горесть, или безпокойство по себѣ оставляютъ, а наслаждающихся ими совершенно благополучными учинить не могутъ. Человѣкъ всегда о томъ безпокоится, какъ бы ему новое богатство нажить; а для истиннаго удовольствія не богатство умножать, да прихотей своихъ убавлять надобно. Человѣкъ духомъ и жизнью, а не деньгами и пожиткомъ богатъ. Хотябъ твои

 сундуки

сундуки золотомъ, да серебромъ наполнены были; однако ты отъ сего щасливѣйшимъ не здѣлаешься, ежели въ себѣ спокоенъ и своимъ состоянїемъ доволенъ не будешь. Истинное богатство размѣряется по числу того имѣнїя, которымъ человѣку по своему состоянїю воздержно, умѣренно и безъ убожества прожить можно. У которыхъ людей есть богатыя деревни и великїе съ нихъ доходы, а они по высокимъ чинамъ ихъ на столъ и экипажи свои больше проживаютъ, тѣхъ богатыми назвать не льзя, для того что они по мѣрѣ житья и состоянїя своего всегда недостатокъ и безпокойство чувствуютъ. Хотя вскормленики, да питомцы ихъ богатство стола съ великолѣпїемъ уборовъ и экипажа кормильцовъ, да хлѣбосоловъ своихъ не умолкая хвалятъ, только непрестанной крикъ и жалобы заимодавцовъ ихъ всѣ эти ласкательства и притворныя хвалы сильно помрачаютъ. Для чего вдаваться на смертные страхи и бѣды? На что ѣздить край свѣта по золото, по жемчугъ, по драгоцѣнное каменье, и за богатыми товарами, ежели въ своемъ домѣ и отечествѣ честнымъ образомъ и въ праведномъ довольствѣ прожить можно? Человѣкъ не на тѣ излишнїе и превеликїе труды съ суетами родился, которыя онъ самъ себѣ причиняетъ. Сїе не надобное попеченїе выводитъ человѣка изъ природнаго его состоянїя, а самовольное безпокойство не даетъ ему тихою жизнью наслаждаться. Онъ лучше моря и чужїя земли за

тѣмъ

тѣмъ проходитъ, чтобъ собою не скучить. Вдается волнамъ морскимъ, грабежамъ и разбоямъ только для того, что ему покой и доброе житье скучило, а сія скука приходитъ отъ развращенія сердца и отъ неудовольства душевнаго. Ежелибъ богатые не умирали, тобъ состояніе ихъ [по человѣчеству говоря] достойно было завидованія въ такомъ не безосновательномъ разсужденіи, что всѣ забавы и веселія для богатыхъ здѣланы. Они уповая на богатство въ рукахъ своихъ, весь свѣтъ презираютъ. Но какая въ то время болѣзнь и жалость ихъ постигаетъ, когда они великіе свои домы, богатыя фабрики, лавки, заводы, торги и безчисленныя сокровища оставя, а потомъ съ не имѣющими куса хлѣба сравнившись, во гробъ вселиться принуждены? Катонъ сказалъ: Вѣдай себѣ другъ мой, что жизнь твоя маловременна, а часъ смерти никому не извѣстенъ. *Для того* нынѣшній день за великую къ тебѣ милость *Божію* почитай, а на послѣзавтрѣе отнюдь не надѣйся. Нѣтъ такого престарѣлаго человѣка, который бы еще лѣтъ пятьдесятъ прожить не надѣялся. Суетные люди строятъ себѣ изъ дикаго камня палаты, кроютъ желѣзомъ и каменными плитами, власно какъ бы имъ и дѣтямъ ихъ безсмертнымъ быть: но того бѣдные люди не разсудятъ, что дѣти прежде ихъ помереть, а огромныя палаты еще при жизни и предъ глазами ихъ въ чужія руки достаться могутъ. Какъ сіе разлуче-

нїе горько и прискорбно, того никакое перо описать не можетъ. Блѣдность лица ихъ и другїе знаки близкой смерти долженствовали разорвать привязавшїя сихъ богачей къ свѣту цѣпи, и отвлещи отъ грѣховъ ихъ. Только они малѣйшее отдохновенїе получа, такїе замыслы вновь сплетаютъ, будто бы имъ никогда не умирать. Истинному Христїянину и честному человѣку не такъ надобно разсуждать. Онъ своихъ мыслей и желанїй на вещахъ свѣтскихъ никогда не утверждаетъ, зная тлѣнность и непостоянство ихъ. Мысли свои выше всего созданнаго возводитъ, и къ Создателю обращая, на единое безсмертїе уповаетъ. Его ничто временное въ замѣшательство привесть не можетъ, по тому что сущїй Христїянинъ въ одинъ часъ отъ тысячи такихъ желанїй себя освобождаетъ, которыми подлыя души въ смятенїе и въ безпокойство приводятся. Провидѣнїе *Божїе* всѣ наши нужды такъ учредило, что необходимыя и нужнѣйшїя къ жизни человѣческой вещи весьма скоро и за малую цѣну найти можно. А которыя чрезвычайныя иждивенїя отъ знатныхъ персонъ на столы и на содержанїе ихъ безразсудно употребляются, тѣ больше не надобное излишество, или разорительную суету, нежели пристойное чину и богатству ихъ изобилїе значатъ. На противу же того высокимъ персонамъ отъ такого излишества въ безчестную скупость переходить, и симъ обра-

образомъ посреди богатства нищеcтвовать, а славной домъ свой безчестить отнюдь не надлежитъ. Богатство въ разсужденiи человѣка не надобная и не годная вещь. Такiе зберегатели посреди наполненныхъ золотомъ и серебромъ мѣшковъ съ голоду мрутъ, а роскошной наслѣдникъ на забавы, да на веселья свои скоро ихъ разсыплетъ. Что всякъ себѣ способовъ къ тому ищетъ, какъ бы ему довольнымъ учинясь, особливое на землѣ благополучiе утвердить, а никто онаго на свѣтѣ не находитъ, тому и дивиться не надобно, для того что свѣтъ сей ничто иное, какъ переходъ для преведенiя насъ къ вѣчному покою и къ безконечному блаженству. Кто сего благополучiя въ свѣтскихъ забавахъ ищетъ, тотъ очевидно обманывается, и дѣйствительнымъ искусствомъ скоро узнаетъ, что всякiя забавы, роскоши и веселья весьма кратки и маловременны. Хотя богатые за щасливыхъ себя и почитаютъ, однако это ихъ мнѣнiе совсѣмъ ложно. Хотя внѣшнiй видъ состоянiя ихъ изряденъ кажется, только остраго тернiя печалей и безпокойствъ въ сердцѣ ихъ непрестанно колющагося никто не видитъ, и видѣть не можетъ. Сей-то самой тернъ видимое и мнимое ихъ благополучiе безпрестанно пилуетъ и подавляетъ. Которые люди предаются грѣхамъ для удовольствiя страстей своихъ, тѣ посреди розеновъ нестерпимо желаемыхъ роскощей своихъ ни-

ничего кромѣ тернія и кромѣ горькой полыни не найдутъ. Свѣтскія радости суетны, пусты и прелестны. Человѣческое сердце и въ то время совершеннаго удовольствія не чувствуетъ, когда мы все желаемое получимъ; а истинной Христіянинъ и честной человѣкъ повинуясь Творцу и *Богу* своему, радость чистую и безъ всякаго примѣсу вкушаетъ. Кто о сей правдѣ сомнѣвается, тому надобно пробу учинить, а сей опытъ всякаго человѣка дѣйствительно о томъ увѣритъ. Кто безчестнымъ и душевреднымъ страстямъ предастся, тотъ ни въ покоѣ быть, ни чистой совѣсти имѣть не возможетъ. Какъ скоро Израильтяне Ханаанскою землею овладѣли, и въ ней обжились, то лѣность, роскоши, и тѣ игры, въ которыхъ они цѣлые дни препровождали, привели Евреевъ ко идолопоклонству, и въ старые ихъ непорядки. Изъ сего видно, что въ сердцѣ человѣческомъ такой корень злости скрытъ, котораго кромѣ одной смерти ни чѣмъ вырвать не можно. Ни обѣщанія, ни угрозы, ни самыя благодѣянія человѣка въ должности его утвердить не могутъ. Чести и достоинства причиняютъ въ человѣкѣ разслабляющую лѣность и подобіе обморока. Какъ человѣкъ эти преимущества получилъ, то уже никого не знаетъ, и самъ себя забывая, почитаетъ за отмѣннаго и весьма за особливаго передъ подобными себѣ людьми; а съ ближними и со свойствен-

ники

ники своими на силу и съ великимъ принужденіемъ равняется. И то со внутреннимъ презрѣніемъ, да со внѣшнимъ уничтоженіемъ лучшихъ себя людей. Только сіе брезгованіе самихъ сихъ презирателей противными и презрѣнія достойными творитъ. Самые гордые и высокомысленные люди, которые въ благополучіи своемъ ни на кого не смотрятъ, но всѣхъ съ несносною гордостью презирая уничтожаютъ, въ нещастіи тихими, кроткими и ко всѣмъ людямъ склонными становятся. Тѣхъ лаская добрятъ, на которыхъ въ своемъ времени смотрѣть не хотѣли. Таковы-то люди съ природы! Гордость и безстыдство творятъ ихъ ненавистными, а подлость со униженіемъ тогда ихъ въ презрѣніе приводятъ, когда перемѣна дѣлъ и щастія принуждаетъ сихъ горделивцовъ у тѣхъ людей помочи искать, которымъ они въ своемъ щастіи досажали и обиду дѣлали. Естественныя дарованія такимъ же перемѣнамъ подвержены, какъ отъ перемѣны щастія зависящая благая. Единое веселіе и радость женамъ маловременная красота ихъ, хотя несказанно высокое въ женскомъ полѣ о персонѣ ихъ мнѣніе причиняетъ, однако весьма не постоянна и скудельна, а притомъ безчисленнымъ нещастливымъ припадкамъ подвержена. Ежелибъ онѣ столько о душѣ своей попеченія прилагали, сколько о красотѣ лица старанія имѣютъ, тобъ женскія лица труды свои весьма законно, и съ не малою пользою употре-

употребляли. То безцѣнное время, которое онѣ на уборы свои теряютъ, великія имъ предъ судомъ *Божїимъ* упреканія учинитъ. И о мужескихъ персонахъ въ свѣтскія дѣла безвременно и не разсудно вдавшихся, а должность служенія своего *Богу* почти совсѣмъ забывающихъ, власно то же сказать можно, что и о женскихъ лицахъ. Какъ нѣкотораго статскаго Министра отъ дѣлъ уволивши, на покой отпустили, то онъ сїе за обиду себѣ причитая, такое гордое слово сказалъ: Я Королямъ по крайней моей возможности служилъ, а они меня теперь на покой посылаючи, велятъ о спасенїи души моей попеченїе имѣть. Сей надъ мѣру хитрой политикъ то за нещастїе себѣ признавалъ, что ему за крайнюю отъ *Бога* милость почитать надлежало: но онъ того забыть не могъ, что его отъ двора по неволѣ отдалили, лишивши перваго достоинства въ государствѣ, важнѣйшаго честью и доходами. Не только знатнѣйшїя достоинства, но и самые престолы со скипетромъ человѣка отъ нещастїя укрыть не могутъ. Іродъ, владѣтель Іудейской, внукъ Ірода великаго, велѣлъ посадить Святаго Апостола Петра въ темницу съ такимъ намѣренїемъ, чтобъ его убить для безмѣрнаго учтивства къ Жидамъ. Сей Принцъ убравшись во всю царскую одежду, и сѣвши на престолъ, сталъ къ народу съ такимъ сладкорѣчїемъ и величествомъ рѣчь свою править, что всѣ единогласно сказали: Самъ

Богъ

Богъ усты его глаголетъ. Но тогожъ часа Ангелъ Господень ударилъ сего Ирода за то, что онъ не далъ славы *Богу*, а притомъ злое и грѣшное намѣреніе принялъ о гоненіи и умерщвленіи слугъ и Апостоловъ Христовыхъ. Сей-то безщастной владѣтель нѣсколько дней послѣ того спустя, отъ червей будучи съѣденъ умеръ, а ужасной примѣръ смерти его, подобныхъ ему Принцовъ и славныхъ земли страшнымъ примѣромъ учитъ, всегда покорятся подъ ту крѣпкую руку *Божїю*, отъ которой они всю власть и силу свою получили. Ни одинъ человѣкъ постояннаго и всегда равнаго благополучїя уповать неможетъ. Самое искусство [практика] намъ сїе кажетъ, какъ бы человѣкъ изрядно и разумно мѣры свои ни бралъ, только оныя отъ такихъ нечаянныхъ случаевъ пропадаютъ, которыхъ человѣческая мудрость предвидѣть и отвратить не можетъ. Буде же успѣхъ намѣренныхъ дѣлъ съ желанїемъ нашимъ несходенъ, то терпѣнїе отъ сего кратчайшая и лучшая оборона. Намѣренїя наши часто опровергаются завистью и коварными происки враговъ, а притомъ нерадѣнїемъ друзей, также холодностью сродниковъ и неусердїемъ друзей нашихъ, или уже развращенною отвагою собственныхъ предложенїй нашихъ. Можетъ статься, что о нещастїи своемъ жалующїеся ни на кого кромѣ себя жалобы приносить, а сїе злоключенїе собственному неразумїю приписывать должны. Не всегда

сїе

сїе случается, что дѣла человѣческїя отъ непрїятелей портятся; но болѣе то бываетъ, что люди свои интересы и намѣренїя собственнымъ дерзновенїемъ и наглостью портятъ. Какїя бы злощастїя истинному Христїянину и честному человѣку ни случились, только онъ на провидѣнїе *Божїе* никогда и ни въ чемъ не жалуется. Сей добродѣтельной человѣкъ со благодаренїемъ признаваетъ, что промыслъ *Божїй* о немъ со всякимъ милосердїемъ и справедливостїю печется; а ежелибъ *Богъ* по множеству беззаконїй нашихъ съ нами поступилъ, тобъ мы несравненно большихъ наказанїй достойны были. Этотъ добросовѣстной Христїянинъ ни на какомъ временномъ благополучїи надежды своей не утверждаетъ, подлинно вѣдая, что все видимое исчезая, въ ту не измѣримую пучину вѣчности уходитъ, гдѣ милїоны лѣтъ предъ очами *Божїими* за единое мгновенїе ока почитаются. Сїе основательное мнѣнїе приноситъ ему не пристрастное разсужденїе о видимомъ, и презиранїе всего, что на свѣтѣ съ человѣческою жизнью кончится. Для сего-то истинной Христїянинъ ничего кромѣ вѣчнаго не почитаетъ и не ищетъ. Ему сїе извѣстно, какъ богатство со всѣмъ, что драгоцѣннаго на свѣтѣ ни есть, человѣка въ разслабленїи, или въ сонной болѣзни содержитъ. Можетъ быть, что богачи такою ложною надеждою себя прельщаютъ, будто *Богъ* ни худа, ни добра имъ не здѣлаетъ. Они себя ни малаго

веселїя

веселія лишать не допускаютъ, хотя имъ запрещенія и заповѣди *Божія* довольно извѣстны, которыя эти миліонщики для тлѣнныхъ тварей оставляютъ. Но тѣжъ самыя вещи, которыя были причиною грѣховъ ихъ, потомъ будутъ виною мукъ и раскаянія сихъ людей. *Божію* закону противныя, и онымъ запрещенныя забавы съ роскошьми, ласкаючи развращенную и жадную ихъ волю, всегда сихъ людей, власно какъ пьяными творятъ, а грѣшной жажды ихъ никогда не утоляютъ, и погасить не могутъ. Какъ велико будетъ отчаяніе со страхомъ ихъ, когда увидятъ, что они безконечное и неизреченное блаженство для бездѣльныхъ и суетныхъ вещей потеряли. Уснуша сномъ, [глаголетъ Псалмистъ] и ничтоже обрѣтоша мужіе богатства въ рукахъ своихъ. Не безъ причины Богоотецъ и Пророкъ Давидъ жизнь ихъ сну уподобляетъ. Человѣку часто во снѣ видится, будто онъ множество золотыхъ и серебреныхъ монетъ нашелъ. Сіе привидѣніе спящему человѣку не малую радость причиняетъ; но какъ проснется, то ни полушки въ рукахъ своихъ не видитъ, а слѣдственно все сіе мечтаніе исчезаетъ. Тожъ власно и надъ такими людьми дѣлается, которые въ свѣтѣ щастливыми себя почитаютъ. Жизнь ихъ подобна сну, нѣсколько дней продолжающемуся: но смерть все сіе привидѣніе прогоняетъ, богатство ихъ исчезаетъ, а они сами въ землю и въ пепелъ обращаются. Самые отчаянные грѣшники препроводивши лучшую

шую часть своего времени въ запрещенныхъ забавахъ и въ чувственныхъ роскошахъ, по примѣру не смысленныхъ скотовъ, и потерявши всѣ свои труды на сниканіи земныхъ удовольствъ, при концѣ жизни своей узнаваетъ, что они отъ пути правды удалились. Тутъ уже умными глазами души своей ясно усмотрятъ, какъ все то сонное привидѣніе было, что они на свѣтѣ въ рукахъ своихъ имѣвши, за истинное благо напрасно почитали. Тѣ одни подлинно и совершенно благополучны, которые къ *Богу* щастливымъ возвращеніемъ приходятъ, узнавши безполезность всѣхъ трудовъ своихъ, которыми они свѣту угодить старались, и только о томъ искренно жалѣютъ, что дорогое время своей жизни такъ худо препроводили. Щедрый Творче и Господи! Просвѣти насъ свѣтомъ Твоея истинны! Да познаемъ суету и непостоянство вещей человѣческихъ. Ты благоволилъ обѣщать всѣмъ тѣмъ благословеніе Твое, которые на земли не ищутъ утѣшенія себѣ. Ты обѣщалъ утѣшить плачущихъ, а изгнаннымъ правды ради даровать небесное Твое царствіе. Умертви, [молимъ Тя] плоть нашу со страстьми, съ похотьми, и со всѣми душамъ нашимъ вредными желаніи маловременнаго и тлѣннаго. Да презря ложная свѣта сего благая, подверженная грѣхамъ и непостоянству, а за тѣмъ погубляющая владѣющихъ и наслаждающихся ими, сподобимся не кончаемой

мой жизни у Тебе Создателя и *Бога* нашего. Помози Всещедрый Владыко! Да сподобимся вѣчныхъ Твоихъ благъ съ не кончаемою у Тебе присносущнаго Свѣта и Бога нашего жизнію!

ГЛАВА ВТОРАЯНАДЕСЯТЬ.

О ЩАСТІИ И НЕЩАСТІИ.

По объявленіи непостоянства и тлѣнности вещей человѣческихъ весьма мало къ тому надежды, чтобы человѣкъ истинное себѣ благополучіе на землѣ найти могъ. Однако простые люди о щастіи и о нещастіи весьма худо разсуждаютъ. Мнѣніе такъ ихъ обманываетъ, что они все то за благо почитаютъ, чѣмъ самолюбіе ласкается, а именно: тщеславіе, да честолюбіе. То за истинное зло признаваютъ, что вожделѣніямъ противно, а въ наслажденіи страстьми человѣку мѣшаетъ. Истинное благополучіе плодомъ худой жизни, или злыхъ дѣлъ быть не можетъ. Которые люди дѣйствительнаго исполненія намѣреніямъ своимъ желаютъ, а для того злостямъ своимъ послѣдуя, всякія неправды и беззаконія дѣлаютъ, тѣ истиннаго благополучія достигнуть, и онымъ наслаждаться не могутъ. Одинъ только истинной Христіянинъ и честной человѣкъ правиламъ сущей правды во всемъ и не отмѣнно послѣдуя, всему свѣту справедливость

отдаетъ; а противъ доброй совѣсти, (которыя одна совершеннымъ брагополучїемъ наслаждается) ничего предпринимать не отваживается. То больше всего людей обманываетъ, что они свое щастїе на одномъ временномъ утверждаютъ, а далѣе ни о чемъ не думаютъ. Тѣмъ только довольствуются, когда дѣла свои нѣсколько въ порядокъ приведутъ, а страсти съ вожделѣнїями исполнить могутъ. Ни для великаго щастїя на свѣтѣ, ни для собранїя погибающаго богатства, ни ради утвержденїя вѣчнаго жилища на земли Отецъ Небесный насъ по образу и по подобїю своему не сотворилъ. Все сїе не достаточно, и препятствуетъ блаженству душъ опредѣленныхъ къ полученїю царствїя небеснаго. Мы не для свѣта рождены; а свѣтъ сей употребляемыхъ на него трудовъ и суетъ съ безпокойствомъ душевнымъ для того не достоинъ, что человѣкъ еще не вѣдаетъ, какой отъ сихъ трудовъ успѣхъ будетъ. Ежели посовѣтовать со здравымъ и просвѣщеннымъ разумомъ, то человѣкъ, имѣющїй чѣмъ по чину и состоянїю своему жить, всегда доволенъ быть, а желанїя свои всѣми силами воздерживать долженъ. Все достальное въ опасное излишество обращается, а трудовъ и попеченїя умножаетъ. Нужное намъ весьма не много мѣста занимаетъ. Почто человѣку безчисленные труды прилагать о собранїи богатства, безъ котораго ему прожить можно? Намъ уже довольно

извѣстно,

извѣстно, что богатство истинному Христіянину и честному человѣку совершеннаго благополучія и спокойства не приноситъ, и принесть не можетъ. Не минуемому пути смерти и преселенія въ вѣчную жизнь надлежало всѣ наши труды и попеченія о временномъ отмѣнить. Ежели о томъ съ прилѣжаніемъ подумать, что намъ весьма краткое время на свѣтѣ жить, а потомъ мы или въ безконечную жизнь, или въ муку вѣчную опредѣленны, смотря по тѣмъ злымъ, или по добрымъ дѣламъ, которыя мы въ жизни своей учинили, то человѣку все едино и весьма безпристрастно будетъ: какъ бы сію маловременную и бѣдственную жизнь ни препроводить, только бы вѣчнаго блаженства не лишиться. Такимъ-то образомъ истинной Христіянинъ и честной человѣкъ умно разсуждаетъ, и съ симъ премудрымъ мнѣніемъ чрезъ всю свою жизнь сходно поступаетъ. Но простые о истинномъ благополучіи яснаго понятія не имѣющіе люди доброе съ худымъ смѣшали. Они больше всего о временной жизни пекутся. Кромѣ нажитку, кромѣ строенія дому, и кромѣ приведенія себя въ доброе состояніе, ни о чемъ другомъ не говорятъ, власно какъ бы сія на свѣтѣ жизнь безконечая была, а о будущемъ и не думаютъ. Сіе и браніе худой части происходитъ отъ погрѣшенія во мнѣніи, и отъ недостатку практики, то есть, дѣйствительнаго искусства, а не отъ разсужденія. Ниодного такъ безумнаго че-

ловѣка нѣтъ, которой бы себя безсмертнымъ почиталъ. Всѣ мы это знаемъ, что на смерть родились, и всякому изъ насъ умереть должно. Хотя всякой день видимъ, какъ люди мрутъ; однако такъ дѣлаемъ, и мыслимъ, какъ бы намъ никогда не умирать, и будто кромѣ настоящей, никакой другой жизни нѣтъ. Это весьма не умное дѣло, чтобъ человѣку всѣ свои намѣренія съ желаніями на одно видимое и только на временную жизнь устремлять; а сами видимъ, сколь она кратка, да притомъ еще разными бѣдами и нещастіями наполнена. Всякое на свѣтѣ добро не только со зломъ смѣшено, но желчью и горестью разныхъ бѣдъ растворено. Богоотецъ и царствующій Пророкъ о грѣшныхъ людяхъ сіе говоритъ: человѣкъ яко трава, дніе его яко цвѣтъ сельный, тако оцвѣтутъ. Яко духъ пройдетъ въ немъ, и не будетъ, и не познаетъ къ тому мѣста своего. А о праведныхъ такъ пишетъ Праведникъ: яко финиксъ процвѣтетъ, и яко кедръ, иже въ ливанѣ умножится. Милость же Господня отъ вѣка и до вѣкъ на боящихся его, и на помнящихъ заповѣди его творити я: Первые щастливы временнымъ благополучіемъ, то есть, богатствомъ и всякимъ земнымъ изобиліемъ. Цвѣтущая ихъ фамилія показываетъ великолѣпіе и славу дому ихъ. Во временномъ благополучіи ихъ по видимому никакого недостатку нѣтъ. Всего у нихъ много, всѣмъ спокойно наслаждаются,

ждаются, никто и ни въ чемъ имъ не препятствуетъ, и ни чѣмъ ихъ озлобить не смѣетъ. Въ томъ-то, по мнѣнїю свѣтскому, совершенное благополучїе состоитъ. Сей прелестной видъ причиняетъ зависть въ любителяхъ свѣта, которые по однимъ только чувствамъ поступаючи, ничего кромѣ временныхъ благихъ въ дѣло не ставятъ, а Духомъ Святымъ просвѣщенный Христїянинъ и честной человѣкъ по примѣру Давидову, весьма противное сему мнѣнїе имѣетъ. Онъ своего благополучїя во владѣнїи золотомъ и серебромъ не полагаетъ, но на единомъ служенїи *Богу*, также на повиновенїи святой Его волѣ и заповѣдямъ вѣчно утверждаетъ, а притомъ спокойство совѣсти и упованїе вѣчнаго блаженства за крайнее и всесовершенное благополучїе себѣ почитаетъ. Тотъ же добросовѣстной Христїянинъ и честной человѣкъ о доли своей не жалуется, въ какомъ бы состоянїи ни былъ. Много такихъ безпокойныхъ людей, которые на провидѣнїе *Божїе* безпрестанно жалуются, и о томъ ропщутъ, за чѣмъ они на свѣтъ родились. Мы видимъ изрядные каменные и деревянные домы съ великолѣпными уборами, богатыя вотчины, и многолюдныя деревни, только все это глаза наши прельщающая наружность. А внутренняя печаль, ссоры и несогласїя домашнїя не даютъ человѣку симъ отъ свѣта завидимымъ благополучїемъ въ покоѣ наслаждаться. Суета и тлѣнность временныхъ благихъ также власно души не насыщаетъ,

щаетъ, какъ малой кусокъ хлѣба великой алчбы такого человѣка не утолитъ, которой недѣлю не ѣлъ, или какъ одна капля воды тому, кто пять или шесть дней не пивалъ. Сими обѣими способы алчба и жажда человѣческая только болѣе умножится, а не утолится. Гдѣ совершеннаго спокойства нѣтъ, тамъ истиннаго благополучія найти, и онымъ наслаждаться не возможно. Въ такомъ состояніи всѣ тѣ грѣшники находятся, которые для преданія себя страстямъ и вожделѣніямъ своимъ крайняго благополучія отреклись. Они богаты, а безщастны, всѣмъ изобильны, а не довольны. Природное ихъ безпокойство и безъ всякой причины приходящая на нихъ печаль съ неудовольствомъ главная тому вина, что они на долю свою жалуются, а чужому щастію безпрестанно завидуютъ, сами не зная чего желаютъ. Въ какомъ бы кто знатномъ достоинствѣ и въ щастіи ни родился, однако всякой человѣкъ о неудовольствѣ жалуется, и самъ себѣ нещастіе какъ можно вымышляетъ. Кто хочетъ въ щастьѣ и во удовольствѣ жить, тому надобно знать, какъ свои желанія воздерживать, а собственныя пользы на службу себѣ употреблять. На семъ основаніи философъ Діогенъ разсужденія свои въ то время утверждалъ, когда представленной ему отъ Царя Александра Македонскаго великой суммы денегъ не принявши, съ презрѣніемъ сказалъ: Можетъ ли все твое богатство съ сокровищами хотя малое что

къ моему благополучїю прибавить? Я доволенъ, и ничего не желаю. Подлинно! Одни только не порядочныя прихоти, да вожделѣнїя бѣднаго человѣка не спокойнымъ и безщастнымъ творятъ. Умной и посредственнымъ состоянїемъ своимъ довольной человѣкъ находитъ свое благополучїе въ безпристрастїи, а потомъ въ спокойствѣ духа и совѣсти его. Богатства, штатскихъ дѣлъ и чести ненасытно жаждущїя, а приращенїя государственныхъ зборовъ для собственной корысти непрестанно алчущїя души правды сего нравоученїя не много вкусятъ. Оно имъ для того не покажется, что эти господа кромѣ золота, серебра, и кромѣ алмазовъ ни въ чемъ благополучїя не признаваютъ, а ради полученїя сихъ вещей на все въ свѣтѣ отваживаются. Вопреки сему истинной Христїянинъ и честной человѣкъ подлинно о томъ увѣренъ, что никакого великаго щастїя нарушенїемъ правды и доброй совѣсти искать не надобно. Онъ за сущую истинну вѣдаетъ, что все земное тлѣетъ, и на подобїе дыму весьма скоро исчезаетъ. Вѣтромъ смѣтается какъ пыль, и на подобїе сонпаго привидѣнїя совсѣмъ пропадаетъ. Тотъ человѣкъ весьма щастливъ и довольнымъ быть долженъ, въ какомъ бы чинѣ и состоянїи ни былъ, кто по истиннѣ сказать можетъ: Я богатства не ищу, посредственнаго чина и состоянїя не боюсь, жизнь и смерть мнѣ все едино, а неправдою никакого себѣ щастїя искать не желаю. Въ нѣко-

которыхъ чинахъ, также при великихъ лицахъ обрѣтающіеся, и имъ важныя услуги оказывающіе люди, могутъ иногда отъ своихъ трудовъ и отъ знанія въ обхожденіи пользу получить, ежели только законной нажитокъ получать будутъ. Но сіе искушеніе весьма нѣжное, чтобы человѣку чужое имѣніе почти въ своихъ рукахъ держать, а притомъ разными неправдами и грабленіемъ не набогатиться. Кто такія мнѣнія имѣя, надѣется на богатство, собранное запрещенными и не праведными способы, тотъ весьма обманется. Хотябъ они это передъ всѣмъ свѣтомъ утаить и могли, только передъ собою и передъ своею совѣстью никогда не утаятся. Она ихъ со временемъ конечно угрызать будетъ. Какъ человѣку принимать участіе въ свѣтскихъ радостяхъ, ежели онъ *Богу* противныя дѣла и великіе грѣхи здѣлалъ? Какъ тому дѣтскими забавами, да играми веселиться, кто внутренне чувствуетъ такія за собою преступленія, которыя вѣчнаго наказанія достойны; и подлинно еще не знаетъ, принялъ ли *Богъ* его покаяніе, или отвергъ! Какъ тому о щастіи и о дальнихъ проэктахъ думать, кто прогнѣвавши *Бога*, собою не доволенъ, а въ совѣсти и въ душѣ своей не спокоенъ? О семъ ложномъ на земли благополучіи непрестанно мыслящій человѣкъ толь сильно ко оному привязывается, какъ бы кромѣ сего маловременнаго пребыванія инаго жилища не было: а того не помнитъ

и не смыслитъ, что онъ къ наслажденію вѣчнымъ блаженствомъ устроенъ. Сіе-то единымъ его намѣреніемъ быть долженствуетъ. Разные степени чести и внѣшнія достоинства, отдѣляющія знатныхъ персонъ отъ простыхъ людей, одни только маловременныя, и такъ тщетныя преимущества, которыя истиннаго человѣку благополучія за тѣмъ утвердить не могутъ, что больше и далѣе настоящей жизни ни чѣмъ не продолжаются. Смерть все сіе опровергая, и перваго Министра съ простымъ человѣкомъ рявняетъ. До пришествія Христа Спасителя на землю, почти всѣ Евреи убожество за безчестное и безчестнѣйшее состояніе почитали, а всѣхъ бѣдныхъ людей въ крайнемъ презрѣніи имѣли. Но Спаситель міра сіе ложно затвердѣлое мнѣніе ихъ собственнымъ примѣромъ и святымъ ученіемъ своимъ упразднивши, глаголетъ: Блажени нищіи духомъ, яко тѣхъ есть царство небесное! Только свѣтскимъ, а особливо богатымъ людямъ сіе блаженство не очень вкусно. Богатство какъ маловременная и скоро гибнущая вещь истиннаго человѣку благополучія принесть не можетъ, кромѣ того, что природное наше безпокойство не даетъ человѣку вкушать сладости тихаго и спокойнаго житья, но принуждаетъ бросаться за другими, и такими вѣтреными вещьми, которыя сами отъ него бѣгаютъ, а человѣкъ ни въ какомъ

состоянїи найти ихъ не можетъ. Хотя на высочайшихъ ступеняхъ свѣтскихъ достоинствъ стоящїе, больше, лучше и честнѣе себя никого ни ставятъ; однако единое мгновенїе ока все сїе глаза ослѣпляющее сїянїе вдругъ помрачаетъ. Тотъ человѣкъ на топкомъ и зыблющемся болотѣ, не выкопавъ напередъ до подошвы, то есть до твердой земли, каменныя палаты строитъ, кто не призвавъ *Бога* въ помощъ, и безъ Его благословенія о своемъ щастьѣ денно и ночно печется. Прелестнымъ и маловременнымъ благополучїемъ напрасно себя ласкающїе любители свѣта, непрестанно о томъ думаютъ, какъ бы свое щастье отъ часу болѣе умножить, только часто сїе видѣть принуждены, что всѣ ихъ труды и старанїя въ дымъ обращаются. Когда щастїе человѣку служитъ, и все по его желанїю идетъ, въ тѣ поры ему самаго себя наиболѣе беречься должно. Что больше свѣтъ сей насъ возведетъ и возвыситъ, тѣмъ болѣе намъ себя унижать и смирять надлежитъ, и въ тѣхъ границахъ оставаться должно, которыя намъ скромность и Христїянское смиренїе праведно предписываетъ. Человѣкъ въ великомъ щастьѣ скоро себя забываетъ, которое обыкновенно гордость производитъ, а подлѣйшихъ чинами и меньшихъ насъ въ щастїи людей презирать велитъ. Ежели по свѣтскому мнѣнїю щастливыми себя почитающїе люди заповѣданными

и *Богу* противными способы сего маловременнаго благополучія достигли, что они совершеннымъ спокойствомъ наслаждаться, а въ совѣсти своей довольны быть не могутъ. Каковобъ велико щастіе грѣшныхъ ни казалось; каковобъ велико имѣніе съ богатствомъ ихъ ни было, и какъ бы свѣтъ сей благополучными ихъ ни почиталъ, только истинной Христіянинъ и честной человѣкъ внѣшнему ихъ щастію завидовать не долженъ, подлинно вѣдая, что они первая причина *Божія* и человѣческаго презрѣнія. Между тѣмъ ежедневные примѣры намъ показываютъ, что грѣшники живутъ во всякомъ изобиліи и въ довольствѣ, посреди многочисленной и богато снабдѣнной фамиліи, а при смерти ихъ никакой чрезвычайной перемѣны не видно, также ни малаго знаку гнѣва и мщенія *Божія* нѣтъ. Сіе великое долготерпѣніе *Божіе* подаетъ имъ причину къ такому ложному разсужденію, будто *Богъ* неправдъ и грѣховъ человѣческихъ не мститъ, и за нихъ не гнѣвается. Но того бѣдные люди не вѣдаютъ, что *Богъ* милосердый, и симъ долготерпѣніемъ своимъ грѣшниковъ на покаяніе ведетъ, а обращенія ихъ человѣколюбно ожидаетъ. Буде же не обратятся, то долго, или коротко, а всеконечно ихъ накажетъ. Святое Писаніе объ иномъ наказаніи объявляетъ, которое не меньше сего жестокости въ себѣ имѣетъ, хотя не такъ чувствительно. *Богъ* забывая

бывая оставляетъ милостью своею такого грѣшника, которой всю свою надежду на временное благополучіе положилъ; а для того ему всѣ добрыя дѣла со исполненіемъ заповѣдей *Божіихъ* весьма противны. Человѣколюбивый Создатель допускаетъ сему грѣшнику окаменѣвать во грѣхахъ своихъ; а хотя нѣкоторыя его дѣла видъ добродѣтели на себѣ имѣютъ, однако къ дѣйствительному спасенію души весьма безполезны. Хотя сіе наказаніе за наибольшее дѣйство праведнаго гнѣва *Божія* на грѣшниковъ, полагающихъ надежду свою во временномъ по справедливости почтено быть можетъ, только оно сихъ людей не всегда въ совершенное чувство и въ праведную печаль о грѣхахъ ихъ приводитъ. Къ возбужденію сихъ грѣховныхъ сномъ спящихъ беззаконниковъ отъ ихъ чрезмѣрнаго самолюбія весьма иные гораздо чувствительнѣйшіе и большее дѣйство производящіе способы надобны. Самое искусство за подлинно сіе подтверждаетъ, что богатые (по свѣтскому мнѣнію щастливѣйшіе) люди не всегда добродѣтельнѣйшіе бываютъ, для того что богатство подаетъ имъ способъ къ исполненію всей ихъ злой воли, также къ произведенію всякихъ прихотей и замысловъ со злыми желаніями въ дѣйство, каковыбъ оныя ихъ намѣренія худы ни были. Оперы, забавы, сладкія ѣствы, комедіи, балы, и другія премногія веселія нераздѣльно соединены съ великимъ щастіемъ. Въ томъ-то

единомъ

единомъ любители свѣта мнимое благополучїе и удовольство свое полагаютъ. Добродѣтель въ такихъ увеселенїяхъ скоро теряется, а сердце человѣческое язвою разныхъ страстей заражено бываетъ. Никогда Христїяне въ вѣрѣ своей такъ крѣпки а ко исполненїю должности своей толь ревностны и усердны не бывали, какъ во время гоненїя. Какъ же скоро церковь Христова тишину и спокойство себѣ получила, то поврежденїе въ людей немедлѣнно вошло. Лѣность, разслабленїе, склонность къ покою и гулянїю всякому человѣку природны и свойственны, а естественная слабость наша къ роскошамъ и забавамъ не чувствительно насъ влечетъ, ежели какая важная вещь и причина человѣка не возбудитъ и не ободритъ. Для сей-то важной вины слуги *Божїя*, по мнѣнїю свѣтскому, не такъ щастливы. *Богъ* веденъ ихъ жестокою и трудною дорогою ко спасенїю, также ко удостоенїю того истиннаго и вѣчнаго благополучїя, къ которому они по Его святой волѣ отъ сложенїя мїра опредѣлены. Спокойная, всѣмъ довольная и прїятная жизнь, по мнѣнїю свѣта, щастливыхъ людей чрезъ мѣру къ земному привязываетъ, а добродѣтель ихъ въ забавахъ и веселїяхъ такъ власно, какъ сахаръ, или соль въ водѣ таетъ. Но о поступкѣ избранныхъ своихъ непрестанно бдящїй *Богъ* принуждаетъ ихъ думать о небесномъ, наложенїемъ креста, съ разными скорбьми и печальми, которыми ихъ Творецъ

Всемогущї

Всемогущій отъ свѣта съ прелестьми его отечески отвлекаетъ. *Божіимъ* провидѣніемъ все учреждено. Добрые и худые успѣхи наши суть дѣйствія не постижимаго разума и благости Вышняго. Кто хочетъ узнать причину приходящихъ ему на свѣтѣ злыхъ и добрыхъ случаевъ, тому надобно до глубочайшаго источника, то есть, до *Бога* восходить. Нещастіе людей добродѣтельныхъ также отъ *Бога* опредѣлено, и отъ Него приходитъ какъ наказаніе грѣшнымъ. Только эти наказанія въ сердцахъ добрыхъ и злыхъ людей весьма различныя дѣйства производятъ. Добрые люди своимъ нещастіемъ пользуются чрезъ то послушаніе и терпѣніе, съ которымъ они сіе отъ руки *Божія* посылаемое наказаніе принимаютъ; а злые и грѣшники отъ нещастія въ большее ожесточеніе и въ роптаніе приходятъ. Едваль не у всѣхъ у насъ такой обычай, что мы въ щастіи и въ довольствѣ о будущемъ не думаемъ. Хотимъ наслаждаться видимымъ и настоящимъ, а притомъ къ покою и удовольствіу своему способнаго времени отнюдь не упускаемъ. До наступленія бѣды, или нещастія никакое здравое разсужденіе въ голову намъ не входитъ. Велико сіе безпокойство и крайняя тягость человѣку, ежели кто въ щастьѣ и во изобиліи ихъ о вѣчности имъ напомнитъ. Ежелибъ мы истинное наше благо знали, тобъ по мѣрѣ того свидѣтельства радовались, которое намъ добрая совѣсть о

вѣрности

вѣрности нашей къ *Богу* блаженнымъ увѣреніемъ приноситъ. Къ единому земному прильнувшіе тому только радуются, ежели великую прибыль получатъ, ежели въ высокое достоинство ихъ произведутъ, и когда свѣтскія ихъ дѣла щастливое теченіе имѣютъ. А кто лживость, непостоянство, маловременность и ничтожество сего скоропреходящаго благополучія знаетъ, тѣ люди ни о чемъ, кромѣ ожиданія вѣчнаго блаженства не радуются. У кого сердце чисто, а совѣсть ни въ чемъ ему не зазритъ, тотъ великимъ спокойствомъ и такою тишиною одаренъ, которой никакія, по свѣтскому разсужденію щастливыя и безчисленнымъ богатствомъ изобилующія персоны не имѣютъ. Возложенная добродѣтельныхъ людей надежда на *Бога* во всемъ ихъ утѣшаетъ и содержитъ, хотябъ весь свѣтъ ихъ оставлялъ. Сей премудрый Податель, и о малѣйшихъ птицахъ пекущійся милосердый Творецъ, не можетъ забыть вѣрныхъ, и всю свою надежду на Него возложившихъ слугъ, которые, кромѣ вѣрнаго Ему служенія, ни какого инаго благополучія не знаютъ. Когда Христосъ Сынъ Божій пятью хлѣбами и малымъ числомъ рыбъ пять тысячь человѣкъ со излишествомъ остатковъ насытилъ, въ то время весь свѣтъ сему чудеси удивился; а нынѣ неусыпнымъ трудамъ промысла и попеченія *Божія* не только о родѣ человѣческомъ, но и о всѣхъ животныхъ никто не чудится. Сколько такихъ людей есть,

которые безчисленныхъ благодѣяній *Божіихъ* не чувствуютъ, и объ оныхъ не мыслятъ; но грѣшно, и ложно думаютъ, будто *Богъ* всѣ сіи благодѣянія имъ чинитъ, и всежелаемое ими подавать долженъ. Получаемую отъ *Бога* пищу и питье безъ всякаго благодаренія Творцу и Подателю своему какъ скоты употребляютъ, а за столъ садятся и потомъ изъ-за стола встаютъ не призвавши пресвятаго имени Божія, и не воздавъ благодаренія за полученіе отъ Него земныхъ благъ и щедрыхъ даровъ. Сія неблагодарность пресѣкаетъ источникъ благодѣяній *Божіихъ*, а вѣрнымъ и благодарнымъ людямъ всещедрый Творецъ отъ часу большія благодѣянія милосердо являетъ. Пророкъ Іеремія много плакалъ о непрестанныхъ горестяхъ и о безконечныхъ гоненіяхъ на весь народъ Израильской. А *Богъ* для утоленія жалобъ и слезъ его сему Пророку сказалъ: Разсуди пространство Іерусалима, разсмотри, и прилѣжно ищи вездѣ. Найдешь ли одного праведнаго и вѣрнаго мнѣ человѣка, и я помилую его. Сіи самаго *Бога* слова объявляютъ страшное заблужденіе народа Израилева, бывшаго въ тѣ времена. Не ужасноель это дѣло, что между цѣлымъ народомъ ниодного добродѣтельнаго человѣка найти было не возможно? *Богъ* къ показанію милосердія достойнымъ и добродѣтельнымъ людямъ всегда склоненъ. Ложное мнѣніе и прелестная въ томъ надежда грѣшниковъ,

будто

будто *Богъ* на беззаконія ихъ не смотритъ, и за грѣхи не казнитъ, подаетъ имъ смѣлость къ исполненію зла. Они это видятъ, что надъ ними такого начальника нѣтъ, которой бы о грѣхахъ и о предпріемлемыхъ ими противъ здраваго разума беззаконіяхъ отвѣта у нихъ спрашивалъ. *Богъ* ихъ отъ времени до времени разными образы наказываетъ для приведенія въ разумъ истинны и къ познанію должностей ихъ. Въ наказаніе имъ тѣжъ самыя вещи употребляетъ, которыя были случаемъ и причиною грѣховъ ихъ. Роскошное ихъ житіе есть виною многихъ болѣзней. Ежелибъ они не такъ богаты были, тобъ гораздо воздержнѣе жили, и такъ многихъ болѣзней не имѣли. Что не только многіе люди, но цѣлые домы, или фамиліи въ нещастіе приходятъ, тому учиненные ихъ грѣхи и неправды предъ *Богомъ* и предъ людьми главная причина. Хотя *Богъ* Адама на щастливую и спокойную жизнь сотворивши, во всемъ изобиліи посреди Рая вселилъ; однако какъ скоро сей первозданный человѣкъ согрѣшилъ, то всѣхъ сихъ пользъ лишившись, въ печальную, бѣдную и на многотрудную жизнь отъ *Бога* праведно осужденъ. Равнымъ образомъ цѣлые роды наказаны, и въ ту же бѣдность осуждены за такіе грѣхи, которые передъ свѣтомъ утаиваны, и съ крайнимъ прилѣжаніемъ скрываны были. Нарушеніе *Богу* обѣщанной и отъ Него узаконенной супружеской

екой вѣрности съ мужней, или съ женниной стороны учиненное, бываетъ главною причиною взаимнаго ихъ нещастія и проклятія *Божія*, которое за отцовы и за матернины грѣхи на дѣтей упадаетъ; а сему и дивиться нѣчего, по тому что законнымъ супружествомъ живущіе сами въ томъ виноваты. Они обидѣли ближняго разными неправдами, а имѣніе ихъ насильствомъ отняли, которое имъ же въ такое проклятіе обратится, что самихъ не только въ крайнюю нищету, но и въ вѣчную погибель приведетъ. Ежелибъ мы совѣсть свою прилѣжно разсмотрѣли, то можетъ быть, чтобы въ ней тайную причину нещастію своему нашли. Мы на все до службы *Божіей* касающееся безчувственными глазами смотримъ; а невоздержность приводитъ насъ къ дѣламъ противнымъ закону *Божію*. Ближній справедливо на насъ жалуется, а *Бога* объ отмщеніи неправдъ и обидъ нашихъ со слезами проситъ. Почтожъ намъ причинъ сокрушающаго насъ нещастія долго искать? Невѣрность, возмущеніе и презираніе закона *Божія* и нехраненіе святыхъ Его заповѣдей единое начало всѣмъ нашимъ бѣдамъ и злополучіямъ. Хотя творящіи злая свѣта ненавидятъ, и всегда тьмы ищутъ: но гдѣ такую темноту сыскать возмогутъ, которая бы человѣка отъ всевидящихъ очей *Божіихъ* укрыть могла? Мы бы отъ стыда не знали куда дѣваться, ежелибъ знат-

ныя и почтенія достойныя персоны насЪ вЪ томЪ застали, какЪ мы утаившись отЪ людей, и зашедши вЪ темноту, безчестія достойны дѣла дѣлаемЪ. А какое намЪ вЪ то время смятеніе и срамота со стыдѣніемЪ будетЪ, какЪ подробность худой жизни нашей передЪ глазами всего свѣта откроется? Но *БогЪ* не дожидаясь сей крайности, разными и нечаянными бѣдами праведный гнѣвЪ свой на грѣшниковЪ изліетЪ за прогнѣвленіе Его и за непокоривость ихЪ. Случающіяся человѣку нещастія сЪ бѣдами, болѣе за истинное дѣйство особливаго провидѣнія, нежели за наказаніе правосудія *Божія* почитать недлежитЪ: а сіе приходитЪ на показаніе человѣку чувствительнѣйшимЪ образомЪ суеты и уничтоженія вещей свѣтскихЪ сЪ непостоянствомЪ маловременнаго благополучія нашего. Есть такіе люди, которые безЪ всякой своей вины сЪ природы безщастны. Хотя они во всякія дѣла вступаются, и все то дѣлаютЪ, вЪ чемЪ человѣческая мудрость и помощЪ успѣхЪ подать можетЪ ко утвержденію щатія ихЪ; однакожЪ ни одно предпріятіе имЪ не удается, по примѣру знатнаго Офицера, которой Кесарю Римскому о томЪ жаловался, что хотя онЪ Императору и государству сЪ великимЪ усердіемЪ и ревностію нѣсколько лѣтЪ служилЪ, только ни однажды, и ни чѣмЪ не награжденЪ. Кесарь услышавЪ сію жалобу, приказалЪ наполнить двѣ баулы: одну желѣзомЪ, а

 другую

другую деньгами, и велѣлъ сему Офицеру любую баулу выбирать, не объявя того гдѣ серебро, и не показавъ другаго сундука, въ которомъ желѣзо было. Бѣдной Офицеръ, по природному своему нещастїю мимо денегъ ту баулу взялъ, которая желѣзными обломками наполнена была. Ежели думаешь, что ты безщастнѣе другихъ, а притомъ своею долею и состоянїемъ твоимъ не доволенъ, то о житьѣ бѣднѣйшихъ тебя разсуди. Буди на горестное состоянїе ихъ прилѣжно посмотришь, то увидишь, и самъ признаешься, что они въ сотеро безщастнѣе тебя. Невѣдомо по какому нещастью это дѣлается, что въ свѣтѣ больше безпокойныхъ, и своимъ щастїемъ не довольныхъ людей? Которые дѣлами утруждены, тѣ спокойной и тихой жизни желаютъ. Не богатые, и не весьма знатнаго чина люди богатымъ и великимъ всегда завидуютъ; а того не знаютъ, и не разсудятъ, какими великими безпокойствы и печальми эти богатыя и славныя персоны всякой часъ окружены. Какъ бы высоко фортуна человѣка ни возвела, только онъ еще выше того быть хочетъ а сїе границъ не знающее и весьма пагубное желанїе ни радостью, ни спокойствомъ человѣку наслаждаться не допускаетъ. Кой часъ ты самъ себѣ безщастнымъ покажешься, ту же минуту взгляни на бѣдныхъ, нищихъ и по улицамъ ходя милостыни просящихъ людей, (не упоминая тѣхъ, которые въ тюрьмахъ, да въ богодѣльняхъ;

богодѣльняхъ) ; то сїе плачевное ихъ состоянїе всѣ твои горести и печали утишитъ , а тебя въ тихое и спокойное состоянїе приведетъ. Понеже тебя природа нагаго на свѣтъ произвела, то учись терпѣть бѣдность, а о нищетѣ не жаловаться. Отъ богатства и отъ высокихъ достоинствъ происходящее между людьми различїе есть дѣйство удачи, а не опредѣленїе природы. Всѣ люди равны родились, но токмо разные промыслы, а притомъ скупость и честолюбїе побудило многихъ къ покоренїю во власть свою подобныхъ имъ людей. Въ рожденїи, да въ другой смерти природа всѣхъ равняетъ. Хотя бѣдная и во всегдашнихъ трудахъ состоящая жизнь человѣку и прискорбна , только она подаетъ великой способъ къ скорѣйшему полученїю царства небеснаго , ежели только человѣкъ это житье терпѣливно снести, доброе изъ него употребленїе здѣлать можетъ ; а къ произведенїю сего употребленїя въ дѣйство больше терпѣливости , и кромѣ совершеннаго себя покоренїя *Богу* ничего инаго не надобно. Кто отъ нетерпѣливости о своемъ состоянїи ропщетъ, тотъ сими безпокойными движенїями ничего не здѣлаетъ же, только что болѣзнь и печаль свою больше умножитъ, а терпѣнїя, какъ главной въ такихъ случаяхъ добродѣтели, совершенно не окончаетъ. Велика сїя мудрость, что можетъ тѣ бѣды и злополучїя свои на добро употребить , которыя на него отъ *Бога* посылаются. *Богъ* на человѣка

ловѣка не для того печали наводитъ, чтобъ его безщастнымъ здѣлать: но въ томъ единомъ намѣренiи сiе творитъ, дабы человѣка добродѣтельнѣйшимъ, а въ своей должности отъ часу лучшимъ и ревностнѣйшимъ учинить. Такiе случаи надобно великодушно и здравымъ разумомъ сносить, а лучшее и скорѣйшее всего лекарство за *Бога* взявшись, ревность свою къ молитвѣ и къ служенiю Его отъ часу умножать. Когда человѣку покажется, будто онъ совсѣмъ пропалъ, и будто всѣ его оставили, въ тѣ поры щедрая десница *Божiя* посреди бѣдъ и нещастiй его всемогущею силою своею не постижимо содержитъ, и милостиво хранитъ. Не надобно послѣдовать слабости и малодушiю такихъ людей, которые и малыхъ тягостей свѣтскаго злополучiя снести не могутъ. Отъ сего туженiя сердце ихъ такою горестью наполнено, а душа толь великою болѣзнью сжата, что эти люди *Бога* напомнить, и Его всесильной помощи просить за тѣмъ не въ состоянiи, что *Бога* жестокимъ и не милостивымъ господиномъ признаваютъ, а имъ было по самой истиннѣ надлежало Его всещедрымъ себѣ Отцомъ и человѣколюбнѣйшимъ Благодѣтелемъ почитать. Хотя человѣческое сердце всегда новыми безпокойствы волнуется; но понеже человѣкъ новыми и по большей части безполезными надеждами себя ласкаетъ, то день отъ дня надѣется, авось-либо ему благополучнѣйшее время придетъ. Между тѣмъ

жизнь

жизнь наша вЪ такой суетѢ проходитЪ, что человѢкЪ дѢйствительнаго щастїя никогда не видитЪ. Но какЪ бы горестна и бѢдна жизнь наша ни была, одножЪ естественному человѢку такЪ прїятна, что онЪ ни для чего умереть не хочетЪ; а сїе весьма не понятно. Многїе сЪ сею обыкновенною несправедливостью весьма ложно думаютЪ, будто нѢкоторые люди всѢмЪ приходящимЪ на нихЪ бѢдамЪ и злополучїямЪ сами причиною, и никто кромѢ самихЪ ихЪ вЪ томЪ не виноватЪ. СимЪ не праведнымЪ образомЪ весь простой народЪ ложно разсуждаетЪ, а того не подумаютЪ, что все на людей приходящее перемѢннымЪ порядкомЪ опредѢлено; чего ради всякому изЪ насЪ подЪ крѢпкую руку *Божїю* смиренно покориться должно. Кто вЪ такой праведной мысли, и вЪ этомЪ ХристїянскомЪ намѢренїи всегда пребудетЪ, тому горчайшїе труды и нещастїе вмѢсто наложеннаго отЪ руки *Божїя* креста, Его же всесильною помощїю сладки и сносными учинятся. Лучшїй способЪ кЪ доброму употребленїю бѢдЪ и печалей свѢтскихЪ вЪ томЪ состоитЪ, чтобы человѢку вЪ вѢрѢ укрѢпиться. Она единая насЪ тому учитЪ, что все случающееся намЪ вЪ свѢтѢ по волѢ и повелѢнїю *Божїю* приходитЪ кЪ особливой пользѢ и кЪ собственному намЪ спасенїю, хотя мы вЪ то время противно сему думаемЪ, когда бѢды и нещастїя подлинно уже на насЪ придутЪ. ЧеловѢкЪ довольно и основательно того не

 знаетЪ,

знаетъ, какую свѣтскія бѣды и печали пользу ему приносятъ. Это трудное состояніе содержитъ человѣка въ смиреніи, а притомъ показываетъ, какъ нужна ему помощъ и милость *Божія*. Чрезъ то же человѣкъ отъ прелестнаго свѣта за тѣмъ болѣе отвлекается, что суетной свѣтъ сей ни помощи, ни утѣхи ему не приноситъ. Хотя правосудный *Богъ* добродѣтельныхъ людей въ печалѣхъ на время и оставляетъ, только напослѣдокъ всеконечно ихъ утѣшаетъ даннымъ имъ обнадеживаемъ, что труды и службы ихъ Ему пріятны; а въ упадокъ и въ тѣсное состояніе приводитъ ихъ токмо для опыту и очищенія добродѣтели, также для большаго прославленія той вѣрности ихъ, съ которою они въ совершенномъ терпѣніи святой Его воли и божественному провидѣнію всѣхъ себя предаютъ. Хотя мы сего не знаемъ, и понять не можемъ, однако вѣрить должны, что единымъ дѣйствомъ премудрости *Божія* и отеческой Его благости жизнь наша разными нещастливыми припадками наполнена бываетъ. Ежели бы все по нашему желанію дѣлалось, то бы мы истинная благая и спасеніе свое забыли: но *Богъ* съ нами другое, и весьма изрядно дѣлаетъ. Труды, печали и болѣзни приводятъ намъ свѣтъ сей въ омерзѣніе, а человѣка отъ міра сего отвлекая, къ *Богу* обращаютъ. Послѣ плѣненія въ Вавилонъ отведенные Израильтяне помня любезное отечество свое, а отъ варваръ жесто-

кое

кое утѣсненіе претерпѣвая, горькія къ *Богу* о избавленіи своемъ слезы проливали; а Богъ терпѣніе и молитву ихъ услышавъ, и потомъ изъ плѣна свободя, даровалъ имъ видѣть отчизну ихъ. Всегдашнее напоминаніе вѣчнаго намъ отечества небеснаго Іерусалима долженствовало насъ ко всему свѣтскому не чувствительными творить: но по особливому нещастію ссылка наша, то есть свѣтъ сей, лучше небеснаго царства намъ являючись, отнимаетъ у насъ должную о томъ память, что мы на свѣтѣ маловременные гости и бѣдные пришлецы. Злые и лукавые люди рѣдко безщастны бываютъ, но болѣе пронырствы и хитростьми своими добродѣтельныхъ людей утѣсняютъ. Эту свою злость больше черезъ безсильныхъ искателей милости ихъ въ дѣйство производятъ; а эти льстецы всѣми силами страстямъ ихъ угождаючи, для удовольствія мщенія ихъ безчисленныя неправды и обиды дѣлаютъ. Каковъ праведенъ Давидъ со Іовомъ ни былъ, только оба эти *Богу* угодные мужи о томъ жаловались, что они на свѣтѣ безщастны и гонимы были, а намъ грѣшникамъ что уже о себѣ и говорить? Но какъ бы человѣкъ по видимому безщастенъ ни казался; да ежели *Богъ* съ его сторону, то никакой бѣды ему не здѣлается, по слову Давидову: Господь помощникъ мой, не убоюся, что сотворитъ мнѣ человѣкъ. Когда *Богъ* человѣка какимъ

 -либо

либо способомъ опечалитъ, то сіе недовѣдомымъ путемъ къ егожъ собственному спасенію, во исполненіе святаго провидѣнія своего праведно дѣлаетъ, которому человѣкъ въ щастіи, или въ нещастіи своемъ всего себя предавши, долженъ того желать, что *Богу* угодно, и на что святая Его воля склонится. Симъ единымъ способомъ душу, совѣсть, и всю жизнь свою совершенно успокоитъ.

ГЛАВА ТРЕТІЯНАДЕСЯТЬ.

О БЛИЖНЕМЪ.

Для соединенія правилъ житія Христіянскаго съ правилами гражданскаго, или свѣтскаго житья, надлежитъ истинному Христіянину и честному человѣку въ разсужденіи ближняго своего исполнять премногія должности, которыя въ двухъ главныхъ пунктахъ состоятъ: 1. Дѣлать добро, когда можно; а имѣя способъ и силу въ рукахъ, никому зла не причинять. Первой законъ естественной правды повелѣваетъ: чего себѣ не желаешь, того другому не дѣлай. Сіе правило имѣетъ не опредѣленное пространство, и едва не всѣ должности житія гражданскаго въ себѣ содержитъ. Ежелибъ оное исправно хранить, тобъ никто про ближняго своего зла говорить не сталъ. Никтобъ чужаго имѣнія не отымалъ, и ни въ чемъ бы бли-

жняго

жняго не обижалъ, но всею бы силою и возможностью служить ему старался. Кромѣ законовъ человѣколюбія и естественныхъ благопристойностей единая Христіянская любовь сильно насъ обязуетъ къ благотворенію братіи нашей, къ храненію славы ихъ, а притомъ бы ничего такого не дѣлать, и не говорить, что ихъ опечалить, или уязвить можетъ. Правила житія гражданскаго въ этомъ пунктѣ съ правилами вѣры Христовой весьма сходны. Кто людей обидитъ, того *Богъ* за сію неправду самаго накажетъ безъ всякаго лицепріятія. Но Христіяне добродѣтель свою еще далѣе распространяютъ. Они не только никакой неправды самовольно не дѣлаютъ, но и зла за зло не воздаютъ, какое бы на нихъ гоненіе ни было. Но понеже знатнѣйшая часть людей самихъ себя больше нежели ближняго любятъ, то уже не такими глазами на тѣ обиды смотрятъ, которыя они людямъ дѣлаютъ, и отъ другихъ обратно получаютъ. За малѣйшую образу сильно гнѣваются, и въ крайнюю нетерпѣливость приходятъ; а о великихъ своихъ ближнему причиняемыхъ неправдахъ и крайнихъ обидахъ весьма не чувствительны. Интересъ помрачаетъ лучшія и самыя изряднѣйшія дѣла, а безкорыстная поступка наималѣйшія вещи возвышаетъ. Лучшее угожденіе людямъ состоитъ въ склонности къ благотворенію имъ. Токмо самолюбіе съ

желаніемъ

желанїемъ корыстей все портитъ, и добродѣтельнѣйшїе нравы сильно развращаетъ. Люди общую пользу скоро забываютъ, да больше о собственномъ интересѣ думаютъ. Въ томъ состоитъ склонность и политика Партизановъ, которые мало о томъ печалятся, что предлагаемые отъ нихъ совѣты премножество людей разоряютъ, только бы имъ свой интересъ поспѣшествовать. Слезы и воздыханїя убогихъ въ жалость ихъ не приводятъ. Эти господа на бѣдность меньшихъ себя безпристрастными глазами смотрятъ; да только о томъ стараются, чтобы самимъ какими нибудь способами поскорѣе набогатиться. Нравы сихъ людей состоянїю добраго гражданина, истиннаго Христїянина и честнаго человѣка весьма противны; а любовь ихъ къ ближнему такими узкими границами обведена, что далѣе самихъ и собственной ихъ фамилїи почти никогда не распростирается. Ревность и любовь ко отечеству съ любленїемъ общей пользы почитаютъ они не за сущую, но токмо за такую мнимую добродѣтель, отъ которой кромѣ одного имени ничего не осталось, а примѣра ей будто бы и на свѣтѣ нѣтъ: но сїе мнѣнїе ихъ весьма ложно. Священное Писанїе хвалитъ вопервыхъ великую ревность и чрезвычайную любовь Моисея къ братїи его сими словами: Вѣрою Моисей великъ бывъ, отвержеся нарицатися сынъ дщери фараоновой. Паче изволи страдати съ

людьми

людьми *Божїими* въ пустыни, нежели имѣти временную грѣха сладость. Сей *Богомъ* избранный мужъ отважился на всякїя бѣды и страхи, а ярости сильнаго Царя не убоялся для освобожденїя народа своего отъ той тяжкой работы, въ которой весь Iзраиль нѣсколько сотъ лѣтъ былъ. Такимъ образомъ должны владѣтели и славныя земли безпрестанно самимъ себѣ сказывать, что они отъ *Бога* поставлены на защищенїе и на оборону бѣднымъ безгласнымъ отъ нападенїя и мучительства обидчиковъ ихъ. Имъ не должно полагать славы своей въ утѣсненїи подчиненныхъ. Они болѣе къ защищенїю и милованїю рода человѣческаго свыше учреждены, а не на одно владѣнїе онымъ по своему своенравїю самимъ *Богомъ* опредѣлены. Не всякой человѣкъ по собственному состоянїю щедрыя подаянїя дѣлать можетъ, но вельможи, да богатые должны бѣднымъ и не имущимъ изъ того имѣнїя, которымъ *Богъ* свыше нужнаго толь изобильно ихъ благословилъ, человѣколюбно удѣлять. Не малаго удивленїя достойное дѣло, что старые люди о присовокупленїи себѣ богатства такъ сильно стараются, а имъ столь мало уже времени къ житью на свѣтѣ остается. Всякая степень лѣтъ человѣческихъ особливую страсть свою имѣетъ, а роскошъ и честолюбїе во всѣ степени жизни человѣческой одинакимъ стремленїемъ вмѣшивается. Однакожъ видно, что скупость больше старыми людьми для того

сильнѣе

сильнѣе владѣетъ, что на храненїе собраннаго меньше надобно труда, нежели къ присовокупленїю вновь. Только кажется, что сїя страсть разумному человѣку весьма не пристойна. Для чего беречь съ такими осторожностьми тлѣнное богатство, которое смерть въ одинъ часъ у человѣка отнять можетъ. Всѣ люди съ природы таковы, что имъ какая нибудь страсть для забавы надобна. Понеже старые люди къ роскошамъ не способны, и не чувствительны будучи, тѣхъ трудовъ умомъ понять не могутъ, которыхъ честолюбїе требуетъ, то прибѣгаютъ къ скупости за тѣмъ, что сїя страсть тише и спокойнѣе другихъ страстей. Не многїе престарѣлые согласуются съ мудрымъ мнѣнїемъ довольной старости достигшаго Катона, которой при концѣ жизни своей сказалъ: Какова намъ жизнь ни мила, только и она человѣку власно также, какъ другїя вещи толь сильно прискучитъ, что всякъ умной безпристрастно себѣ скажетъ: Полно мнѣ жить. Я тѣмъ большее право имѣю такъ говорить, когда жизнь мою такимъ образомъ препровождалъ, что мнѣ рожденїя моего и приходу въ мїръ сей ни мало не жаль. Свѣта сего такъ отхожу, какъ ночлежникъ съ постоялаго двора, а не изъ собственнаго дому съѣжжаетъ. Природа человѣка на свѣтъ сей власно какъ на скоро минующее, на не постоянное и на маловременное жилище пустила. О благополучный тотъ день, въ которой я безпокойной, пре-

лестной,

лестной, злой, многобѣдственной и грѣшный свѣтъ сей оставя, съ добродѣтельными въ вѣчной покой прежде мене къ *Богу* пошедшими блаженными душами толь щастливо соединюсь! Всѣ тѣ люди сожалѣнія достойны, которые прежде глубокой старости о смерти своей не мыслятъ, да только того жалѣютъ, что она ихъ всѣхъ забавъ и роскошей лишитъ. Отъ этой великой печали другаго утѣшенія нѣтъ, кромѣ единой вѣры Христовой, да кромѣ доброй жизни. Человѣкъ долженъ то безпрестанно помнить, что *Богъ* насъ по своему примѣру на благотвореніе ближнимъ создалъ. Всемогущій Творецъ по неизреченной щедротѣ повелѣваетъ солнцу своему на благія и на злыя равно сіять. Не печалься о томъ, благодарны, или не благодарны тебѣ будутъ люди за благодѣянія твои. Память Александрову кромѣ всѣхъ его побѣдъ то наиболѣе прославило, что онъ весьма щедръ и чрезвычайно податливъ былъ. Хотя всей Азіи безчисленныя сокровища въ рукахъ сего Царя были, только они щедраго его нрава перемѣнить, и въ такое искушеніе привесть не могли, чтобъ ему симъ ужаснымъ богатствомъ одному завладѣть. Этотъ великодушной Монархъ цѣлыя государства такъ власно жаловалъ, какъ цвѣточные вѣнки роздаютъ; а самъ только тою славою и честью довольствовался, что эти царства завоевалъ. Хотя сія рѣдкая, и весьма мало виданная добродѣтель, чтобъ любить щед-

ротцу,

роту, и податливу быть, лишая себя собственнаго имѣнія; однакожъ весьма скорой и надежной способъ къ полученію великой и вѣчной славы. Человѣкъ еще обязанъ содержать и хранить интересы знаемыхъ своихъ во время чинимой имъ обиды и неправды отъ людей. Ежели господа и знатные люди древнихъ вѣковъ какую съ кѣмъ ссору имѣли, то всѣ ихъ сродники, друзья и подчиненные принуждены бывали за нихъ вступаться, и участіе въ томъ брать; а кто сего учинить не хотѣлъ, тѣхъ лишали наслѣдства. Но правила вѣры Христіянской обязуютъ болѣе къ прощенію. Въ томъ же оставленіи должникомъ нашимъ, и естественное великодушіе есть, которое честному человѣку весьма свойственно. Благополучіе къ забвенію такихъ малыхъ озлобленій много помогаетъ, отъ которыхъ бы человѣку въ нещастіи его больше печали было. Отъ сердечнаго спокойства происходящая радость малые нещастливые припадки къ забвеніе и въ нечувственность человѣку приводитъ. Для сей причины надобно времени, случая и мѣста смотрѣть, ежели человѣкъ такихъ людей видитъ, которые о легкихъ и не важныхъ дѣлахъ печалятся. *Богъ* обѣщалъ насъ всегда прощать, когда мы предъ Нимъ всѣмъ сердцемъ и всею душею смиримся. Онъ же намъ и числа не опредѣлилъ, сколько кратъ ближняго прощать, дабы мы на Его милосердіе всегда уповали, и видя грѣхи наши, о Его благости не отчаява-

чаявались. Сїя безмѣрная благость *Божїя* должна быть намъ примѣромъ къ любленїю ближняго. Такїе люди въ житьѣ гражданскомъ, или въ свѣтскомъ обхожденїи весьма опасны, которые подъ ложнымъ видомъ дружбы двоедушной и лукавой нравъ оказываютъ. Людей сладкорѣчїемъ и прїятными разговорами забавляютъ, а въ тайнѣ такїя злостныя намѣренїя въ дѣйство производятъ, которыхъ человѣкъ положась на ихъ ложныя обнадеживанїя, предвидѣть и отъ оныхъ себя хранить никакими способы не можетъ. Это легко узнать, которой человѣкъ должность свою къ ближнему исполняетъ, и кто ее не исполняетъ. Всѣ сїи должности на одномъ основанїи утверждаются. Чего себѣ не желаешь, того другому не дѣлай. Истинной Христїянинъ, а притомъ праведной, честной и добродѣтельной человѣкъ, никогда и ничего у людей не отыметъ. А кто сему правилу противное мнѣнїе имѣетъ, тотъ и самъ не знаетъ, что есть имя, и состоянїе честнаго человѣка? Въ дѣлахъ и въ вопросахъ касающихся до нрава всякъ по своему самолюбїю разсуждаетъ. Что одни за безпристрастныя вещи ставятъ, то другїе люди за страшныя дѣла почитаютъ. Иные склоняются къ пользѣ, а другїе чести держатся, и никогда ближнему предосудительныхъ поступокъ не предпринимаютъ. Славной въ Римлянахъ Сцевола, пожелавъ купить землю, просилъ продавца,

чтобЪ онЪ ему последнюю цену безЪ торгу сказалЪ. КакЪ продавецЪ истинну обЪявилЪ, то Сцевола тысячу ефимковЪ сверьхЪ его требованія для того ему прибавилЪ, что продажная земля гораздо больше того стоила, чего продавецЪ за оную просилЪ. Корыстей желающіе люди ложно думаютЪ, будто сія щедрость искусному человеку не пристойна; а тотЪ [де] не уменЪ, кто свою пользу и прибыль изЪ рукЪ упускаетЪ. По такому грешному мненію малейшій прибытокЪ ртомЪ и носомЪ хватающіе, а ни сЪ чемЪ разстаться не хотящіе люди, весьма не праведно говорятЪ, и притомЪ несомненно думаютЪ, будто всякіе способы кЪ набогащенію законны и позволены. Собственное ихЪ паденіе сЪ нещастіемЪ ни мало не ужасаетЪ. Но все сіе высокое на грехЪ и неправде утвержденное щастіе подобно храмине основанной на пескЪ, которую первейшій вихорь бедЪ опровергнуть можетЪ; а тайная причина скорому и нечаянному паденію ихЪ есть то беззаконіе, на которомЪ они скоро возрастшее щастіе свое безразсудно построили. На собраніе и на пріумноженіе великаго богатства надлежало обидеть множество вдовЪ, сиротЪ, и бедныхЪ людей, которыхЪ горькія слезы сЪ непрестаннымЪ воплемЪ взошли предЪ престолЪ праведнейшаго Судіи; а ОнЪ какЪ неумытный и правосудный *БогЪ*, однимЪ дуновеніемЪ эти златыя тела вЪ прахЪ обращаетЪ. И передЪ

редъ самымъ трономъ Монарховъ великія неправды дѣлаются. Къ сему употребляютъ дружбу, свойство, прозьбу, подарки, угрозы, ласканіе, вымыслы, силу, неправые совѣты, развращенное толкованіе законовъ, и другіе возможные способы къ повреждѣнію присяжной вѣры съ вѣрностію судящихъ, а ко оправданію неправды что временемъ и успѣваетъ. Но какъ великое угрызеніе въ совѣсти должны всѣ тѣ люди имѣть, которые къ симъ не праведнымъ способамъ прибѣжище свое принимаютъ для завладѣнія наслѣдствомъ, или другимъ имѣніемъ, которое имъ по справедливости не принадлежитъ? Они ежедневнымъ искусствомъ научившись, могутъ сами въ себѣ увѣрены быть, что неправдою и грабленіемъ собранное имѣніе какъ соль въ водѣ таетъ, и у похитившаго нечувственно скрозь рукъ проходитъ, а для того что они сего главнаго правила самымъ дѣломъ не исполнили: чего себѣ не хочешь, того другому не дѣлай! Сіе безчеловѣчіе въ свѣтѣ обыкновенно и весьма умножилось, чтобъ бѣдныхъ гнать, а безпомощныхъ обидѣть. Что болѣе они безщастны, тѣмъ больше соперники ихъ разоряютъ. Для сего-то премногіе люди щастіе, богатство и силу свою на зло употребляютъ для приведенія такихъ безщастныхъ людей въ послѣднюю бѣдность, которые помощи и прибѣжища не имѣя, противиться имъ не могутъ. Многимъ бы людямъ весьма полезно было, ежелибъ не такъ умны

и учены были, для того что они природной умъ свой на лукавство и на разныя пронырства употребляютъ къ поврежденію ближняго; а о тѣхъ уже и не поминаю, которые умъ свой съ науками противъ вѣры обращаютъ, но о томъ здѣсь писать не мѣсто. Никогда и никому ближняго вредить не позволено, въ какомъ бы кто состояніи ни былъ; и хотя бы человѣкъ сіе поврежденіе безъ всякаго наказанія здѣлать могъ. Когда уже корысть съ честнымъ и позволеннымъ не сходна, то люди прибѣжище свое къ полезнѣйшему, хотя и къ запрещенному не праведно принимаютъ. Сіе нападеніе на бѣдныхъ и безпомощныхъ премногіе роды обидъ на свѣтъ привело. Гдѣ такихъ людей сыщешь, которые бы отъ учиненія ближнему такихъ неправдъ воздержались, отъ которыхъ они прибыль получить могутъ безъ всякаго за то наказанія; и ежели имѣютъ способъ обиды свои такъ хитро утаить, чтобъ никто и ничего о томъ не вѣдалъ? Они еще остатокъ стыда имѣючи, берутъ свои мѣры съ великою продосторожностью къ утаенію такихъ дѣлъ, по которымъ ихъ за плутовъ и грабителей признать можно. Ежели же могутъ дѣла свои прикрыть, а народъ такъ хитро обмануть, чтобъ никто кромѣ совѣсти ихъ про то не вѣдалъ, то они такія срамоты и безчестія дѣлаютъ, отъ которыхъ имъ въ тайнѣ самихъ себя стыдно бываетъ. Надобно, чтобы совѣсть истиннаго Христіянина и честнаго человѣ-

ка на весьма крѣпкомъ основанïи утверждена была, чтобъ въ должности его удержать могла. Ежели онъ такое дѣло предпрïять похочетъ, отъ котораго ближнему вредъ и ущербъ произойти можетъ, то уже отнюдь того не спрашиваетъ, смотрятъ ли на него люди, или нѣтъ. Кто изъ простыхъ людей имѣнïе ближняго отыметъ, или важной вредъ ему причинитъ, того жестоко штрафуютъ, или за безчестнаго человѣка объявляютъ. А Принцы чѣмъ большее похищенïе дѣлаютъ, тѣмъ болѣе славу свою умножаютъ. Александрова слава безмала три тысячи лѣтъ для того продолжается, что онъ у законнаго владѣтеля насильствомъ своимъ всѣ его земли отнялъ. Хотя Персидской Царь Дарïй никакой обиды Александру не здѣлалъ, а притомъ и въ мысли не имѣлъ войны съ нимъ начинать. Юлïй Кесарь тѣмъ прославился, что въ пятидесяти баталïяхъ милïонъ двѣсти тысячь человѣкъ потерялъ. Тритцать баталïй было у него въ Галлïи, то есть, въ древней Францïи, гдѣ четыреста тысячь человѣкъ Римлянъ пропало для вѣчнаго прославленïя имени сего воина. Ежели отъ мала до велика все говорить, то великой малому никогда обиды дѣлать не долженъ, надѣясь на силу и на власть свою. Велико это мучительство, ежели человѣкъ съ бѣдными служителями и съ домашними своими безчеловѣчно поступаетъ, которые на всякъ часъ и всѣми способы о томъ стараются, какъ

бы господамъ своимъ угодить, и въ томъ все свое веселїе полагаютъ, ежели имъ угодное здѣлать могутъ. Служители дожны господамъ своимъ вѣрностью, покорностью, и всѣми возможными услугами, каждой по чину и по состоянїю своему. Напротивъ того господа симъ бѣднымъ людямъ при старости въ нуждахъ и въ болѣзняхъ за долговременную ихъ службу всякую милость казать обязаны. Какъ тому человѣку любовь и прїемность къ чужестранному имѣть, которой съ домашними своими сурово и звѣрски поступаетъ? Истинному Христїянину и честному человѣку того не довольно, чтобъ ближнему своему въ свѣтскихъ его интересахъ убытка и препятствъ не чинить; да надобно съ крайнею осторожностью и съ великимъ воздержанїемъ въ томъ поступать, чтобъ его злыми угрызенїями языка и тайными оклеветанїями коварно не озлобить. Въ свѣтѣ сей порокъ весьма обыкновенной, чтобъ о ближнемъ зло разсуждать; а хотя ближнїй нашъ и добрыя дѣла здѣлаетъ, однако про него коварно говорятъ, будто онъ сїе съ такого худаго намѣренїя здѣлалъ, чтобъ другаго повредить, а славу его умалить. Сїя природная и весьма худая склонность многимъ людямъ свойственна. Которая жена не только къ безпристрастнымъ дѣламъ, но къ свободнымъ поступкамъ, также къ смѣлымъ взорамъ и рѣчамъ другой жены равнуетъ, та и сама не весьма изъ добродѣтельнѣйшихъ,

шихъ, хотя она сею строгою критикою и переговорами выше другихъ женъ себя поставить и прославиться желаетъ. Подлинную добродѣтель съ искренностью имѣющія сердца благодушно вѣрятъ, что и всѣ люди таковыжъ справедливы, какъ они. Не только чтобъ имъ не порочныя дѣла въ грѣхъ обращать, но еще и двуличные поступки въ добро премѣняютъ. Кто поступокъ своихъ передъ ними оправдать не можетъ, того человѣка извиненію легко вѣрятъ, что онъ сіе не отъ злаго вымыслу здѣлалъ, да ихъ же еще и у другихъ людей оправдая, въ доброе мнѣніе приводятъ. Въ то время о человѣкѣ зло разсуждать можно, когда уже самое состояніе дѣла вину его покажетъ. Мы о людяхъ не по ихъ персональнымъ заслугамъ, или по добродѣтелямъ разсуждаемъ, да больше по тѣмъ обстоятельствамъ объ нихъ думаемъ, какъ они съ нами поступаютъ, и смотря по тому, какъ мы ихъ пріемлемъ, довольны или не довольны ими бываемъ. Ежели поступки ихъ угодны, то и они намъ пріятны. Буде они насъ хранятъ, пользу нашу наблюдаютъ, а объ угожденіи намъ всякими способы стараются, то мы и заслуги съ добродѣтельми ихъ обратно почитаемъ. Наибольшая часть дѣлъ человѣческихъ разныя лица имѣютъ, и съ различныхъ сторонъ видимы быть могутъ; того ради не всегда надобно вѣрить внѣшнему виду, которымъ искусные люди народъ ослѣ-

 пляютъ,

пляютъ, не показывая ему тѣхъ истинныхъ причинъ, для которыхъ они все сїе дѣлаютъ. Въ сїю сѣть весьма легко можно впасть, ежели кто главнаго дѣла великимъ прилѣжанїемъ не осмотритъ, и тѣхъ сказокъ рачительно не изслѣдуетъ, которыя отъ не имовѣрныхъ людей для того къ тебѣ приходятъ, чтобъ тебя огорчить, прогнѣвать, или опечалить. Берегись того, чтобъ тебѣ не пристойными жалобами, или выговорами такого человѣка не озлобить, которой твоимъ другомъ быть можетъ. Времена и обстоятельсшва весьма часто и скоро перемѣняются. Которые тебѣ сего дня непрїятели, тѣ могутъ заутра не только друзьями, но благодѣтели и защитниками твоими быть. Не принуждай же ихъ къ ненавидѣнїю тебя за такїе худые поступки твои, которые ихъ отъ тебя вовсе отлучить могутъ ненавистью, или презрѣнїемъ. Многїе люди власно какъ бы по природной злости привыкли пересуждать и переговаривать всѣ дѣла ближняго. У нихъ хотя справедливые, или не основательные, только всегда выговоры другимъ людямъ есть. Можетъ быть, что они сею никому не пристойною, но всѣмъ скучною строгостью себя показать и прославить хотятъ. Не лучшель посредственное съ разумною скромностью хвалить, нежели доброе безстыдно хулить, и напрасно порицать? Прежде переговору

говору и хулы дѣламъ другаго надобно человѣку самаго себя прилѣжно разсмотрѣвши, со всякою строгостью себя осудить, для того что и самые праведники не безъ порока, но единъ *Богъ* безъ грѣха. Сїе правило ко обхожденїю въ житьѣ свѣтскомъ весьма нужно и полезно. Токмо оное очень худо въ дѣйство производятъ. Что другїе дѣлаютъ, или говорятъ, то мы съ удивительнымъ вниманїемъ разсматриваемъ, но своихъ недостатковъ и погрѣшностей не видимъ, и видѣть не очень хотимъ; а оные пороки наши иногда такъ велики бываютъ, что всему свѣту глаза колютъ. Ежелибъ человѣкъ съ тою же строгостью самаго себя судилъ, съ которою другихъ людей пересуждаетъ, то бы онъ въ самомъ себѣ весьма многое къ исправленїю нашелъ, а другихъ бы людей конечно въ покоѣ оставилъ, не производя себя въ учители и въ жестокїе исправщики рода человѣческаго. Всѣми силами отъ того себя воздерживай, въ чемъ другихъ осуждаешь. Въ гнѣвѣ своемъ мѣры не знающїй человѣкъ хотя другихъ людей воздержности да смиренїю и учитъ, однакожъ никто его не слушаетъ. Безпорядочная и не воздержная жена никогда своихъ дочерей и другихъ женска полу молодыхъ персонъ добродѣтели и воздержанїю не научитъ, ежели собственныя коварства и худые примѣры ея людямъ извѣстны. Молодыя дѣти слова мимо ушей пу-

пущають, а больше всего дѣламъ и поступкамъ матерей своихъ послѣдуютъ. Переговоры и критики такихъ людей гораздо не сноснѣе, которые хотя самаго подлаго роду, и такъ сказать, изъ грязи вышли; однакожъ манерамъ и роскошному житью богатыхъ, а особливо знатныхъ особъ во всемъ послѣдовать хотятъ. Первое дѣйство чрезвычайныхъ иждивенїй и великаго богатства такїя слѣдства имѣетъ, что на употребляющаго ихъ зависть и переговоры отъ всѣхъ тѣхъ приходятъ, которые роскошное его житье видятъ, и часто оному свидѣтели бываютъ. У кого пьютъ и ѣдятъ, тогожъ потомъ переговариваютъ и поносятъ; а главная сему причина въ томъ состоитъ, что они такого изобилїя съ богатствомъ не имѣютъ, и для того на богатство другаго смотря, внутренне зубами скрежещутъ и отъ зависти таютъ. Частое и откровенное мужескаго съ женскимъ поломъ обхожденїе больше всего осужденїе и переговоры возбуждаетъ. Какъ бы кто добрымъ своимъ намѣренїемъ въ семъ дѣлѣ ни извинялся, и какимъ бы велерѣчїемъ добродѣтель тѣхъ дамскихъ лицъ ни оправдалъ, къ которымъ онъ часто ходитъ, или кои его не рѣдко посѣщаютъ, однако люди не скоро тому вѣрятъ. Обхожденїе съ умными и скромными дамскими персонами не много безопаснѣе компанїи не воздержныхъ и безпорядочныхъ женъ. И самыхъ постояннѣй-

ятнѣйшихъ госпожъ красота съ пріятностью не меньше воображенія и безпокойства въ сердцахъ человѣческихъ причиняетъ. Такія раны еще неисцѣльнѣе другихъ бываютъ, по тому что должное къ добродѣтели ихъ почтеніе новую и большую красоту лицу ихъ придаетъ. Кажется, что на прекрасную жену посмотрѣть, не великое дѣло, но чрезъ тотъ самой взоръ естественная любовь вкрадываючись, зажигаетъ сердце человѣческое. Сія малая искра временемъ такой великой огонь производитъ, отъ котораго великіе пожары дѣлаются. А когда уже не только злыя дѣла, но худые взоры и закону *Божїю* противныя вождел ѣнія чистоту сердца человѣческаго повреждая, виновными насъ творятъ, то коль многія на свѣтѣ причины къ страху! Самые скромные и постояннѣйшіе люди могутъ ли всегда отъ свободы взглядовъ уберечься? Но въ нынѣшнія времена не только взгляды, да несравненно горшія вольности ни мало не запрещаются. Жены съ мужескимъ поломъ однѣ ѣздятъ и ходятъ, ни малѣйшей благопристойности не храня, также ни слѣдствъ, ниже изъ того произойти могущихъ переговоровъ и справедливыхъ осужденій отнюдь не разсуждая. Такъ поступающія жены не знаютъ, или можетъ быть слышать не хотятъ о регулѣ Жидовскихъ рабиновъ слѣдующаго содержанія: *Которая жена съ мущиною наединѣ столько времени пробавится, что одно*

яицо

яицо сварить и съѣсть можно, та справедливому осужденію подвержена. Есть такія жены, которыя пространнѣйшія сего правила мнѣнія имѣютъ, и никакому принужденію не поддаются; а ежели овдовѣютъ, то сіе за благополучнѣйшее состояніе во всей своей жизни почитаютъ, съ такимъ суетнымъ и ложнымъ мнѣніемъ, будто онѣ въ то время отъ супружескаго бремени свободятся, а притомъ скучнаго и суроваго властелина, [то есть мужа] надъ собою не имѣютъ, къ которому онѣ узами брака привязаны были. Правда, что жены къ облегченію сей тягости многіе способы имѣютъ, и все то здѣлать могутъ, къ чему лукавство и хитрость употребить похотятъ. Онѣ сіе искусство совершенно знаютъ, какъ мнѣнія свои скрывать подъ такими видами, которые самыхъ умныхъ и крайне искуснѣйшихъ людей очень часто обманываютъ. Хотя это мнѣніе въ свѣтѣ весьма обыкновенно, чтобъ нещастію другаго радоваться, однако оно истинному Христіянину и честному человѣку весьма не пристойно; а еще такіе безчеловѣчные люди есть, что въ нещастіи и въ упадкѣ ближняго всякимъ образомъ пользы и прибыли себѣ ищутъ. Но сія поступка вѣрѣ Христовой и естественному закону весьма противна, а предъ *Богомъ* крайне грѣшна. Какъ тому человѣку у *Бога* милости и прощенія грѣховъ своихъ просить, кто на утопающаго въ нещастіи человѣка каменье

мечетъ,

мечетъ, то есть, всякимъ образомъ его губитъ, и нарочно за тѣмъ обижаетъ, чтобы бѣдной человѣкъ вовсе погибъ. Однако случаи бываютъ, что человѣкъ о нещастіи такихъ людей внутренне радуется, которыя ему противны, или какимъ нибудь образомъ жестоко досадили. Хотя человѣкъ по природной своей слабости сему внутренне злому радованію противиться и не можетъ, только оно правиламъ любви Христіянской весьма противно. Христосъ Спаситель повелѣваетъ намъ любить враги наша: а когда ихъ любить, то безщастію ихъ радоваться весьма не праведно и грѣшно. Истинной Христіянинъ и честной человѣкъ о нещастіи враговъ своихъ сожалѣетъ, и гдѣ можно, всегда имъ служитъ. Токмо къ исполненію сего дѣйствомъ особливое и передъ подлыми сердцами весьма отмѣнное великодушіе надобно. По общему мнѣнію и того много, чтобъ оскорбившимъ насъ въ нещастіи ихъ ничего худаго не дѣлать. Хотя иные люди по свѣтскому мнѣнію это за безгрѣшное дѣло почитаютъ, чтобъ озлобившимъ себя зло за зло воздать, токмо правила вѣры Христіянской человѣколюбивѣйшее и кротчайшее о семъ мнѣніе намъ представляютъ. Римляне имѣвши войну съ Королемъ Пирромъ, просили у него въ полону бывшихъ Римскихъ солдатъ на выкупъ, и представляли за нихъ великую сумму денегъ. На что имъ сей Король отвѣчалъ: Я золота не ищу, серебра не желаю, а безчестнаго въ

войнѣ

войнѢ торгу людьми отнюдь не имѢю. Намъ свою ссору не серебромъ, да желѢзомъ [оружїемъ] прекращать. Ежели мы всю жизнь свою удачѢ оружїя вручаемъ, то надобно того смотрѢть, кому изъ насъ щастїе, вамъ, или мнѢ власть всего свѢта опредѢлитъ: а сїе рѢшенїе храбрости и добродѢтели учинить должно. Впрочемъ я всѢмъ тѢмъ съ охотою и безъ всякой платы свободу дарую, которыхъ храбрость съ мужествомъ и самая палящая война почтила. Я вамъ отдаю, возмите ихъ назадъ. Сїе мнѢнїе изрядно, и такому воину свойственно, которой только изъ одной суетной и скоро преходящей славы воюетъ; а въ Христїянскомъ героѢ такое дѢло еще бы славнѢе было, ежелибъ онъ сїе за вѢру Христову учинилъ. Такїе случаи ко оказанїю добродѢтели въ общемъ житьѢ очень рѢдко бываютъ; а человѢкъ на свѢтѢ живучи, всякой часъ способъ имѢетъ къ показанїю ближнему своему учтивства, склонности и человѢколюбїя. Много такихъ гордыхъ, вздорныхъ и безпокойныхъ людей, которые прїятнѢйшую компанїю безпутными спорами и всегдашнимъ неучтивствомъ печалятъ, или возмущаютъ. Они въ томъ злое удовольство себѢ находятъ, чтобы всѢмъ въ компанїи находящимся противное мнѢнїе имѢть, и въ самую упорность имъ развращенное говорить. Токмо сїе ложное деликатство ни просвѢщенной разумъ, ни доброе знанїе, да больше худой

и злочестивой нравъ ихъ значитъ. Сей-то злой обычай сихъ людей другимъ спорить, а всему доброму и умному противиться принуждаетъ. Можетъ быть, что они симъ злонравіемъ и притворствомъ своимъ за деликатныхъ во всемъ знателей и за преимущественнѣйшихъ мудрецовъ прославиться хотятъ, только всякъ ихъ за скучныхъ спорниковъ, да за гнусныхъ упрямцовъ справедливо почитаетъ, и за тѣмъ люди отъ нихъ бѣгаютъ. Эти уже явной знакъ правды и доброты какого либо дѣла, ежели всѣ оное хвалятъ; а которые люди отъ общей большой дороги удаляются, тѣ обыкновенно посредственной умъ и весьма не далекое разсужденіе имѣютъ. Нѣкто изъ премудрыхъ увѣщаваетъ насъ, съ великимъ ораторомъ, то есть съ велерѣчивымъ человѣкомъ никакихъ ссоръ не имѣть. Сіе подлинно мудрое наставленіе, весьма полезно къ спокойному и мирному житью со всѣми людьми. Что больше кто такимъ людямъ противится, то больше ихъ озлобитъ, и весьма досадные отвѣты на себя привлечетъ. Великая въ томъ мудрость, кто знаетъ время и случай передъ такими труднаго нрава людьми разумно молчать. Не вѣдущіе, почти всѣ высокоумны будучи, мнѣніе свое за самую правду ставятъ, и все то противъ ближняго за сущую истинну ложно утверждаютъ, что имъ въ голову ни войдетъ. Отъ любопытства завидливыхъ глазъ, а отъ угрызенія

зенія ядовитаго языка ихъ ничто не уйдетъ. Всегдашняя къ тому привычка, что бы въ свѣтскомъ обхожденіи ближнихъ своихъ самому злословить, или эти клеветы отъ другихъ людей слушать, первая тому причина, что такія клеветы и злословія человѣку не чувствительны, для того что отъ злословія происходящія дѣйства не чувствительнѣе тѣхъ слѣдствъ, которыя отъ другихъ грѣховъ происходятъ. Которой человѣкъ въ прелюбодѣйство впадаетъ, украдетъ, или смертное убійство учинитъ, того совѣсть отъ сихъ важныхъ грѣховъ немедлѣнно, и такъ сильно возбудится, что угрызеніемъ своимъ сему грѣшнику покоя не даетъ. Хотябъ злословіе двое или трои сутки непрерывно продолжалось, только человѣкъ отъ него ни одной капли пролитой крови не увидитъ. Ежели же хулу и злословіе прямо и обстоятельно разсудить, то происходящій отъ онаго грѣхъ и вредъ не меньше дѣйствительнаго смертноубійства. Сей талантъ очень не важенъ, и не великаго желанія достоинъ, чтобъ въ компаніи забавнымъ и смѣхъ причиняющимъ человѣкомъ быть. Ежели гдѣ хотя малое основаніе къ злословію есть, то такіе забавные люди всякія противныя и уразительныя обстоятельства нарочно расширяя, коварствомъ своимъ умножаютъ: а буде про чье-нибудь доброе дѣло разговоръ зайдетъ, то они его какъ можно таятъ, или уже охуждаютъ

злыми

злыми толкованіями для умаленія славы и добродѣтелей ближняго. Ежелижъ кто нибудь изъ друзей ихъ какую бездѣлицу здѣлаетъ, то они о семъ какъ о славномъ дѣлѣ говорятъ, и до облакъ его возносятъ, а другихъ людей добрыя и знатныя дѣла ругательски поносятъ, и всѣми способы уничтожаютъ. Ежели такого состоянія людямъ ни о чьей поступкѣ говорить нѣчего, то они до самой глубины сердца проходятъ для познанія намѣреній ихъ; которыя они по обыкновенной злости своей всегда на лѣвую, то есть, въ худую сторону толкуютъ. Которая жена всѣхъ свѣтскихъ суетъ отречется въ истинномъ намѣреніи служенія *Богу*, и ради исполненія Христіанской должности своей, про ту коварно говорятъ, что время ея прошло, и она уже свѣту угождать не можетъ. Ежели человѣкъ для важныхъ видовъ спасенія своего великія милостины подаетъ, то объ немъ язвительно разглашаютъ, будто онъ сіе изъ остатковъ того имѣнія дѣлаетъ, которое съ народа награбилъ, и вымучилъ. Природная склонность съ легкостію къ злословію другихъ людей, и частые примѣры дѣйствительнаго злословія, суть главныя тому причины, что люди ни стыда, ни сраму, ни угрызенія совѣсти въ этомъ грѣхѣ не имѣютъ. Такихъ справедливыхъ людей не мало, которые поставленныя у нихъ на сохраненіе чужія вещи, и въ займы взятыя деньги вѣрно

но отдаютъ; а такого человѣка гдѣ сыскать, которой бы поврежденную честь и славу другихъ людей излечить, или бы возвратить могъ? Всякъ имѣетъ право, и долженъ почтенiе свое у народа всею возможностью хранить; а на высокiя достоинства возведенныя лица еще больше другихъ къ сему обязаны. Въ противномъ случаѣ никто имъ вѣрить не станетъ, а они уже никому добра дѣлать въ состоянiи не будутъ, ежели себя во оглашенiе и въ худую славу у народа приведутъ. Кого напрасно злословить, и порицать станутъ, тому сколько возможно, толькожъ скромнымъ образомъ, безъ злобы и безъ разславливанiя обиды защищать себя надлежитъ. Истинной Христiянинъ великодушно терпитъ, а честной человѣкъ благопристойность хранитъ. Трудно сiе дѣло, кто весь свѣтъ отъ злословiя удержать хочетъ. Для вкушенiя спокойной жизни какъ можно выше сей слабости быть, и оную преодолѣвать, или по крайней мѣрѣ такъ дѣлать надлежитъ, будто человѣкъ на эти поношенiя не смотритъ. Кто надъ мѣру чувствительнымъ себя покажетъ, того непрiятели больше безпокоить, и безпрестанно ему досаждать станутъ. Злословiе подобно угрызенiю змѣи, которая человѣка спящаго, или нечаянно жалитъ. Такъ власно злословящiе люди рѣчьми своими на отсутствующихъ нападаютъ, по хитрости своей вѣдая, кого въ глазахъ нѣтъ, тому

и

й оправдаться не льзя. Эти потаенныя угрызенія значатъ злость и лукавство тѣхъ людей, которые сей ядъ на другихъ изливаютъ. Сіе суровство наказанія достойно, кто славу умершихъ порицаніемъ раздираючи, власно какъ бы шпагою, или ножемъ мертвыя тѣла ихъ колетъ. Чья злоба и мщеніе смертію непріятеля его успокоена быть не можетъ, тотъ весьма жестокъ и надъ мѣру безчеловѣченъ. Добродѣтельные и честные люди не только крайнее безпокойство, но и внутреннюю муку отъ того чувствуютъ, ежели кто при нихъ ближняго злословитъ. Но какъ бы кто предостороженъ ни былъ, только отъ злословія уберечься по тому не возможетъ, что сіе наибольшая причина къ разговорамъ въ компаніяхъ свѣтскихъ людей. Тебя я прошу, пожалуй пришедши въ бесѣду никого не переговаривай, а тѣхъ противныхъ и досадныхъ рѣчей никому не пересказывай, которыя ты гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ слышалъ. Великое зло и крайняя это слабость, кто ниодного изъ слышанныхъ про ближняго злыхъ словъ за собою удержать и смолчать не можетъ. Есть такіе слабые и на языкъ не воздержные люди, что кой часъ про ближняго худыя слова съ поношеніемъ услышатъ, тогожъ мгновенія ока всему свѣту съ прибавленіемъ разглашаютъ, а потомъ изъ дому въ домъ бѣгая, нарочно пересказываютъ. Тайна не сносная имъ тягость, всегда колющая ихъ

 стрѣла,

стрѣла, и непрестанно жгущій уголь. Для того они невоздержаніемъ языка своего какъ наискорѣе отъ сего ига излечить себя стараются. Не лучше и не полезнѣе ли человѣку языкомъ своимъ съ большею силою обладать, для преданія вѣчному забвенію худыхъ и вредительныхъ о ближнемъ слышанныхъ словъ? Нѣкоторой славной Авторъ пишетъ: Вѣчнаго жалѣнія и плача достойна та обыкновенная и природная слабость человѣческая, что мы болѣе къ разглашенію и къ вѣроятію зла, нежели добра о ближнемъ нашемъ склонны. Но истинной Христїянинъ первому слуху не много вѣритъ, довольно вѣдая, что человѣкъ съ природы своей ко всякому злу склоненъ, а погрѣшенію на словахъ естественно подверженъ. Ничто любви Христїянской такъ не противно, а спокойству житейскому столь не вредно, какъ происходящія въ собраніяхъ о ближнемъ пересуды и наговоры другому, хотябъ оные праведны, или ложные были, по тому что сїе людей огорчаетъ и страшитъ, продолжаетъ несогласїе, и умножаетъ ненависть. *Богъ* сего грѣха до тѣхъ поръ не прощаетъ, пока человѣкъ истиннаго намѣренія не возьметъ, чтобы не воздержными своими рѣчьми и ложными наговоры въ ссору и въ злобу между собою приведенныхъ людей какъ можно скорѣе помиривши, въ прежнее согласїе привесть. Въ свѣтскомъ житьѣ и обхожденіи часто сїе случается, что человѣкъ

къ

къ праведной сторонѣ за тѣмъ пристать не смѣетъ, что честь и славу ближняго не милосердо раздираютъ, а никто за обиженнаго не вступается. Того больше почитаютъ, кто говоритъ, нежели такого честнаго человѣка защищаютъ, котораго клеветники не праведно безчестятъ и порицаютъ. Не только чтобъ порицающему представить неправду и обиду его другимъ неповинно чинимую: но еще къ ругательнымъ рѣчамъ и къ ложному мнѣнію его весьма не праведно пристаютъ. А притомъ его же хвалятъ для страху отъ него, или по злобѣ на того человѣка, кого онъ напрасно поноситъ. Равнымъ образомъ не праведной и корысть любящій судья, вѣдая правду челобитчика, или неправду отвѣтчика, могъ бы своею властью и добрыми представленіями ихъ къ примиренію склонять; но онъ вмѣсто того къ богатой и сильнѣйшей сторонѣ умышленно пристаетъ, а беззаконнымъ своимъ голосомъ праведнаго обвиняетъ, не имѣя мочи, или не хотя противиться сильному стремленія злобы, и обидящей неправды, а притомъ боясь гнѣва и мщенія сильной стороны. Честь и слава ближняго такая дорогая вещь, съ которою такъ осторожно и столь разсудительно поступать надлежитъ, что тебѣ для собственнаго своего оправданія и защищенія тайнаго грѣха объявлять не должно, кромѣ такого случая, ежели ты принужденъ будешь въ судѣ показать такія дѣла, ко-

торымъ у тебя подлинныя доказательства есть, или пожелаешь для его пользы худые его поступки такимъ персонамъ объявить, которыя могутъ его исправить, и въ чувство привесть. Кто ближняго злословитъ по одной худой повадкѣ къ непрестанному болтанью, безъ намѣренія, чтобъ ему зло здѣлать, тѣхъ погрѣшеніе не такъ важно, и простительнѣе такихъ людей, которые съ умыслу, или по злому намѣренію сіе дѣлаютъ. Все у ближняго взятое возвратить можно; а поврежденной славы и чести его никто исцѣлить не въ состояніи. Человѣкъ не знаетъ, какъ за сіе дѣло взяться, чтобъ желая сію скорбь исцѣлить, не умножить болѣзни. Однако всякъ изъ насъ поврежденну честь ближняго излечить, а похищенную славу другихъ людей возвратить долженъ, во чтобъ сіе ни стало, а какой бы ему вредъ съ упадкомъ отъ того ни здѣлался. Ежели дворянинъ, или знатная персона крестьянина, или простаго человѣка обезчеститъ, то денежнымъ, или другимъ награжденіемъ удовольствовать его можетъ. Издатели подметныхъ писемъ, или запрещенныхъ книгъ, учиненнаго людямъ зла инымъ образомъ возвратить не могутъ, какъ только публичнымъ опроверженіемъ тѣхъ же своихъ въ народъ не праведно разсѣянныхъ книгъ и писемъ весьма противными тому изданіями. А кто ближняго своего въ важномъ и великомъ дѣлѣ обезчеститъ, тому уже сію обиду едва ли

можно

можно возвратить, какія бы кто мѣры ни бралъ. Не воздержные люди, не имѣя никакой причины, безвременно ругаютъ такихъ людей, о которыхъ имъ ложно сказано, будто они умерли, или въ крайнее нещастіе пришли. Про сихъ людей въ жару не воздержной своей страсти столь злыя, и такъ досадительныя слова говорятъ, за которыя бы по прошествіи перваго жару великую сумму денегъ дали, чтобъ никто ихъ не слыхалъ. Но какъ неправда ложнаго разглашенія ихъ откроется, то уже весьма поздо человѣку о злословіи своемъ раскаиваться, и онаго возвратить ни чѣмъ не возможно. Тогда уже обнажится тайна сердецъ и злость помышленій ихъ. Въ то время имъ никакія извиненія не помогутъ ко уговоренію такихъ людей, которые знаютъ чего держаться. Тогда они будутъ не примиримые непріятели за разглашенныя о себѣ толь вредительныя и безчестныя вѣдомости. Злословіе съ ругательствомъ никого не щадитъ. Кто бы каковъ праведенъ и добродѣтеленъ ни былъ, однакожъ въ жизни своей злословія не убѣжитъ, на подобіе высокаго зданія и великаго деревья, которыя непогодѣ и бурямъ болѣе подвержены, нежели убогія хижины и низкіе кусты. Такъ власно великаго рода и высокихъ достоинствъ персоны стрѣламъ публичной зависти болѣе тѣхъ подлежатъ, которые для незнаемости рода и чина своего въ удаленіи живутъ. Весьма не понятно, откуда сіе приходитъ, что тѣ завистли-

вѣе и злословнѣе иныхъ людей бываютъ, которые набожнѣе и къ молитвѣ ревностнѣе другихъ кажутся, токмо они въ самомъ дѣлѣ ханжи и фарисеи; а истинной Христїянинъ и честной человѣкъ всегда съ Давидомъ у *Бога* проситъ. Положи *Господи* храненїе устомъ моимъ: вѣдая, что изъ одного колодезя сладкой и соленой водѣ проистекать, то есть, благословенїю и проклятїю изъ однихъ устъ исходить отнюдь не возможно.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯНАДЕСЯТЬ.

О КОНЦѢ ЖИЗНИ.

Понеже жизнь наша не только первѣйшїй даръ природы, но основанїе всему, что человѣкъ на свѣтѣ ни имѣетъ: того ради и дивиться нѣчему, что смерть человѣку такъ страшна и ужасна. Едва не всякой человѣкъ въ семъ пунктѣ наибольшую слабость оказываетъ, и пришедши въ крайнюю болѣзнь, не знаетъ что дѣлать, видя толь малое и къ житїю своему на свѣтѣ остающееся такъ короткое время. Всѣ тѣ, которые около болящаго стоя, продолженїя жизни его искренно желаютъ, никакимъ противнымъ объявленїемъ прогнѣвать и устрашить его не смѣютъ: а для безчестнаго сожалѣнїя лучше даютъ ему спокойно умереть, нежели

жели бы по христіянству и по истинной дружбѣ напомянувши, такъ полезной и здравой совѣтъ ему дать, какъ бы въ добромъ порядкѣ домашнихъ своихъ оставить. Великая въ томъ важность, дабы человѣку заблаговременно къ сему мнѣнію привыкать, что мы жизнь и душу свою съ такимъ договоромъ отъ *Бога* получили, дабы оную со временемъ въ Его же святыя руки предать. Какъ скоро человѣкъ родится, то съ того же мгновенія ока дыханіемъ, движеніемъ, и всѣми своими чувствы спѣшитъ къ смерти, которая есть конецъ сей маловременной и скоропреходящей, а начало безконечной и безсмертной жизни. На семъ не движимомъ основаніи истинной Христіянинъ и честной человѣкъ поступки свои въ маловременной жизни такъ учреждаетъ, чтобъ ему при случаѣ смерти своей не раскаиваться. Ежелибъ люди рѣдко мерли, или бы нѣкоторые отъ сего всеобщаго закона свобождались, тобъ многимъ сіе простительнѣе было, что они о смерти мало думаютъ. Но мы эти страшные случаи всякой день предъ глазами у себя имѣемъ. Отцы, матери, дѣды, жены, дѣти, и сродники наши до насъ померли. Братья, сестры и свойственники, а притомъ знаемые, и сверстники наши, старѣе и моложе насъ, почти на всякой день умираютъ. А и тѣ, которые послѣ насъ будутъ, власно на тожъ родятся, чтобъ и имъ

также какъ намъ умереть. Для чегожъ бояться разсужденія и памяти о такомъ дѣлѣ, котораго миновать не можно? Тѣло человѣческое подобно мазанкѣ, то есть изъ глины, да изъ хворосту сплѣтеной хижинѣ, которую не большой вѣтръ опровергнуть, а сильной дождь всю розмыть и рознести можетъ. А еще и до сего вихра немощи да болѣзни въ крайнее изможденіе оное приводятъ. Для того сія изъ земли взятая и землею содержимая храмина по совершенномъ разсыпаніи въ прежнюю свою стихію обратится. Сіе разсужденіе долженствуетъ человѣка въ наибольшей его чести и славѣ, а особливо въ высокоуміи, да въ гордости къ крайнему смиренію приводить. Жизнь наша какъ вода въ быстрой рѣкѣ непрестанно течетъ. Ни знатной родъ съ честью и славою, ни богатство съ высокимъ достоинствомъ отъ сего неминуемаго и всему роду человѣческому предписаннаго пути удержать насъ не можетъ. Всему рожденному умереть должно. Человѣкъ къ смерти не чувствительно приближается, а того времени не слышитъ, которое прошло. Дни наши на подобіе бѣгущей человѣческой стѣни не видимо уходятъ, а благополучіе со всѣми радостьми и забавами какъ мгла исчезаетъ. Ежели по силѣ здраваго ученія разсудить, то потеряніе сей малосременной и концу подлежащей жизни ни въ страхъ, ни въ печаль приводить насъ не должно.

не должно. Здѣшнее временное житье одинъ только переходъ въ вѣчную и безконечную жизнь; а слѣдственно кончина блаженныхъ и добродѣтельныхъ людей есть входъ въ лучшее состоянїе и въ не кончаемое блаженство прекращенїемъ бѣдностей человѣческихъ и наслажденїемъ вѣчнаго покоя. Ежелибы мы о семъ не минуемомъ душу съ тѣломъ разлучающемъ мгновенїи ока часто и прилѣжно разсуждали, тобъ о тлѣнныхъ и суетныхъ вещахъ мїра сего всеконечно меньше печалились, и не съ такою бы горячестїю къ нимъ прилѣплялись, вѣдая подлинно, что смерть всего насъ лишитъ. Какъ человѣкъ къ смерти приближится, то ему вся минувшая жизнь за одинъ день покажется, хотябъ онъ сто тритцать лѣтъ, или болѣе того жилъ. Время отъ рожденїя человѣческаго до кончины его такъ между собою близко, что раздѣляющїя ихъ лѣта подобны одному утру. Ежели къ смерти приговоренаго человѣка на мѣсто мученїя, или уже къ совершенной казни поведутъ, то у него одинъ только тотъ страшной часъ предъ глазами будетъ, которой душу отъ тѣла его разлучивши, всю жизнь окончаетъ. Въ то время бѣдной человѣкъ ни о какихъ минувшихъ забавахъ не думаетъ, ни о какихъ радостяхъ не мыслитъ, но вся его душа въ печальныхъ мысляхъ погребена. Таковымъ по справедливости и всѣмъ намъ быть надлежало.

лежало. Природа одиножды завсегда всѣхъ насъ на смерть осудила. Она всѣхъ людей какъ на смерть опредѣленныхъ грѣшниковъ тихими шагами къ сему безщастному и печальному сроку ведетъ. Какъ же человѣку въ такомъ плачевномъ состоянiи о радостяхъ, о веселiяхъ и о роскошахъ думать? А сiе и того еще не понятнѣе, что человѣкъ во всякiе грѣхи впадаетъ, власно какъ бы ему никогда не умирать, а потомъ праведнѣйшему и неумытному Судiи ни въ чемъ отвѣту не давать. Всемогущiй *Богъ* по особливому и тайному своему провидѣнiю часъ смерти затѣмъ отъ человѣка утаилъ, дабы вся жизнь наша безпрестанное приготовленiе къ сему последнему мгновенiю ока была. Ежелибы человѣкъ время смерти своей подлинно зналъ, и по тому бъ могъ вѣдать, сколько еще ему жить, тобъ онъ всю свою жизнь въ лѣности и въ небреженiи препроводилъ, а потомъ бы за нѣсколько часовъ до кончины смерти своей приготовляться сталъ. Ежелибы человѣкъ думалъ, что ему всякой часъ умереть, и предъ судищемъ Христовымъ явиться, то бы онъ заповѣди *Божiя* съ большею ревностiю хранилъ. Спаситель нашъ самъ глаголетъ: Бдите, не вѣсте бо дни, ни часа, вонь же Господь вашъ прiидетъ, [то есть] когда взяты будете отъ свѣта сего. Видимъ ежедневно дѣйствительные примѣры скорой и весьма нечаянной смерти. Молодые и здоровые люди посреди роскошей и забавъ своихъ смертью похи-

похищаются, не имѣя времени въ познаніе и въ раскаяніе притти. Сіи *Божескія* увѣщанія должно намъ со особливымъ тщаніемъ принимая, какъ возможно оными пользоваться, а отъ худыхъ обычаевъ заблаговременно отвыкать. Что надъ сосѣдомъ нашимъ дѣлается, тому и надъ нами учиниться должно. Сего дня мнѣ, а завтра тебѣ. Истинной Христіянинъ и честной человѣкъ непрестанно смерть помнитъ, и по тому всѣ свои дѣла учреждаетъ. Сія полезная память должна всѣ наши не правыя мнѣнія отмѣнять. А все, что свѣтъ сей ни обѣщаетъ, то одинъ сонъ, прелести, и самая мечта. Которые люди такимъ ложнымъ мнѣніемъ себя прельщаютъ, будто смерть душу и тѣло совсѣмъ уничтожаетъ, тѣмъ при смерти своей безнадежнымъ и безутѣшнымъ быть должно; а истинной Христіянинъ, уповающій со Христомъ Іисусомъ Господемъ своимъ воскреснуть, почитаетъ сію многобѣдную и маловременную жизнь за переходъ въ вѣчное блаженство. Ты не боясь и не устрашаясь приближенія смерти, долженъ имѣть весьма противныя мнѣнія для надежды жизни вѣчныя со *Христомъ Господемъ* и *Богомъ* твоимъ. Ежелибы люди страшнаго суда *Божія* больше боялись, то бы во грѣхахъ не долго жили. Но умирающій человѣкъ ни о чемъ болѣе не думаетъ, да только о томъ жалѣетъ, что ему умереть, и во уничтоженіе притти должно. Смерть со всѣми къ тому при-

принадлежностьми всякому человѣку страшна. Всякими сладостьми питанное и бархатами одѣванное красное тѣло по разлученіи съ душею бездушнымъ трупомъ, пищею червямъ, и мерзостью смотрящимъ на него учиниться долженствуетъ. Не вѣчную ли правду говоритъ Святое Писаніе? Что гордишся земля и пепелъ. Все, что съ сею жизнью кончится, то весьма кратко и такъ маловременно, что человѣческаго попеченія отнюдь не достойно. Все внѣшнее чувства человѣческія прельщая, въ движеніе приводитъ. Ежели на жизнь нашу съ другой лучшей стороны безпристрасно посмотрѣть, то смерть всѣ человѣческія бѣды, скорби и печали вдругъ прекращаетъ, а душу въ благополучнѣйшее состояніе приводитъ. Сей разумной отвѣтъ учинилъ судьямъ своимъ въ погрѣшеніе впадшій знатной арестантъ. Сего безщастнаго человѣка не могли по надлежащему обвинить. Онъ бы еще жизнь свою больше продолжить могъ, ежелибы во отвѣтахъ своихъ на вопросы тверже стоялъ. Но онъ имъ не за долго до смерти своей будучи, о жизни и о смерти довольно разсуждалъ; только напослѣдокъ увидѣлъ, что мнѣ смерть въ нынѣшнемъ моемъ состояніи лучше и пріятнѣе жизни. Такимъ образомъ истинной Христіянинъ изъ самаго зла пользу себѣ получая, твердое свое въ правдѣ принятое намѣреніе постоянно защищаетъ, а всякое злополучіе свое съ приходящими на него бѣдами и печальми великодушно терпитъ.

терпитъ. Себя при всемъ томъ воли *Божїей* и святому Его провидѣнїю великодушно покоряетъ, а часа смерти своей съ кротостью, съ молитвою и со упованїемъ на Творца и *Бога* своего терпѣливно ждетъ. Напротивъ того въ роскошахъ и во грѣхахъ жизнь свою препроводившїе сего утѣшенїя при смерти своей не имѣютъ. Вся слава и богатство ихъ въ прахъ и въ пепелъ обратится. Горестно сїе напоминанїе при смерти лежащему грѣшнику, что за препровожденныя во грѣхахъ и въ забавахъ тритцать лѣтъ вѣчно мучиться. Не прискорбна ли сїя память тѣмъ, кои, забывъ *Бога*, по своей волѣ жили? Будущее имъ ничего кромѣ страха и кромѣ ужаса не представляетъ, а для того что они все минувшее время жизни своей въ злыхъ дѣлахъ препроводили. Нѣкоторые люди въ добромъ здоровьѣ, и во всякомъ благополучїи будучи, не хотятъ вѣрѣ святой повиноваться, и ея божественныхъ повелѣнїй слушать; а какъ занемогутъ, въ то время отъ страха и трепета всему вѣрить начинаютъ, чему *Божїй* законъ и святая Соборная Апостольская церковь праведно ихъ учитъ. Много такихъ примѣровъ видано, что самые грубѣйшїе и затвердѣлые грѣшники пришедши въ опасную болѣзнь, передъ дверьми стоящей смерти сильно убоялись. Напоминовенїе прошлыхъ грѣховъ, со страхомъ заслуженаго ими наказанїя, приводитъ ихъ въ печаль и въ крайнїй страхъ. Какъ скоро

грѣш-

грѣшники *Бога* прогнѣвятъ, въ тожъ самое время ложно думаютъ, будто они когда нибудь покаяніе принести, на конецъ жизни своей къ *Богу* обратятся. Но подлинной надежды о полученіи прощенія и милости *Божія* за тѣмъ имѣть не могутъ, что напоминаніе великихъ грѣховъ жестоко ихъ мучитъ. Страхъ близкой смерти принуждаетъ болящаго къ поданію знаковъ внѣшняго покаянія; но понеже благодать *Божія* внутрь его не дѣйствуетъ, а сердце грѣшника совершенно еще не обратилось, то онъ едва только на ноги поднявшись, старые свои злые обычаи по прежнему на себя приметъ. Самая малѣйшая болѣзнь грѣшниковъ въ крайній страхъ приводитъ, а одно имя смерти ужасъ и трепетъ неизбѣжно въ нихъ причиняетъ. Напротивъ того истинной Христіянинъ и честной человѣкъ небоязненными и спокойными глазами на оную смотритъ. Онъ довольствуется внутреннимъ свидѣтельствомъ ни въ чемъ зломъ незазрящей ему совѣсти, и твердымъ упованіемъ милосердія *Божія*. Сей православной Христіянинъ не сомнѣнно тому вѣритъ, что сохранившіе законъ *Божій* на земли получатъ безсмертіе и вѣчную жизнь на небеси. Признавающіе временную жизнь за преддверіе не кончаемаго блаженства, тожъ самое удовольство въ лишеніи всѣхъ свѣтскихъ забавъ и веселій чувствуютъ, которое роскошные люди въ дѣйствительномъ наслажденіи сими забавами

имѣютъ.

имѣютъ. О воскресенїи мертвыхъ не сомѣнно вѣрящїй Христїянинъ не только бѣдъ свѣтскихъ, но и самой смерти за истинное зло не признаваетъ, но за конецъ всѣмъ временнымъ злополучїямъ, а вѣчному блаженству за истинное начало справедливо почитаетъ. Пока душа въ тѣлѣ, до тѣхъ поръ всякїя тѣлесныя немощи чувствуетъ. Слѣдственно смерть тѣлу совершенной покой, а душѣ свобода и путь къ не кончаемой жизни. Истинной Христїянинъ и честной человѣкъ выше подлыхъ разсуждая, и подлинной образъ безсмертїя въ самомъ себѣ находя, праведно признаваетъ; а сїе исполненїе добродѣтелей тѣмъ большую силу и лучшую крѣпость ему подаетъ. Ежелибъ по ложному мнѣнїю эпикуровъ разлученїе души отъ тѣла обоихъ уничтоженїе было, тобъ вѣра и надежда наша тща была. Къ томужъ разумъ въ послушанїе вѣры и въ повиновенїе закону плѣнять напраснымъ бы дѣломъ учинилось. Но сего отнюдь да не будетъ. Крайнеебъ сїе безумїе было, ежелибъ воскресенїю мертвыхъ вѣрящїй и онаго съ не сомѣннымъ упованїемъ ждущїй Христїянинъ въ непорядочныя страсти предался; а такихъ людей то наиболѣе прельщаетъ, что они между смертью добродѣтельныхъ и грѣшныхъ людей чувствительнаго различїя не видятъ, и знать не хотятъ. Къ тому же тѣмъ сильно обманываются, что грѣшники также спокойно и безъ всяка-

го страшнаго случая умираютъ, какъ и другіе. Только они отошедши свѣта сего, впадаютъ въ руцѣ Судіи праведнаго, премудраго и всемогущаго, которой ожидаетъ ихъ на семъ пути для воздаянія каждому по дѣломъ его. Возлюбленный Христовъ ученикъ и наперсникъ объявляетъ намъ вся, яже написана суть въ книгахъ животныхъ. А всѣ наши дѣла имѣютъ по реестру сей тайной книги разсматриваны и суждены быть. Но сіе по благодати и милости *Божіей* отъ насъ зависитъ, чтобъ эти тайныя росписи доброе о насъ засвидѣтельствовали, дабы намъ гнѣва *Божія* въ то время не бояться, какъ Онъ всему міру судить, и каждому по дѣламъ его воздавать имѣетъ. Кому совѣсть въ непорядочномъ житьѣ и въ худыхъ дѣлахъ зазритъ, тѣ о сей великой правдѣ и подумать не смѣютъ, а между тѣмъ всякое печальное напоминаніе какъ возможно отъ себя отдаляютъ. Но сей страхъ есть обыкновенной знакъ поврежденнаго сердца и спутаной совѣсти. Подлинно, что грѣшному человѣку о смерти безъ страха и безъ ужаса помыслить не возможно. Великодушные и храбрые люди не такъ смерти боятся, токмо сія небоязливость приходитъ отъ того, что они до вѣчной жизни касающейся правды совсѣмъ не знаютъ. Нѣкотораго славнаго Генерала спросили: Не боитесь ли вы смерти, что на всякой день такимъ страхамъ себя подвергаете? Генералъ имъ

на

на сей вопросъ отвѣчалъ: Я читалъ въ исторіи предковъ моихъ, что человѣку той смерти славнѣе нѣтъ, которую онъ въ выигранной баталіи за отечество свое получаетъ. Мнѣ жизнь моя на малое время дана. Для того я оную какъ можно прославить долженъ. Это мнѣніе изрядно и великодушно, только истинной Христіянинъ и честной человѣкъ оное важнѣйшими причинами исправить, и чистѣйшимъ учинить можетъ. Хотя бы память честной смерти тщеславныя мнѣнія въ человѣкѣ причинить и могла, однакожъ ничто кромѣ напоминанія о исходѣ души отъ тѣла людей отъ суеты и отъ любви свѣтской исцѣлить не можетъ. Какъ только человѣкъ умретъ, то всѣ его чести, великія титлы съ богатою и славною жизнью вдругъ померкнутъ. Смерть любезныхъ и въ щастіи равныхъ намъ персонъ долженствуетъ насъ непрестанною о томъ памятью подкрѣплять, что и мы не безсмертны. Нѣкоторой другъ написалъ передъ смертью своею къ другу своему такое письмо: Вчера я былъ, а сей день меня нѣтъ. Ты нынѣ живъ, а по маломъ времени мертвъ будешь. Надо мною не минуемая и не возвратная судьба *Божія* сего дня исполнилась, а надъ тобою заутра совершится. Бери же другъ мой по сему свои мѣры, и пользуйся моимъ примѣромъ. Въ жизни и въ долѣ своей безщастные, также дѣйствительнымъ искусствомъ

бѣдность человѣческую знающїе люди, меньше другихъ смерти боятся, для того что она всѣ ихъ бѣды и печали вдругъ прекращаетъ. Но въ какомъ бы состоянїи человѣкъ ни былъ, однакожъ ему смерть съ покоренїемъ себя воли *Божїей* принимать надобно, для того что она никому не обходима. Почто человѣку себя печалить, или на то гнѣваться, ежели къ тому концу придетъ, къ которому онъ съ самаго часа рожденїя своего приближаться началъ. Всѣ дороги житїя человѣческаго на послѣдокъ соединяются, и къ одному концу идутъ. Почто намъ такого случая бояться, которой неминуемъ и неизбѣженъ? Всѣ мы должны онаго ждать, и къ сему часу съ кротостью и съ терпѣнїемъ набожно приготовляться. Ни чѣмъ сего упреждать не надлежитъ, по примѣру такихъ суровыхъ и дерзостныхъ людей, которые въ крайнее отчаянїе пришедши, во всяки бѣды и страхи самовольно мечутся для полученїя рановременной и хотябъ безчестной смерти, не могши, и не имѣя силы къ сопротивленїю злой и безщастной своей долѣ. Не размысля, и не разсуждая того, что они грѣшнымъ и отчаяннымъ прекращенїемъ своей жизни несравненно въ горшее и вѣчное зло, то есть, въ безконечную муку впадутъ. Древнїе свѣтомъ естественнаго и науками прїобрѣтеннаго разума просвѣщенные Язычники праведно тому вѣрили, что душа человѣческая есть безсмертное и духовное существ-

существо. Нѣкоторой философъ предъ смертью своею къ предстоящимъ дѣтямъ его слѣдующую о семъ рѣчь говорилъ: Не думайте дѣти мои того, что я по отшествіи моемъ отъ васъ ничто, и нигдѣ не буду. Не сомнѣвайтесь, прошу васъ, о семъ, что духъ мой по исшествіи отъ тѣла моего въ прежней своей цѣлости останется, хотя онъ себя никакимъ дѣломъ не окажетъ. Ни вѣрить, ни думать того не надобно, будто духъ человѣческій только до тѣхъ поръ живетъ и дѣйствуетъ, пока въ тѣлѣ пребываетъ. А какъ выдетъ изъ такого тѣла, которое безъ духа тлѣнная и бренная вещь будучи, ни разума, ни чувствъ не имѣетъ, то будто бы умеръ, и разсыпавшись всего своего разума, чувствъ и движеній лишится. Статься тому не льзя, повѣрьте мнѣ. Кой часъ духъ нашъ тѣ узы разорветъ, которыми съ тлѣннымъ человѣческимъ тѣломъ связанъ былъ, то онъ въ чистотѣ и въ блаженствѣ божественнаго своего существа немедлѣнно ощутившись, болѣе свѣта и премудрости получитъ. Ничто такъ смерти не равно и не подобно, какъ сонъ. А и въ самомъ снѣ духъ о себѣ показываетъ, что онъ отъ божественнаго существа произшелъ. Тогда духъ нашъ почти внѣ тѣла находясь, многія будущія и сокровенныя вещи ясно познаваетъ. А понеже мы симъ образомъ о безсмертіи и о духовномъ существѣ душъ нашихъ не сомнѣнно вѣрить должны, то по необходимому слѣд-

 ствиу

ству и поступки свои такъ учреждать надлежитъ, чтобы намъ ничего не бояться, и кромѣ жизни будущаго вѣка ничего не уповать, а послѣ въ роскошахъ, въ злостяхъ и во грѣхахъ препровожденнаго житья за принесеннымъ покаянїемъ и возможнымъ исправленїемъ предъ *Богомъ* честной и ему прїятной смерти несомнѣнно надѣяться. Ежели мы о воскресенїи нашемъ подлинно и твердо не увѣрены, а отъ сего между надеждою и между сомнѣнїемъ колеблемся, то сїе сомнительство не даетъ намъ съ надлежащею ревностїю о спасенїи своемъ стараться, и не допускаетъ насъ до истиннаго покаянїя и до удовлетворенїя за грѣхи наша, также до полученїя отъ *Бога* совершеннаго отпущенїя и прощенїя оныхъ. Къ сему важному дѣлу ничто такъ не способно, какъ передъ смертью остающееся человѣку время. Того человѣка разсужденїе весьма худо, кто свое покаянїе до того часа отсрочиваетъ, въ которомъ ему завѣщанїе дѣлать. Тогда умъ у человѣка не свободенъ, а времени столько нѣтъ, чтобъ застарѣлой обычай свой скоро переломивши, о тѣхъ грѣхахъ надлежащее и совершенное *Богу* покаянїе принесть, которыми онъ щедраго и долготерпѣливаго Творца своего чрезъ всю грѣшную жизнь свою прогнѣвалъ. Между тѣмъ большая часть Христїянъ такою ложною надеждою всуе себя ласкаютъ, будто они на послѣднихъ дняхъ жизни своей обратятся, и совершенное *Богу* о грѣхахъ своихъ покая-

покаяніе принесутъ. Хотя сіе прелестное мнѣніе всѣмъ видно, и весьма грубо, однакожъ безчисленное множество шакихъ Христіянъ погубляетъ, которые за скоростью жестокой болѣзни истиннаго покаянія принесть не могли, или не успѣли. Сему умирающему предстоящая жена съ дѣтьми въ крайнее умягченіе и въ жалость его приводитъ. Сего ради больной ни о чемъ кромѣ оставленія ихъ въ добромъ состояніи со всѣми свѣтскими дѣлами не думаетъ, а эти чувствительныя разсужденія мѣшаютъ внутреннему дѣйствію благодати *Божія*, и препятствуютъ во исполненіи того желанія, которое болящій къ возвращенію неправдами и обидою собраннаго чрезъ всю жизнь свою имѣлъ. Стоящіе передъ нимъ болѣе корыстей любители, нежели истинные друзья, такъ ему говорятъ: Что ты намѣренъ дѣлать? Развѣ жену свою по дворамъ, а дѣтей въ нищіе пустить хочешь? Мы теперь видимъ, что ты ихъ всего того имѣнія вдругъ лишить намѣряешься, которое ты такъ великими трудами собралъ. Къ смерти болящей, сими ложными представленіями будучи отягченъ, отходитъ въ не извѣстную вѣчность, подлинно не зная, куда придетъ, и что съ нимъ зделается. А добродѣтельные люди тѣмъ только довольствуются, чтобы отходя сего свѣта, дому своему благословеніе *Божіе* оставить. Кому совѣсть въ тяжкихъ грѣхахъ не зазритъ, тотъ и въ послѣднихъ часахъ своей

 жизни

жизни весьма спокоенъ. Память и размышленіе о смерти ни мало ихъ не страшитъ. Она всѣ ихъ болѣзни, труды и печали окончавши, въ вѣчной покой приводитъ. *Богъ* въ очахъ ихъ не жестокой и не умолимой Судія, но милосердый Господь и прелюбезный Отецъ, которой слугъ и дѣтей своихъ щедротно награждаетъ. Духъ Святый о смерти великаго въ Пророцѣхъ Моисея чрезъ Священное Писаніе только такія слова объявляетъ: Моисей слуга мой умре. Поистиннѣ! Къ славѣ человѣка больше сего сказать не возможно. То же писаніе подтверждаетъ: честна предъ Господемъ смерть преподобныхъ Его. Можетъ ли что человѣку честнѣе сего на свѣтѣ быть, ежели онъ такъ какъ другъ и слуга *Божій* умретъ? Никто не жалѣетъ о тѣхъ великихъ полководцахъ, которые полагаютъ жизнь свою на войнѣ за Государя и за отечество ихъ. Напротивъ того весь свѣтъ говоритъ, и признаться долженъ, что эти великіе Генералы на одрѣ славы и чести жизнь свою окончали. Но сіе съ большею правдою о тѣхъ лицахъ сказать можно, и надлежитъ, которыя въ вѣрности *Богу*, а притомъ за Его святое имя, также за честь и за славу *Бога* своего умираютъ. А кто жизнь свою во услугахъ свѣтскихъ изнуритъ, и ни о чемъ кромѣ угожденія прелестному міру сему не думалъ, тотъ на послѣдокъ увидитъ, что всѣ его труды и старанія исчезнутъ. На сіе смотря со

слезами

слезами и воздыханіемъ слѣдующія слова скажешъ: Мнѣ отъ всей моей надежды кромѣ гроба ничего не остается. Какая злая и безщастная доля такимъ знатнымъ персонамъ, которыя на семъ свѣтѣ толь горды, тщеславны и суетны были! Вся свѣтская слава съ красотою и съ великолѣпіемъ исчезаетъ; а зеркало смерти всѣ вещи человѣческія въ естественномъ ихъ состояніи и во истинномъ видѣ кажетъ. Когда вѣра наша о превѣчной Святаго Писанія правдѣ сомнительна, и не крѣпка, то и умъ человѣческій слабъ. Сего ради тѣ вещи, которыя совершенно здоровому человѣку весьма легкими являются, умирающему больше высокихъ горъ, и весьма ужасными покажутся. Когда человѣкъ въ великой бѣдѣ, или въ опасной болѣзни, то съ великимъ усердіемъ *Богу* молится, и разныя обѣщанія чинитъ: а какъ сей страхъ минется, или болящій оздоровѣетъ, то уже ни о чемъ больше не думаетъ, а исполненіе сихъ усердныхъ обѣтовъ изъ памяти своей совсѣмъ выкладываетъ. Мысль и память о приближающейся смерти творитъ въ сердцѣ умирающаго человѣка общее всему опровerженіе, ежели въ немъ хотя не большой остатокъ спасительной вѣры есть. Что человѣкъ въ здоровьѣ своемъ выше и больше всего любитъ, то уже не мило ему станетъ. Причины страстей его всѣ ему омерзѣютъ напоминаніемъ тѣхъ грѣ-

 ховъ,

ховъ , которые человѣкъ для нихъ учинилъ. Только уже все сїе не вольное дѣло стало , и въ то время не человѣкъ доброю волею отъ грѣховъ своихъ отстаетъ , да они его по неволѣ оставляютъ ; и слѣдственно человѣкъ ни малой за сїе мзды отъ *Бога* уповать не можетъ. Кто же въ томъ виноватъ ? Человѣкъ ли за то, что страсти его ослѣпляючи , во всякїя бѣды и въ грѣхи влекутъ ? Или онъ же по тому не правъ , что сїе передъ самою смертью и передъ отвѣтомъ *Богу* о всѣхъ своихъ грѣхахъ дѣлаетъ ? Не вольное покаянїе не въ покаянїе , а принужденное раскаянїе не прямое обращенїе отъ грѣховъ , да одно только жалѣнїе о исчезающихъ забавахъ , отъ которыхъ больному вовсе отстать , а за оные тѣхъ вѣчныхъ благъ лишиться надлежитъ , которыя *Богъ* тѣмъ людямъ непреложно обѣщалъ , кои себя ко исполненїю святыхъ Его заповѣдей силою принуждаютъ. Ни скоро преходящїя забавы , ни тлѣнное богатство съ имѣнїемъ полученїя вѣчныхъ благъ отнюдь не достойно. Что больше человѣкъ по себѣ наслѣдникамъ своимъ богатства оставитъ , тѣмъ меньше по немъ сожалѣть станутъ. Худое тому утѣшенїе , кто сто тысячь рублевъ по смерти своей оставитъ ; а сїе и того еще безумнѣе , кто душу свою для того теряетъ , чтобъ чужихъ людей , или своихъ не благодарныхъ дѣтей по себѣ набогатить , которые и спаси *Богъ* ему

не ска-

не скажутъ , да все пропьютъ и промотаютъ. Великихъ Министровъ , статскихъ людей , и славныхъ полководцовъ смерть съ сего свѣта такъ согнала , что не только слѣду , но ниже памяти ихъ не осталось. Какъ только сихъ славныхъ мужей передъ глазами у людей не станетъ , такъ скоро свѣтъ сей позабудетъ. Ежели иногда объ нихъ вспомнятъ , и то больше для поношенія неправдъ , грабительствъ , самолюбія , наглости учиненной во время жизни , а не къ прославленію добродѣтелей ихъ праведно бываетъ. Умноель это дѣло , чтобъ себя за такую тлѣнную маловременность вѣчно погубить , а имя свое въ потомственномъ ругательствѣ оставить? Что прибыли человѣку, быть щастливу на малое время , а потомъ безщастной конецъ имѣть , и вѣчно мучиться , по божественному словеси Христа Спасителя нашего: Кая польза человѣку , аще пріобрящетъ миръ весь , душу же свою отщетитъ , или что дастъ человѣкъ измѣны на души своей? Ежелибъ человѣкъ самъ себѣ наединѣ сказалъ: Я отъ природы на смерть осужденъ , а изо всѣхъ моихъ трудовъ и собранныхъ имѣній ничего мнѣ , кромѣ общаго всякому человѣку жилища , то есть , кромѣ гроба не останется : тобъ поистиннѣ всѣ свои суетныя мнѣнія отмѣнивши , о такомъ тлѣнномъ щастьѣ не трудился. Понеже истинной Христіянинъ и честной человѣкъ

вѣкъ о непостоянствѣ, о тлѣнiи и о ничтожествѣ вещей свѣтскихъ подлинно и чувствительно увѣренъ, то самъ себя въ надлежащiя свои границы съ охотою приводить будетъ. Для большаго утвержденiя себя въ сихъ непоколебимой правды предѣлахъ надобно человѣку временемъ думать, что мы родились на смерть, а умремъ на животъ. Хотя и здоровы, однако смерть отъ насъ не далеко, а часъ ея весьма не извѣстенъ. Дни наши съ не описанною и не удержимою скоростью текутъ, а смерть къ не кончаемой вѣчности двери намъ отворяетъ. Ниодинъ человѣкъ о семъ сомнѣваться не можетъ, для того что всѣ Христiянскiя дѣти на семъ праведномъ ученiи воспитаны. Откудажъ сiе приходитъ, что они въ такой безопасности, въ лѣности, и въ небреженiи о важнѣйшемъ дѣлѣ своего спасенiя живутъ, отъ котораго не только временное щастiе, но и вѣчное блаженство зависитъ? Все то время надлежитъ считать за потерянное, которое человѣкъ не на старанiе о своемъ спасенiи употребляетъ. Не самоель это терянiе времени, когда человѣкъ забывая *Бога*, и душу свою, ни о чемъ, кромѣ собранiя тлѣннаго богатства не старается, не зная и не помня того, что не только смерть, но и нечаянно безщастной случай всего собраннаго лишить его можетъ? Понеже многiе люди о воскресенiи мертвыхъ не совершенно увѣрены; а сiе ихъ въ важномъ и основательномъ

номъ пунктѣ вѣры Христїянской грѣшное сомнительство главная причина безпечальному оныхъ состоянїю, или нечувствительности о смерти душевной, то есть, о вѣчной мукѣ. Хотя они во время приближенїя тѣлесной смерти жестокой и весьма чувствительной страхъ имѣютъ, хотя на охраненїе себя отъ смерти ни трудовъ, ни иждивенїя не желаютъ, только все напрасно. Подлиннаго ея часа ни чѣмъ удержать и отвратить, а человѣку ниодной минуты къ жизни своей прибавить, или на мгновенїе ока житья своего продлить не возможно. Но то въ его волѣ и власти, чтобы помощїю благодати *Божїя* отъ смерти душевной, то есть, отъ вѣчной муки избавиться, и себя достойнымъ не кончаемаго блаженства учинить. Какое странное ослѣпленїе! Коль чудное превращенїе разума человѣческаго! Бѣдное и плача достойно это состоянїе, чтобъ человѣку во всегдашнемъ страхѣ совершеннаго и всеконечнаго уничтоженїя быть, ежели послѣ сей временной жизни никакой другой надежды нѣтъ. Или во всегдашнемъ трепетѣ быть о вѣчныхъ мукахъ. Когда уже сїе самая истинна, что провосудный *Богъ* всѣхъ преступниковъ святаго закона своего не избѣжно казнитъ, то не вѣрующимъ сему подлинно кромѣ всеконечнаго смертью уничтоженїя инаго надѣяться нѣчего. Каково сїе мнѣнїе ни страшно, только оно единое, и такое ихъ прибѣжище, которымъ они посреди крайнихъ безпорядковъ своихъ напрасно

сно себя ласкаютъ. Но истинной Христіянинъ и честной человѣкъ о правилахъ и о ученіи святой вѣры своей совершенно будучи увѣренъ, не сомнѣннымъ упованіемъ безсмертной и блаженной жизни всегда себя утѣшая, временную смерть за преддверіе и начало не кончаемаго со святыми пребыванія праведно почитаетъ. Ежели въ себя пришедши, о томъ страшномъ дни прилѣжно подумать, въ которомъ правосудный *Богъ* дѣла всякаго изъ насъ обнаживши, каждому по дѣломъ его воздаетъ. А потомъ или къ наслѣдованію уготованнаго имъ благословеннымъ Отца Его царствія отъ сложенія міра, или уже въ опредѣленной беззаконникамъ огнь вѣчный не избѣжно пошлетъ: то и самые окаменѣлые грѣшники устрашась временной, а болѣе вѣчной смерти, всѣ свои силы употребляютъ на о свобожденіе себя отъ тяжкаго ига грѣховнаго. Роскошной сего убоявшись, всякихъ ко грѣху и къ безчестнымъ роскошамъ служащихъ способовъ бѣгать начнетъ. Имѣющій недруговъ примиряется, и прогнѣвавшихъ себя охотно прощаетъ для полученія отъ *Бога* себѣ милости и прощенія грѣховъ своихъ. Всякъ по обстоятельствамъ своей совѣсти въ такое состояніе себя приводитъ, какъ намъ лицу *Божію* предстать. Ежелибъ мы умнѣе были, то бы всю нашу жизнь во всегдашней склонности ко всякому благу препровождали для полученія тѣхъ вѣчныхъ и не изглаголанныхъ благъ, о которыхъ Апостолъ Святый Павелъ упо-

упоминаетъ: Ихъ же око не видѣ, и ухо не слыша, и на сердце человѣку не взыдоша, яже уготова *Богъ* любящимъ Его. Вѣра Христіянская и новый завѣтъ въ семъ пунктѣ съ Ветхимъ Завѣтомъ весьма не согласны. Сей отъ Моисея Іизраилю данный законъ временное и скоропреходящее благополучіе, то есть, медомъ и млекомъ изобилующую землю обѣщалъ; а Господь и Спаситель нашъ Іисусъ Христосъ повелѣваетъ намъ прежде всего искать царствія *Божія*, и правды Его, съ твердымъ обнадеживаніемъ вѣрующихъ во святое имя Его, что вся житейская приложатся намъ. Но понеже о семъ сомнѣвающіеся Христіяне съ не вѣрными и грубыми Жидами одного мнѣнія будучи, ни о чемъ кромѣ тѣлеснаго и временнаго благополучія не думаютъ: то память о смерти съ разными бѣдами и напастьми долженствуетъ ихъ отъ сего безмѣрнаго желанія къ тлѣннымъ вещамъ удерживать. Для сей причины надобно имъ часто сіе помнить, что смерть никому не прощаетъ. Премудраго и безумнаго, богатаго и убогаго, Короля и пастуха, всѣхъ равными творитъ. Она ни чести, ни достоинствъ, ни талантовъ, ни богатства отнюдь не смотритъ. Какое усмиреніе тѣмъ гордымъ, которые при смерти своей видятъ себя равными бѣднымъ и презрѣннымъ людямъ на свѣтѣ. Какъ такимъ людямъ спокойно и въ тихости умереть, которымъ совѣсть важные

грѣхи

грѣхи всякой часъ предъ глаза ихъ ставитъ? Какую радость тѣмъ людямъ имѣть, которые по всякой часъ на безконечную муку осуждены быть могутъ? Какая надежда и безопасность грѣшнымъ посреди забавъ и роскошей ихъ? Щастіе ихъ на волосѣ виситъ, а злополучіе не избѣжно. Суетна и напрасная того человѣка надежда, кто святой и предъ *Богомъ* честной смерти уповаетъ, а всю свою жизнь во грѣхахъ препроводилъ. Это всего удивительнѣе и ужаснѣе, что они при самой смерти не о спасеніи душъ своихъ, но весьма о другомъ думаютъ. Кто бы ты таковъ, и въ какомъ бы на свѣтѣ состояніи ни былъ, однако прошу васъ Благосклонный Читатель прилѣжно помнить, что *Богъ* тебя сотворилъ на служеніе себѣ, на исполненіе святой Его воли, и на піщаніе о спасеніи твоемъ. Помни, что время ежеминутно летитъ, а тебя съ собою по неволѣ влечетъ. Поздо уже въ тѣ поры будешъ о себѣ помнить и стараться, когда принужденъ будетъ въ страшную и безконечную вѣчность итти. Какое великое безпокойство, и какой страхъ при смерти грѣшниковъ? Когда они здоровы, въ то время всѣми гордятъ, всѣхъ презираютъ, и храбрѣе цѣлаго свѣта кажутся; а какъ скоро увидятъ, что смерть къ нимъ приближается, то вдругъ упавши, въ крайній страхъ, въ трепетъ, и въ отчаяніе придутъ. Боятся, мечутся, безпокоятся, и возмущенной своей совѣсти ни чѣмъ утишить

шить не могуть. А понеже истинной Христїянинъ и честной человѣкъ въ важнѣйшихъ должностяхъ чрезъ всю свою жизнь вѣренъ былъ, да притомъ же въ смиренной надеждѣ на милосердїе Творца и *Бога* своего несомнѣнно уповалъ; то онъ отъ приближенїя смерти ни страху, ни безпокойства не покажетъ, вѣдая, что тѣлесная смерть всѣмъ его временнымъ печалямъ, бѣдамъ и прискорбностямъ конецъ, а вѣчному съ *Богомъ* житїю и безконечному блаженству самое начало.

ГЛАВА ПЯТАЯНАДЕСЯТЬ.

О СТРАСТЯХЪ.

Хотя сїе мнѣнїе не вѣроятно; однакожъ подлинно и праведно, что всѣ человѣческїя страсти не всегда таковы худы, и не такъ опасны, какъ народъ объ нихъ думаетъ, и ложно разсуждаетъ. Ежели перемѣнить вещь и причину, то изъ страстей доброе употребленїе здѣлать можно, по тому что онѣ человѣка не только къ великимъ дѣламъ, но и къ самой добродѣтели приводятъ. По исторїи во всѣхъ временахъ видно, что которые люди *Бога* всѣмъ усердїемъ любили, а за славу Его великїя и героичныя дѣла предпринимали, тѣ сперва, а особливо въ своей молодости, къ свѣтской и запрещенной любви весьма склонны были, и

для полученія суетной славы великія предпріятія дѣлывали. Того токмо весьма храниться надлежитъ, чтобы страсть человѣкомъ вовсе не обладала, но со временемъ бы разуму и правдѣ покорена была. Что можетъ быть лучше такого нрава, и дражайше того состоянія сердца человѣческаго, которое покоряется безъ труда, и не слушаетъ своего собственнаго ума, какъ скоро только ему представятъ, что онъ правдѣ и разуму противится. Все сіе, на что человѣкъ пристрастія полными глазами смотритъ, то ему позволенымъ, или не великой важности дѣломъ кажется. Страсть подобна такимъ стекламъ, которыя цвѣтъ и состояніе вещей перемѣннымъ кажутъ. Страсти въ то время вреда не дѣлаютъ, когда разумъ ихъ управляетъ, а они ему совершенно покорны и послушны. Страхъ самъ въ себѣ подлая страсть. Только боязнь наказанія помогаетъ въ содержаніи порядка, и такихъ людей въ должности ихъ удерживаетъ, которые бы безъ узды и безъ воздержанія въ заблужденіе притти могли. Надежда съ ревностнымъ желаніемъ, а честолюбіе съ нетерпѣливостью, свойственны тѣмъ огненнымъ и горячаго сложенія людямъ, которые съ такимъ нравомъ всякія препятства преодолѣваютъ для произведенія въ дѣйство великихъ своихъ намѣреній. А мяхкаго, робкаго и медлѣннаго сложенія люди отъ малаго затрудненія уставши, въ срединѣ своего теченія

скоро останавливаются, ежели намѣренїямъ своимъ противность увидятъ. Сїе вѣчной правды слово самая истинна. Впадаяй въ грѣхъ, рабъ есть грѣха. Такъ власно какой нибудь страсти подверженной человѣкъ, рабъ есть страсти тоя. Его какъ покровомъ глаза человѣческїе закрываются, чтобъ яснѣйшихъ дѣлъ и вещей не видѣть. Она умъ нашъ такою темнотою наполняетъ, которая препятствуетъ человѣку о своемъ состоянїи разсуждать, и отнимаетъ у него познанїе явной правды. Великая страсть подобна маловременному безумству. Когда она удовольствована, или отмѣнилась, то разсужденїе до тѣхъ поръ у человѣка отлагается, пока возвращенїемъ здраваго разума всѣ свои учиненныя погрѣшности ясно увидитъ, а потомъ едва можетъ повѣрить, чтобы человѣкъ столь великїе непорядки и такъ грубыя заблужденїя здѣлать могъ. Только уже къ безщастїю человѣческому раскаянїе весьма поздо, и въ такое не время приходитъ, когда зло съ болѣзнїю не исцѣльнымъ здѣлается. Въ самомъ началѣ страсти, когда она только малыя искры въ пеплѣ тлящагося огня испускаетъ, то человѣкъ всегда суетною и такою тщетною надеждою самъ себя прельщаетъ, будто ее до высочайшей крайности не допустя, собственными силами воздержитъ. Но сїе намѣренїе и надежда о воздержанїи жестокой страсти тогда исчезаетъ, когда человѣкъ этой

страсти своей такія вещи и дѣла представляетъ, которыя оную толь сильно возмутить могутъ, что человѣкъ за добродѣтель свою ручаться не въ состояніи будетъ. Кто страсть свою велерѣчіемъ оправдать старается, то подлинной знакъ, что она сильно укоренилась, по тому что воля не можетъ склониться, и себя къ оставленію того отважить, что человѣкъ съ горячестію любитъ. Люди ко грѣхамъ и порокамъ не вдругъ привыкаютъ, но со временемъ, и по ступенямъ до нихъ доходятъ. А когда уже кто въ семъ обычаѣ затвердѣетъ, то сіе худое обыкновеніе не такъ скоро можно оставить, какъ старое платье съ себя скинуть. Къ оставленію любимыхъ страстей особливое великодушіе съ отмѣнною отвагою надобно. Не довольно человѣку того, чтобъ страсти своей одинъ часъ противиться, да непрестанной подвигъ, или войну съ нею имѣть, или побѣжденну быть должно. Все внутреннее въ человѣкѣ исполненію добродѣтели и строгому ученію естественно противится. Въ насъ природная склонность къ роскошамъ, къ забавамъ, къ самолюбію, къ гордости, и къ непрестаннымъ желаніямъ отъ утробы матерни вкоренена. Предписаннымъ отъ *Бога* узкимъ и прискорбнымъ путемъ итти, ничто иное, какъ злымъ своимъ желаніямъ мужественно сопротивляться, и все то у нихъ отнимать, что закону *Божїю* противно. Для сего - то премногіе

ногїе о семъ жалуются, будто имъ исполненїе сего закона такъ трудно. Причина сей мнимой невозможности отъ поврежденїя сердецъ ихъ, а не отъ трудности заповѣдей *Божїихъ* происходитъ. Главная всему вина то, что они Творца и *Бога* своего всѣмъ сердцемъ, всею душею, всѣмъ помышленїемъ, и надъ вся въ свѣтѣ не любятъ; а для любимаго все радостно и прїятно. Кому исполненїе закона *Божїя* трудно, того вѣра сомнительна и слаба, а на сопротивленїе стремленїю страстей весьма не способна. Сїя тягость влечетъ ихъ къ свѣту, и не допускаетъ до того, чтобы сердца съ мысльми къ *Богу* возводить. Страстьми обладанной, и грѣхами обезчещеной человѣкъ здравому разуму какъ истинному своему проводнику во всемъ послѣдовать не можетъ. Во Христа Спасителя и *Бога* нашего невѣрующїе народы всякимъ страстямъ безъ сопротивленїя предаются. Ничему, кромѣ развращенныхъ мыслей поврежденнаго сердца, и кромѣ грѣшныхъ вожделѣнїй своихъ не слѣдуютъ; а во имя Господа Іисуса крестившїеся, и во Христа избавителя своего всѣхъ себя облекшїе Христїяне, удаляясь отъ сихъ Язычниковъ, чувственнымъ забавамъ и нечистотѣ отнюдь не покоряются, но плоть свою духу повинуютъ, пребывая въ границахъ предписанной имъ отъ закона правды. Имъ того не довольно, чтобъ отъ великихъ грѣховъ воздержаться; но малѣйшїй ко грѣху клонящїйся взоръ, и тогожъ требующее желанїе

ланіе можетъ сердце истиннаго Христіянина и честнаго человѣка очень скоро повредить, а добродѣтели его знатной ущербъ здѣлать. Страстью обладанной человѣкъ ни о чемъ не думаетъ, и въ великомъ ея жару ни о какихъ дѣлахъ, или о слѣдствахъ за ними здраво не разсуждаетъ, кромѣ того, чтобы себя удовольствовать. Іовъ описываетъ человѣка хотящаго важной грѣхъ здѣлать сими словами: Сей бѣжитъ отъ свѣта, и ищетъ темнѣйшихъ мѣстъ, гдѣ бы острѣйшій глазъ человѣческій видѣть его не могъ. Сія предосторожность ясно показываетъ, что зломыслящій человѣкъ грѣхъ свой всегда предъ глазами видитъ, а о беззаконномъ намѣреніи своемъ хотя и стыдится, однакожъ ослѣпившую его и господствующую имъ страсть не ослабно исполняетъ. И о другихъ страстяхъ власно тожъ сказать можно. Кто намѣренъ мстить, тотъ ни на какіе предъ глазами его стоящіе страхи не смотритъ, токмо бы ему того человѣка погубить, которой его обидилъ, или прогнѣвалъ. По маломъ утишеніи страсти предлагаемые добрые совѣты и разсужденія никакого полезнаго дѣйства, кромѣ блѣдности въ лицѣ, не причиняютъ. Однимъ словомъ: человѣкъ во время страсти самъ не свой. Но тотъ за премудрѣйшаго человѣка справедливо почитается, кто сей огонь утушитъ, волнующуюся страсть свою обуздать, а себя одолѣвши, мнѣніе свое отмѣнить, или по крайней мѣрѣ воздер-

воздержать можетъ. Многїе удивляются безумству и гнѣвливому дерзновенїю древняго Ісава, которой природное право старшинства своего за блюдо чечевицы и за ломоть хлѣба брату своему Іякову уступилъ. Всѣ грѣшники точно такъ поступая, за негодныя, токмо свѣту прїятны вещи законное свое наслѣдїе небеснаго царства и настоящаго ихъ отечества безумно продаютъ, и въ томъ себя ни чѣмъ извинить не могутъ. Ісавъ еще тѣмъ оправдаться можетъ, что онъ сїе съ великою и смертельнаго голоду учинилъ; но вскорѣ за тѣмъ погрѣшенїе свое узнавши, стыдомъ, плачемъ и воплемъ прямодушно засвидѣтельствовалъ. Во время жестокой и свирѣпой страсти великой передъ собою ямы никто не видитъ; но тогда уже глаза у него отворятся, какъ въ сїю пропасть упадаетъ. Хотя болѣзнь Ісавля и велика была, однако покаянїе со всѣмъ его крикомъ и воплемъ не принято; а желаннаго имъ благословенїя за тѣмъ не дано, что сердце его только о потерянїи временнаго жалѣло. Сїе и нынѣ надъ такими людьми часто дѣлается, которые подъ игомъ страстей и въ работѣ у грѣховъ своихъ живутъ. Хотя они внѣшнїе виды раскаянїя на себѣ и кажутъ, только всѣ эти доказательства для того безполезны, что раскаянїе ихъ не истинно, а они въ прежнихъ своихъ пристрастныхъ намѣренїяхъ не отмѣнны. Сїежъ самое главная тому причина, что они не слушаютъ совѣтовъ и представленїй дру-

 зей

зейсвоихъ, которые полезными увѣщанiи своими на путь правды привесть ихъ стараются. Хотя бы имъ кто сказалъ, этотъ человѣкъ къ пагубному соблазну и къ паденiю васъ ведетъ. Пожалуйте вы его оставьте, и не обходитесь съ нимъ. Здѣлайте заранѣе для порядку и благопристойности то, что вы со временемъ отъ скуки съ омерзѣнiя, также во отмщенiе невѣрности, или нечувственности его, (или ее) здѣлать, а иногда къ сему и принуждены быть можете. Хотя эти причины не весьма важны, однакожъ нѣкоторую помощъ къ оставленiю погубляющей страсти подать могутъ. Это подобно мнѣнiю такой жены, которая всюсвою молодость въ роскошахъ и въ невоздержностяхъ препроводя, а притомъ великiя деньги безчестiемъ своимъ собравши, на конецъ сказала: Теперь у меня столько есть, чѣмъ мнѣ разумнѣе жить. По сему примѣру собранiемъ процентовъ набогатившiйся ростовщикъ не думая возвратить неправдою и грѣхомъ собраннаго, публично говорилъ: Теперь я довольно къ тому богатства нажилъ, чтобы мнѣ себя такъ содержать, какъ доброму человѣку надлежитъ. Ниодинъ страстью обладанной человѣкъ о причинѣ своего пристрастiя здраво не разсуждаетъ. Многiе въ злыхъ обычаяхъ застарѣвшiе люди такъ говорятъ: Развѣ ты это за великое зло признаваешь, что мы дѣлаемъ? Или думаешь, будто *Богъ* за такое малое дѣло

насъ

насъ накажетъ? Какъ имъ объ этомъ сомнѣваться, ежели они хотя мало извѣстны о правилахъ вѣры Христiянской, которая насъ тому учитъ, что и малѣйшiя погрѣшности съ крайнею жестокостью испытаны быть имѣютъ. Они иногда такимъ добрымъ людямъ смѣются, которые свою должность точно и безъ дальняго разсужденiя рачительно исполняютъ, а надъ тою искренностью ругательно тѣшатся, съ которою эти добродѣтельные люди всѣхъ сладостей, забавъ, радостей, роскошей и утѣхъ свѣтскихъ отъ благаго произволенiя сами себя лишаютъ. Страстью помраченной и обладанной человѣкъ ни на разсужденiе, ни на дѣло, ни на принятiе твердаго намѣренiя времени не имѣетъ. Въ слѣдствiе сего славный Катонъ говоритъ: Во время гнѣва своего ни о какомъ сомнительномъ дѣлѣ рѣшенiя не дѣлай, а къ не извѣстной сторонѣ за тѣмъ не приставай, что гнѣвъ затмѣняетъ разумъ, и не даетъ ему познавать правды. Ежелибъ гнѣвомъ возженные люди могли безпристрастно видѣть, какъ много они смѣха достойнаго говорятъ, и какiя безумства во время сей страсти дѣлаютъ, то бы для исцѣленiя отъ сей душевной бури часто въ зеркало смотрѣлись. Тотъ же Катонъ пишетъ: Ежели домашнiе и служители твои какое знатное погрѣшенiе здѣлаютъ, а ты на нихъ за сiе сильно озлобишься, то до тѣхъ поръ ихъ

не наказывай, пока гнѣвъ твой совершенно пройдетъ. Сїе мудрое увѣщанїе тѣмъ наибольшую пользу въ себѣ имѣетъ, что человѣкъ во время гнѣва отнимающаго разумъ границы справедливаго наказанїя переступить можетъ. Въ погрѣшенїе впадшїя дѣти и служители наказанїю охотно себя подвергаютъ, только притомъ подлинно вѣдаютъ, какой размѣръ сїе наказанїе имѣть должно. Ежели оное мѣру превзойдетъ, то въ неудовольство пришедши, основательно ропщутъ, что по страсти дѣлается, того ни въ порядокъ привесть, ни въ надлежащихъ границахъ удержать не можно. Всѣмъ фамилїямъ безпокойная, и не только убыточная, но весьма разорительная роскошъ нынѣшняго вѣка происходитъ отъ гордости, отъ невоздержанїя, да еще отъ самолюбїя такихъ людей, которые всегда того ищутъ и желаютъ, какъ бы себя отъ другихъ въ чемъ нибудь отмѣнными показать. Первозданному человѣку съ женою его для не минуемой нужды и прикрытїя наготы ихъ даны отъ *Бога* ризы кожаныя. Только сїя щастливая простота одежды не долго была. Вскорѣ послѣ того выдумали люди покойное, а потомъ уже и богатое платье. Съ поврежденїемъ нравовъ и роскошъ отъ часу болѣе умножилась. Своенравство и праздность женъ съ природною ихъ склонностїю ко угожденїю и къ привлеченїю очей свѣтскихъ, къ смотренїю на себя

себя, безчисленное множество новыхъ модъ и обычаевъ на свѣтѣ привело какъ въ платьѣ, такъ и въ уборахъ, которые ежегодно такой перемѣнѣ подвержены, что ихъ власно какъ непостояннаго мнѣнія и нрава изобрѣтающихъ оные утвердить не возможно. Тожъ надлежитъ сказать и о другихъ страстяхъ, которыя ни правилъ, ни мѣры не знаютъ; а не воздержнымъ и ненасытнымъ желаніемъ мнѣнія не сказанной людямъ вредъ причиняютъ, что изъ слѣдующаго примѣра яснѣе покажется. Лиможской дворянинъ нашелъ въ деревнѣ у себя великое сокровище золотыхъ медалей древнихъ Кесарей римскихъ, Греческихъ, и другихъ Монарховъ. Рихардъ Король Аглинской, какъ тогдашній владѣтель Лиможской провинціи объявилъ, будто сіе сокровище ему принадлежитъ, пришедши съ войскомъ, ту крѣпость осадилъ, въ которой сіе богатство лежало, токмо на приступѣ стрѣлою убитъ, а тѣло сего Короля подлѣ гроба отца его Аглинскаго же Монарха Генриха въ монастырѣ фунтевральскомъ погребено. Виды и намѣренія человѣческой мудрости весьма узкими границами обведены будучи, часто лжи и обману подвергаются. Французскій Конетабль Монморанси съ великимъ усердіемъ того желалъ, чтобъ единая дочь и наслѣдница славнаго дому въ Брѣтаніи называемаго де Ріэ была за старшимъ его сыномъ. Хотя Король Генрихъ четвертый

сему

сему Конетаблеву намѣренїю весьма противился, и нарочно сильную команду для перенятїя ихъ на дорогу посылалъ, когда они въ Бретанїю поѣдутъ, только сїе супружество ни на какїя препятства не смотря, совершилось. Но понеже Конетабль всѣхъ тѣхъ пользъ не нашелъ, которыхъ отъ сего союза уповалъ, то сей сына своего совершившїйся бракъ уничтожилъ, не взирая на учиненное противъ всѣхъ правъ безчестїе такъ знатной персонѣ, которая сего озлобленїя ни чѣмъ не заслужила. Послѣ сего разводу сынъ помянутаго Конетабля почитая себя за совершенно свободнаго, женился на другой, которая не только всему нещастїю, но и самой смерти мужа своего причиною была преведенїемъ его въ число главныхъ бунтовщиковъ противъ Короля, которые возмутители всѣ умерщвленны, а между ими и онъ казненъ. Сїе учинилось на явное отъ *Бога* мщенїе за нарушенїе законнаго супружества, и за такую безумную суету, которой послѣдуя, ничего кромѣ корысти не искалъ, и все по одной слѣпой страсти своей дѣлалъ. Эти злые и весьма опасные проводники, то есть страсти, долго, или коротко, а все конечно такого человѣка въ пропасть заведутъ, которой безмѣрнымъ честолюбїемъ ослѣпляется, а притомъ выше чести и заслугъ рода своего силою взойти хочетъ. Трудно тому человѣку щастїе въ службу свою принуждать,

нуждать, кЪ кому оно само итти не хочетЪ: а сей принуждатель не на щастїе родился, или кЪ содержанїю онаго нужныхЪ талантовЪ не имѣетЪ. Портнаго дѣла ученикЪ французЪ Ланде, родомЪ изЪ Брѣтанїи, учинившись первымЪ МинистромЪ Герцога Брѣтанскаго, и обладавши нравомЪ Государя своего, всѣхЪ вельможЪ сталЪ мучить, и нагло обидѣть. Весь народЪ взбунтовавши сталЪ требовать выдачи сего Ланде для успокоенїя государственнаго возмущенїя. Не обЪявя о томЪ напередЪ владѣтельному Герцогу, пришли великимЪ собранїемЪ кЪ воротамЪ сего Министра, и вытаща его изЪ двора, очень скоро повѣсили, во отмщенїе за не сносныя обиды, за тяжкїе налоги, и за великїя грабительства, которыя сей Ланде во время министерства своего всему Брѣтанскому княжеству учинилЪ. Но простымЪ людямЪ самимЪ мстить отнюдь не подлежитЪ вЪ такомЪ опасенїи, дабы они мѣры не превзошли. Ослѣпляющїя ихЪ страсти временемЪ не бывалыя и мнимыя обиды дѣйствительными имЪ кажетЪ. *БогЪ* учинилЪ намѣстниками своего правосудїя на земли МонарховЪ, а они уже опредѣляютЪ отЪ себя МинистровЪ, судей, и народныхЪ властей, которымЪ судЪ и расправу производить. Когда эти правители монаршей державы безпристрастно поступаютЪ, то опасности нѣтЪ, чтобы обидимаго обвинивши, вЪ руки сильному обидчику предали. Только и имЪ того

прилѣжно

прилѣжно храниться надлежитъ, чтобъ судъ ихъ ни для страху, ни для милости, а особливо ради корыстей отнюдь поврежденъ не былъ. Имъ не должно бояться власти и силы людей гордыхъ и суетныхъ, которые во времени своемъ будучи, развращенно и не праведно думаютъ, будто имъ все такъ позволено, что они отъ ига *Божіихъ* и человѣческихъ законовъ совсѣмъ свободны. Такого мнѣнія и состоянія людей Всеправеднѣйшій *Богъ* всегда и справедливо смиряетъ, чтобъ они научились знать себя, и покоряться всесильной десницѣ Господней. Тѣ люди во мнѣніи своемъ весьма обманываются, которые о страстяхъ такъ ложно думаютъ, будто въ нихъ все благополучіе человѣческой жизни, а безъ страстей (де) ни веселія, ни забавы нѣтъ. Которой честной человѣкъ злыхъ мыслей и худыхъ желаній не имѣтъ, также знаетъ какъ ихъ уничтожая отъ себя отвращать, тотъ подлинно щастливъ, и спокойно живетъ. Власть страстей весьма безпокойна, а притомъ всегдашнему возмущенію и мучительству подвержена. Хотя человѣкъ отъ удовольствія ихъ нѣкоторое веселіе и чувствуетъ, но потомъ вдвое того безпокойства въ совѣсти своей послышитъ, и за одинъ часъ въ страстяхъ полученнаго веселія иногда цѣлой годъ кается. Ежели все прилѣжно разсмотрѣть, то во украшеніи и въ воздержаніи страстей меньше труда, а больше радости и внутренняго удовольствія,

ствія, нежели въ дозволеніи имъ того, чего онѣ отъ человѣка требуютъ. Страсти со временемъ возрастаютъ, а мы къ самой крайности не вдругъ приходимъ. Стыдъ боязливъ, а страсти помалу его прельщаютъ. Сперва человѣкъ слушаетъ двусловныхъ и подозрительныхъ разговоровъ, чрезъ что чистота души его къ смерти приближается; а человѣкъ до тѣхъ поръ истиннаго своего зла не узнаетъ, какъ уже оно неисцѣльнымъ здѣлается. Большая часть молодыхъ людей одному своему упрямству безразсудно послѣдуютъ, а притомъ стремленію жестокаго и не воздержнаго нрава своевольно повинуются, въ чемъ бы только сіе стремленіе пристрастныхъ своихъ желаній исполнить могло. Ни съ кѣмъ не совѣтуютъ кромѣ страстей своихъ, которыя ихъ гораздо далѣе того заведутъ, нежели люди о томъ думали. А когда уже здѣлавши погрѣшность, станутъ съ такими людьми спрашиваться, которые ихъ добрымъ совѣтомъ и полезнымъ примѣромъ своимъ на прямую дорогу поведутъ, то къ разорванію такихъ обязательствъ отважиться не могутъ, отъ которыхъ они великихъ забавъ со всякимъ удовольствомъ напрасно себѣ уповали. Роскошные люди въ палящей страсти ихъ для удовольствія своего все отваживаютъ. Здоровье и щастіе свое, а притомъ интересъ и славу со всѣмъ благополучіемъ на свѣтѣ забавамъ, да роскошамъ своимъ на жертву отдаютъ.

Жестокая

Жестокая страсть подобна маловременному безумству, по тому что она умъ и разсужденіе у человѣка на нѣсколько времени отнимаетъ. Римской Принцъ Тарквинъ будучи уязвленъ желаніемъ мудрой и добродѣтельной дѣвицы, но не могши ее къ безчестному намѣренію своему никакими способы склонить, для того руку ей перебилъ, чтобъ дѣвица скотской его страсти противиться не могла. Не крайнеель это варварство и безуміе? Король Аглинской Генрихъ восьмой, котораго страсти столько непорядковъ въ церкви, а во всѣхъ областяхъ владѣнія его столь много бѣдъ причинили, не устыдился публично сказать: Я въ своемъ гнѣвѣ ни какому человѣку, а въ роскошной страсти моей ниодной женщинѣ не прощалъ. По тому и не дивно, что сей Принцъ законныхъ женъ и Королевъ своихъ безчестною смертью казнилъ, а вѣру во всей Англіи перемѣнилъ. Кто къ мщенію склоненъ, тотъ также мало разуму имѣетъ, какъ жестокою и безразсудною любовью уязвленной. Свирѣпая страсть ослѣпленному ею человѣку все позволяетъ. Это уже въ гнѣвливомъ человѣкѣ великая воздержность, ежели онъ утопающаго врага своего вовсе не погубитъ. А такихъ воздержныхъ гдѣ сыскать, которые бы о приключающемся нещастіи противнымъ себѣ людямъ хотя внутренне не радовались, и всякаго имъ случиться могущаго злополучія нарочно не разглашали? Есть такіе свирѣпые и львамъ подобные

люди,

люди, передъ которыми жена, дѣти, и всѣ служители отъ страху трясутся. Не знаютъ что дѣлать, и какими бы услугами одно милостивое слово отъ нихъ получить. Не можно сего понять, какъ бы отъ такъ святаго союза, и толь тѣснаго соединенія въ житьѣ супружескомъ столько горестей, безчестія и соблазновъ произойти могло; а сему сожитію по самой справедливости веселу, пріятну и спокойну быть надлежало? Всѣ эти непорядки происходятъ отъ разныхъ страстей, какъ изъ злыхъ источниковъ всякаго нещастія. Въ часто случающихся домашнихъ нещастіяхъ не всегда надобно до крайняго розрыву допускать. Великой господинъ будучи не доволенъ нравомъ, или можетъ быть худыми поступками жены своей, призвавъ ее къ себѣ, безъ гнѣву и безъ злобы такъ ей сказалъ: Я уже госпожа моя давно вижу, что мы другъ другу очень не угодны. Возьми ты все свое приданое назадъ, и пожалуй отъ меня поди куда изволишь. Сія миролюбивая и спокойная поступка не лучше ли брани, ссоръ, процессовъ, тяжебъ, и всѣхъ происходящихъ отъ разводовъ цѣлымъ родамъ неисчислимыхъ безчестій? Кто бы могъ сему повѣрить, чтобы полиничнѣйшія и знатнѣйшихъ фамилій дамы въ лучшемъ Европейскомъ государствѣ, то есть во франціи, съ такою великою свободою жить могли? Видно, что онѣ весь стыдъ, а съ нимъ уже и умъ потеряли,

 когда

когда въ публичныхъ собраніяхъ о такихъ дѣлахъ вслухъ говорятъ, которыя бы на ухо втайнѣ, безъ крайняго стыдѣнія женская персона подобному себѣ лицу сказать не могла: Это уже самая крайность безстыдства и безумія, что не беззнатныя женскаго полу лица сами за мужескимъ поломъ бѣгаючи, безчестную и подлую свою страсть нагло имъ объявляютъ. Притомъ еще одна другой въ такой, не только христіянству мерзской и беззаконной, но и самымъ варварамъ противной комерціи взаимную помощъ подаетъ. Ни страхъ безчестія, ни опасность безславія роду ихъ, ни соблазнительные о поступкахъ ихъ слухи невоздержностей и безчинія такихъ женъ удержать не могутъ. Рѣдко сіе случается, чтобъ краснаго лица жена не горда и не высокомышленна была. Приносимыя ей отъ мужеска пола ухищренныя хвалы и почитанія даютъ ей такую власть съ преимуществомъ, которому человѣкъ безъ сопротивленія покоряется. Только часто бываетъ, что сія гордость великими и жестокими заблужденіи наказывается. Слѣпое почтеніе мужеска полу къ нѣкоторымъ женамъ въ крайнее безумство и въ не описанныя невоздержности ихъ приводитъ. Роскошьми и красотою славная Таизія, будучи съ Александромъ великимъ на банкетѣ, предложила сему Царю, чтобъ дворецъ Персидскихъ Царей зажечь. Въ этомъ домѣ лежало отъ древнѣйшихъ лѣтъ соб-

ранное

ранное въ золотыхъ и серебреныхъ сосудахъ, также въ драгоцѣнномъ каменьѣ состоящее богатство. Можетъ быть, что виномъ наполненной Александръ въ безпамятствѣ, а болѣе для слѣпаго учтивства къ сей роскошной женѣ это безумное предложенiе отъ нее принявши, тогожъ часа заженой факелъ ухватя; а ему послѣдуя и всѣ его Генералы, съ такимижъ горящими свѣчами изъ-за стола вскочивши, помянутой Персидскихъ Шаговъ великой домъ съ разныхъ сторонъ зажгли, которой со всѣмъ бывшимъ въ немъ безчисленнымъ богатствомъ меньше часа згорѣлъ. Но сiе и того еще удивительнѣе, что одинъ изъ числа седьми премудрыхъ Греческихъ, а именно славной Царь Перiандръ, послушавши безумныхъ народовъ и лжей наложницъ своихъ на законную и мудрую супругу его, во время высочайшей ея беременности, съ крыльца изъ втораго жилья ногою такъ сильно столкнулъ, что она отъ сего безчеловѣчнаго удара жестоко упадши, тогожъ часа и съ плодомъ чрева своего умерла. Но потомъ Царь Перiандръ узидя злобу и явную лесть всѣхъ помянутыхъ наложицъ своихъ, и съ домомъ ихъ во отмщенiе смерти любезной супруги, и за учиненiе вѣчнаго ущербу собственной своей славѣ, зжечь велѣлъ. Когда уже въ древнихъ вѣкахъ за высокой умъ и за мудрость свою почтенныя персоны такiя продерзости дѣлать могли: то чего уже отъ тѣхъ лю-

дей ждать, которые въ добродѣтеляхъ не тверды, а въ сопротивленіи страстямъ своимъ не весьма сильны? Главная причина безпорядковъ женскихъ въ томъ состоитъ, что онѣ о богобоязности и о страхѣ Господни надлежащаго понятія, ни истиннаго мнѣнія не имѣютъ. Едва только дѣвицы на ноги подыматься, и свѣтъ видѣть начинаютъ, а уже все доброе свое воспитаніе забывать, и то время наградить стараются, которое онѣ (по ихъ ложному мнѣнію) въ прискорбномъ состояніи младенчества своего препроводили. Склонность къ забавамъ такъ ихъ ослѣпляетъ, что во оныя безъ всякаго воздержанія и никакихъ благопристойностей не храня, безразсудно мечутся. Можетъ быть онѣ думаютъ, будто молодость и красота на всякія невоздержности позволеніе имъ даетъ, только весьма въ томъ обманываются. Другая причина домашнимъ непорядкамъ отъ того происходитъ, что честь ни во что почитается. Сіе видно изъ неравенства союзовъ, которые въ нынѣшнихъ вѣкахъ весьма часто происходятъ. Человѣкъ роду знатнаго, и старой фамиліи возьметъ за себя дѣвицу, или жену самаго подлѣйшаго состоянія, и тѣмъ славу предковъ своихъ нѣсколько сотъ лѣтъ продолжавшуюся вдругъ уничтожаетъ. Происходящія отъ такого супружества дѣти ни слѣду добродѣтелей предковъ своихъ не имѣютъ, а слѣдственно ни въ военной, ни въ гражданской службѣ успѣху не получаютъ.

ютъ. Жены отъ начала вѣка всѣ свои хитрости употребляли на возбужденіе страсти въ мужескихъ персонахъ къ любленію себя. Хотя слабость мужеска пола по сему дѣлу весьма велика, однакожъ жены сію слабость всякими образы умножаютъ чрезъ хитро - вымышленныя и къ красотѣ своей присовокупляемыя пріятности. Природа власти мужеской покорила; а жены стараются о томъ, чтобы имъ мужьями обладать, и слѣдственно весь натуральной порядокъ перемѣнивши, мужей, какъ природныхъ надъ собою господъ, во власть и въ подданство себѣ привести хотятъ. Въ томъ хитромъ намѣреніи разные способы уборовъ и украшенія коварно употребляютъ. Ложное, и весьма прелестно сіе мнѣніе, ежели мужеская персона думаетъ, будто откровенное обхожденіе и повѣренность женска пола никакого вреда чистотѣ, совѣсти и сердца мужескаго не причинитъ. Развѣ они того не вѣдаютъ, что сухое сѣно подлѣ огня долго не пролежитъ, но всеконечно загорится. Ежели ревность къ другимъ порокамъ жены присовокупится, то мужъ ея всеконечно безщастнымъ почитать себя долженъ, по тому что напрасныя и не праведныя подозрѣнія жестокіе упреки съ ежечастнымъ и бѣшенымъ нападеніемъ ревнивой жены ни день, ни ночь покоя мужу не даютъ. Сему бѣдному человѣку лучше съ медьвѣдемъ въ берлогѣ, и со змѣями въ пустынѣ, нежели съ такою не сноснаго нрава женою жить. Такіе

 примѣры

примѣры весьма рѣдки, чтобъ знатнаго роду дамы къ пьянству склонны были. Сей безчестной и срамной порокъ однимъ подлаго состоянія жещинамъ свойственъ. А когда жена пьянствуетъ, то никакого добра отъ нее ждать не можно, но за потерянную считать ее надлежитъ. Какого бы роду и званія страсть ни была, однако она своею заразою умъ и сердце у человѣка сильно повреждаетъ. Это уже крайній порокъ, кто стыда и благопристойности не знаетъ. Хотя тѣхъ людей и много, которые неправду и обиду безъ всякаго разсужденія дѣлаютъ, только они отнюдь того не хотятъ, и какъ можно отвращаютъ, чтобъ люди про то не вѣдали, и ихъ тѣмъ не упрекали. Хотя дѣло и худо, однако человѣкъ скоро оное здѣлаетъ, ежели надѣется, что никто о томъ не свѣдаетъ. Сіе отъ того происходитъ, что мы не столько грѣха, какъ слѣдующаго за нимъ безчестія боимся. Какими бы человѣкъ пороками поврежденъ ни былъ, только у него въ сердцѣ законъ естественной есть, которой всякую неправду предъ очи намъ ставитъ. Любовь изо всѣхъ страстей жесточайшая и опаснѣйшая страсть. Какъ скоро первозданный человѣкъ противъ Творца и Господа своего возмущеніе учинилъ: то плоть воставши на духъ, въ сердцѣ человѣческомъ то жестокое смятеніе причинила, которое съ человѣческою жизнью вмѣстѣ прекращается. Трудно противиться такому домашнему врагу, которой

человѣка

человѣка всегда льститъ, и подъ цвѣтами краснаго вида смертельной ядъ кроетъ, а притомъ надеждою забавъ и роскошей безпрестанно прельщаетъ. Отъ такой страсти по тому весьма трудно уберечься, которая человѣку самою рукою природы вкоренена. А понеже она есть тайное желанїе ко учиненїю себя вѣчнымъ, данное отъ Творца жизни, то сїе желанїе крайнему осужденїю не подлежитъ, ежели только его воздержанїемъ и умѣренностїю разуму покорить. Тотъ всеконечно обманится, кто себя собственными силами и своимъ мнѣнїемъ во всегдашней непорочности сохранить уповаетъ. Хотя человѣкъ въ утаенїи внѣшняго вида остеречь себя и можетъ для убѣжанїя свѣтскаго безславїя, только сердце его отъ этой осторожности всегда чистымъ и не порочнымъ отнюдь не будетъ. У любовной страсти созданнымъ разумомъ всегдашняя война и противность. Поистиннѣ! Человѣкъ во время жестокой и слѣпой любовной страсти ни о чемъ здраво не разсуждаетъ, и въ семъ случаѣ больше другихъ припадковъ можно по справедливости сказать. Умъ покоренъ сердцу. Великимъ умомъ прославившїеся, и такїе искуснѣйшїе политики, которые цѣлое королевство особливою мудростїю правятъ, а сими волѣ и власти женской безпрекословно поддаются. У сихъ людей умъ посредственной, а разумъ ихъ только свертки хватаетъ. Эти славные люди не умѣютъ женамъ спорить, а противиться

виться имъ почти ни въ чемъ не могутъ, но всякимъ ихъ своенравствамъ безпрепятственно поддаются. Когда жены власть надъ мужьями единожды возьмутъ, то уже надъ ними съ такою высокостію господствуютъ, которая ни спору, ни сопротивленія отнюдь не терпитъ. Славной Греческой Адвокатъ Гиперидъ, спорникъ Демосѳену въ краснорѣчіи, совершенно зналъ, какую великую власть и силу красота женская надъ умомъ и надъ сердцемъ премудрѣйшихъ людей имѣетъ, взялся за дѣло славной красавицъ Фринеи, которая обвинена была въ хуленіи боговъ, и велѣлъ оную подъ покровомъ во Аѳинской Ареопагъ (Сенатъ) на то самое время ввести, какъ онъ дѣло ея защищалъ. Учиня къ Фринеину оправданію приличную рѣчь, покровъ съ лица и съ головы ея снялъ. Видъ прекраснаго лица сей женщины всѣхъ судей огорченныя сердца такъ умягчилъ, что безъ дальняго слѣдства дѣла, и безъ всякаго наказанія изъ судебной палаты Фринею выславши, въ домъ ее отвесть приказали. Тажъ Фринея выигравши свой процессъ, поднесла храму Юпитерову въ даръ Венерину изъ чистаго золота вылитую статую, цѣною въ три миліона. Хотя сему удивиться и можно, что роскошная красавица такое великое богатство имѣла, только сіе удивленіе тѣмъ меньше будетъ, ежели разсудить, коимъ образомъ тогдашняго времени Греки такъ роскошны и столь богаты были, что иные за полученіе пріязни ея по сто-

тысячь

тысячь ефимковъ представляли. Токмо уже времена весьма отмѣнились. Цинической философъ Дїогенъ на подножїи сей статуи такїя слова подписалъ: Торжественной знакъ непостоянства и невоздержности Грековъ. Молодые люди не искусившись, и не зная въ самомъ дѣлѣ тѣхъ нещастїй, куда ихъ свирѣпыя страсти привесть могутъ, должны больше всего такого любопытства бояться, которое ихъ со временемъ грѣшнымъ учинить можетъ. Имъ надлежитъ тщательно убѣгать и хранишься такого обхожденїя съ женскимъ поломъ, которое въ однихъ шуткахъ и въ забавныхъ словахъ состоитъ: а такимъ ложнымъ мнѣнїемъ отнюдь не прельщаться, будто они умъ свой отъ этой жесточайшей страсти воздержать могутъ. Сїе подобно тому, какъ бы кто одною горстью песку цѣлую рѣку запрудить, или бы огненное уголье въ пазуху къ себѣ положить хотѣлъ, уповая отъ него не обжечься. Въ то уже время бѣда совершенна, когда страсть до такой степени взойдетъ, что оную ни чѣмъ излечить не возможно. Корысть и дары любящїя жены сїянїю золота и серебренному звону не долго противятся, да знамя побѣды на стѣнахъ фортецїи своей гораздо за меньшую цѣну, нежели вышеобъявленная Греческая фринея ставить позволяютъ. Но того человѣка побѣда велика и славна, кто себя одолѣть, а непрестанно воюющаго домашняго непрїятеля, то есть страсть свою побѣдить

 можетъ.

можетъ. Славный Сципіонъ по полученіи многихъ и великихъ побѣдъ надъ непріятельми отечества своего совершилъ славу свою отосланіемъ отъ себя той въ полонъ доставшейся ему Принцессы, которая въ тогдашнемъ времени за прекраснѣйшую дѣвицу почиталась. Хотя Римскіе Генералы сію Царевну къ Сципіону и привели, только онъ ее тогожъ часа Князю Цельтиберіанскому въ руки отдалъ, за котораго Царевна зговорена была. Но не ходя въ Римскую древность, можемъ найти примѣръ воздержанія страстей и обладанія собою въ не далекихъ временахъ. Французской Адмиралъ Бріонъ не хотѣлъ пользоваться безчестнымъ представленіемъ сребролюбивой матери, которая привела къ нему единую и прекрасную свою дочь для благодаренія за его о дѣлѣ ихъ многомощное стараніе, и за ту милость, что онъ той же дѣвицыной матерѣ изъ единой щедрости своей три ста пистолей)французскія деньги, а Россійскою монетою около тысячи трехъ сотъ рублевъ) на окончаніе важнаго процесса подарилъ. Но сей добросовѣстной и богобоязной Адмиралъ помянутую дѣвицу дворянскую дочь по ея желанію вмѣстѣ съ безщастною матерью въ монастырь отославши, далъ за дѣвицею вкладу восемь тысячь франковъ, (на Русскія деньги двѣ тысячи рублевъ) съ которыми сія молодая шляхтянка дѣвство свое *Богу* вѣчно посвятила. (постриглась

лась) Такимъ образомъ истинной Христїянинъ и честной человѣкъ страсти свои побѣждаетъ, а тѣми способы пользуется, которыми подлые и безчестные люди ко грѣху и паденїю сильно его приводятъ. Какъ варварскїе, такъ и политичные народы, отъ начала свѣта добродѣтель чистоты въ великомъ почтенїи имѣли, и нынѣ высоко почитаютъ, а на ругающихъ оную безчинными дѣлами различныя наказанїя опредѣлили. Еврейской законъ дѣйствительною наглостїю супружество нарушающихъ, и въ томъ изобличенныхъ обоего пола людей на смерть осуждая, каменьемъ побивать велѣлъ. Персидской Шахъ приказалъ знатную мать съ высокой башни за то въ море бросить, что она дочь свою на безчестїе предала. Римляне тѣхъ Весталокъ (жрицы богини Весты) безъ упущенїя наказывали, кои присяжную чистоту свою забывали; а которая въ потерянїи дѣвства своего могла изобличена быть, ту запирали въ темной погребъ, въ которомъ поставляли передъ нее постелю, лампаду, а притомъ мало хлѣба, воды и деревяннаго масла, только никого къ погрѣшившей не допускали. Весь тотъ день въ городѣ Римѣ великая тишина съ молчанїемъ происходила, на показанїе усерднаго жалѣнїя о смерти безщастной Весталы. А понеже эти законы съ крайнею строгостью хранились, не взирая на лицо, кто бы какого роду ни былъ,

то ниодной дѣвицы ко вступленїю въ сей орденъ не принуждали, но еще желающимъ позволенїе давалось по прошествїи тритцати лѣтъ отъ рожденїя дѣвицы изъ сего общества за мужъ итти. Трудно человѣку оставить такую страсть, въ которой онъ взросъ и состарѣлся, хотя о порокахъ своихъ и часто стыдится. Съ какимъ усердїемъ человѣкъ самъ себя ни обвиняетъ, и какъ объ отверженїи застарѣлаго обычая своего ни старается, однакожъ всегда и по прежнему во оной впадаетъ. Довольной старости достигшїй славной у французовъ Король Генрихъ четвертый бывши на охотѣ, отъ всѣхъ своихъ людей отсталъ. Ѣздя долго по лѣсу, прїѣхалъ около вечера въ корчму, гдѣ было много мужиковъ. Одинъ изъ нихъ за пивомъ сидя, сперва про Министровъ, а потомъ и про самаго Короля такїя слова говорилъ: Король нашъ черезъ мѣру женщинъ любитъ, а *Богъ* за прелюбодѣянїе наказываетъ. Опасно того, чтобъ долготерпѣнїе *Божїе* на послѣдокъ утрудившись, и Королю нашему заслуженнаго мщенїя не учинило. Сїе съ добраго мнѣнїя выговоренное простосердечное слово нѣсколько времени Короля воздержало; но отъ долговременнаго обычая вкоренившаяся страсть опять имъ овладѣла. Велико это нещастїе, ежели любовная страсть въ такого стараго человѣка вселится, которой еще хуже и больше молодаго всякихъ безумствъ

здѣ-

здѣлать можетъ, ежели въ слѣпотѣ сего огня пребывая, ни чьему совѣту и увѣщанію, кромѣ своего упрямства не послѣдуетъ. Отъ сего-то чудные и неровные браки обыкновенно дѣлаются, за которыми безщастные разводы и другіе печальные случаи слѣдуютъ. Престарѣлой мужъ болѣе семидесятъ, или около восьмидесятъ лѣтъ женится на прекрасной дѣвицѣ семнатцати, или дватцати лѣтъ, которая ни о чемъ, кромѣ умноженія красоты и показанія своей персоны не печется; а притомъ съ крайнею нетерпѣливостію того ждетъ, чтобы смерть изъ рукъ у ней такого мужа вырвала, котораго ей по неволѣ на шею навязали. А буде смерть прозьбы и желанія ея скоро не исполнитъ, то жена къ такимъ жестокимъ способамъ приступаетъ, которые уставъ и законъ естества силою нарушивъ, отъ безпокойнаго и омерзѣвшаго старика, (не смотря на грѣхъ) свободить ее могутъ. Но *Боже* сохрани всѣхъ православныхъ Христіянъ отъ такого безчеловѣчія! Съ другой стороны такіе мужья бывали, которые оставили знакъ любви, или лучше сказать, сумозбродной ревности, съ употребленіемъ безчеловѣчныхъ хитростей къ свобожденію себя отъ такихъ женъ, которыхъ вѣрность имъ подозрительна была. Иные мужья искали странныхъ и безполезныхъ способовъ къ полученію постоянной любви отъ женъ ихъ по смерти своей; то учинилъ французской за важное погрѣшеніе на

смерть

смерть осужденной Офицеръ, не хотя того, чтобъ прекрасная и добродѣтельная жена по смерти его за другимъ мужемъ была. Сей Офицеръ въ самой день казни его просилъ о допущенiи къ себѣ жены своей, будто бы для объявленiя ей важнаго секрета. Какъ она къ нему пришла, то мужъ обнявъ, и поцѣловавши жену свою, носъ ея зубами своими по самое лицо откусилъ, дабы она оставшись безобразна, за мужъ не пошла. Великой Моголъ прогнѣвавшись на любезнѣйшую изъ подложницъ своихъ, все богатое платье и уборы ея зжечь, а безцѣнное въ алмазахъ, въ жемчугѣ, и въ драгоцѣнномъ каменьѣ состоящее сокровище ея въ мѣдной иготи истолочь велѣлъ. Какъ вскорѣ потомъ съ сею дѣвицею примирился, то о неразумномъ повелѣнiи своемъ хотя безмѣрно жалѣлъ, однако уже сего во время жестокаго и безразсуднаго гнѣва учиненнаго превеликаго убытка возвратить не могъ. Человѣкъ во время страсти никакого представленiя и ни чьего разумнаго совѣта слушать не можетъ: но какъ жестокой жаръ сей страсти минется, а здравой разумъ по прежнему наступитъ, то человѣкъ о учиненныхъ во время сей горячки порокахъ чрезъ всю жизнь свою кается. Еще есть истинному Христiянину и честному человѣку отнюдь не пристойная страсть, а именно: зависть, которая правиламъ вѣры Христiянской, также истинной чести весьма противна. Зависливой человѣкъ всегда зло

мыслитъ,

мыслитъ, и сїе намѣренїе свое при первомъ случаѣ въ дѣйство произвесть не преминетъ. Буде же сего для знатнаго чина и высокаго достоинства тѣхъ людей кому завидуетъ, дѣломъ исполнить не можетъ, то самъ себя внутренно болѣзнью съѣдаетъ, которая ему ни день, ни ночь покою не даетъ. Отъ страстей не раздѣльная печаль больше всѣхъ тѣхъ забавъ и радостей, которыя человѣкъ отъ сей природной склонности получить уповаетъ; а сїя склонность къ причинѣ человѣческаго самолюбїя всегда влечется. Сердце человѣческое отъ младенчества ко всякому злу склонно, а лѣностью и небреженїемъ въ этой грѣшной склонности отъ часу болѣе подкрѣпляется. Искушенїе празднаго человѣка весьма скоро побѣждаетъ; а честныя съ умѣренною работою отъ злыхъ причинъ и случаевъ рачительно удерживаютъ. Для сего весьма изрядно сказано: Лѣность отецъ сну, унынїю мать; а лѣнивой и безъ дѣла шатающїйся человѣкъ не только спящему, но мертвымъ подобенъ. Есть еще другїя безпокойнѣйшїя самолюбїе возбуждающїя страсти, а именно: честолюбїе и скупость. Главные источники человѣческаго нещастїя и безпокойства. Онѣ-то суть не видимыя орудїя толь безчисленныхъ хитростей, также злыхъ движенїй сердца и всего житїя человѣческаго. Сїе злое дерево другаго плода не приноситъ, кромѣ публичнаго въ народѣ омерзѣнїя суетою и тщеславїемъ ихъ. Ежелибъ спесью надмѣнные люди всѣ отъ

гордости

гордости ихъ происходящія злыя слѣдствiя съ тѣмъ презрѣнiемъ и ненавистью, которую они отъ всякаго человѣка сами на себя привлекаютъ, здраво разсудили, тобъ къ охраненiю себя отъ сихъ нападенiй никакихъ способовъ, кромѣ сего полезнаго размышленiя, никогда не употребляли. Господь гордымъ противится, и такъ ими мерзитъ, что нарочно паденiю грѣха сихъ людей предастъ, для приведенiя оныхъ къ смиренiю и къ наказанiю гордости ихъ. Поистиннѣ! Человѣкъ въ самомъ себѣ весьма безщастенъ. Отъ природы слабъ, и презрѣнiя достоинъ. Въ немъ такая естественная бѣдность, что и подумать не можно: какъ бы хотя единая вещь на свѣтѣ гордость, суету и высокоумiе въ немъ причинить могла? Гордой и суетной человѣкъ иногда не за сущее, но токмо за мнимое, и весьма за легкое отъ людей учиненное себѣ прогнѣвленiе сильно озлобясь, усердно того желаетъ, дабы все къ его мщенiю служило, и весь бы свѣтъ за него вступался. Суета съ гордостью такая къ вымысламъ склонная страсть, что обладанному ею человѣку покоя не даетъ; но заслѣпивши ему очи, не допускаетъ видѣть тѣхъ прiятностей благополучiя его, которыя бы здравой разумъ имѣющему и безпристрастному человѣку радость, веселiе и всякое удовольствiо принесть могли; а суетнаго и гордаго человѣка малѣйшее нещастiе въ унынiе и въ крайнюю печаль неизбѣжно приводитъ.

Много

Много такихъ людей , которые въ щастіи своемъ горды , суетны , и весьма храбры кажутся , а въ нещастіи слабы , унылы , дряхлы , и надъ мѣру малодушны. Къ роскоши и къ ласкательствамъ въ благополучіи привыкшее сердце ихъ ко учиненію сопротивленія нашедшему нещастію довольно силы и великодушія не имѣетъ. Гордые люди весьма ложно думаютъ , будто весь свѣтъ имъ покоренъ , а воли , намѣренію и власти ихъ все и безо всякаго прекословія повиноваться должно. Славнѣйшій у Гишпанцовъ Монархъ Филиппъ вторый, во время Фландрскаго бунта принялъ намѣреніе городъ Бреду осадою взять. Для исполненія сего предпріятія не малымъ войскомъ посланной отъ него Маркизъ Спинола представлялъ Королю , что сего города за великими и не преодолимыми трудностьми взять не возможно. Токмо Филиппъ вторый какъ весьма гордой Монархъ , на всѣ его доношенія тремя словами руки своей такъ отвѣчалъ : Маркизъ, возьми Бреду. Это на свѣтѣ очень часто случается, которые люди намѣренія своего законнымъ и позволеннымъ образомъ исполнить не могутъ , тѣ вмѣсто сего праваго пути кривую дорогу лукавства , хитростей и всякихъ вымысловъ коварно употребляютъ ; а притомъ *Божескіе* и естественные законы нарушать не страшатся. Ежели на причину и начало дѣлъ Александровыхъ , а по немъ на тотъ же источникъ дѣйствъ Юлія Кесаря ,

и другихъ великихъ воиновъ безпристрастно поглядѣть, то какъ великая неправда съ насильствами, со звѣрствомъ и съ лютѣйшимъ безчеловѣчїемъ въ сихъ славныхъ дѣлахъ ихъ сыщется. Посмотримъ отворенными и безпристрастными глазами на сихъ неповинно пролитою кровїю безчисленныхъ тысячь человѣкъ прославльшихъ себя героевъ, что послѣ всѣхъ побѣдъ ихъ здѣлалось? Память ихъ предалась забвенїю; а всѣ сихъ завоевателей побѣды и войны были наказанїя посланныя отъ *Бога* за грѣхи рода человѣческаго. Между поступками, и между страстьми человѣческими по тому великое несогласїе, что многїе люди прославляютъ себя подлыми и безчестными способами. Когда Митиленцы имѣли войну съ Аѳинянами, то Митиленской Генералъ Питтакъ обѣщалъ за всю свою армїю съ Аѳинскимъ Генераломъ на поединкѣ биться, которой сїе предложенїе принявши, на поединокъ съ нимъ и вышелъ. Но Питтакъ употребивши особливую лесть, поймалъ Аѳинскаго Генерала скрытою подъ щитомъ своимъ сѣтью. Хотя сїе весьма безчестное, а славнымъ воинамъ отнюдь не пристойное дѣло было, однако Митиленцы въ награжденїе за сїе Генералу своему надъ всѣмъ отечествомъ его полное самовластїе дали. Ежели у Персїанъ преемникъ короны на престолъ вступитъ, то всѣхъ своихъ братїй въ Сералїю заперши, глаза имъ для того выколетъ, чтобы ему спокойнѣе одному

владѣть;

владѣть ; а ближайшій по немъ наслѣдникъ принужденъ во всегдашнемъ заключеніи жить , и ни въ какія дѣла не мѣшаться по смерть правительствующаго Шаха. Такимъ образомъ страсти не только къ чрезвычайнымъ , но здравому разуму и натурѣ къ противнымъ дѣламъ человѣка принуждаютъ. Добрые люди и своевольники о страстяхъ весьма различно разсуждаютъ. Развращенные своевольники такъ говорятъ : Жизнь наша кратка ! Насладимся же веселья. Напитаемъ себя роскошьми. Наградимъ краткость времени невоздержностью. Увѣнчаемъ себя розенами, завтра намъ умереть. А добродѣтель любящіе вопреки имъ объявляютъ : Понеже смерть всѣмъ намъ неизбѣжна , то потщимся къ такому въ вѣчность ведущему путешествію всею силою себя изготовить. Украсимъ души наша добродѣтельми. Поживемъ въ настоящей жизни праведно и благочестно. Умертвимъ страсти и уды наша сущія на земли. Возненавидимъ временная и тлѣнная въ мірѣ семъ , да получимъ отъ десницы *Божія* вѣнецъ вѣчной славы и жизнь безконечную. Не прибѣгая къ симъ важнымъ причинамъ , одинъ естественной разумъ можетъ людей въ томъ увѣрить , что воздержаніе страстей всякому полезно. Въ молодости чинимыя роскоши здоровье и крѣпость въ человѣкѣ такъ умаляютъ , что человѣкъ прежде времени болѣзнь и преддверіе старости во всемъ тѣлѣ своемъ послышитъ. Сіе при-

ходитъ отъ не воздержныхъ роскошей въ молодости, за которыя страстямъ поддавшійся человѣкъ въ старости своей труды и болѣзни терпитъ. Не только тѣло его многими скорбьми и чувствительнѣйшими немощьми утруждено: но вся душа внутренними печальми и смущеніями крайне обезпокоена. Не порядочнаго и поврежденнаго сердца человѣкъ въ себѣ спокоенъ, и ни чѣмъ доволенъ быть не можетъ. Вопреки тому умной на все безпокойство страстей не смотря, довольно чувствуетъ, что онъ не въ надлежащемъ состояніи. Правда, что во грѣхахъ состарѣвшіеся весьма мало угрызенія въ совѣсти своей чувствуютъ. Но сіе состояніе ихъ подобно сонной болѣзни, которая человѣка только въ забытіи содержитъ, а до спокойства душевнаго отнюдь не допускаетъ. Всѣ тѣ люди ложнымъ мнѣніемъ себя прельщаютъ, которые отъ страсти благополучія и спокойства надѣются. Понеже мудрой человѣкъ кромѣ покоренія всего себя здравому разуму ни чѣмъ успокоиться не можетъ: то живущему въ порядкѣ дѣйствительнымъ благополучіемъ наслаждаться никакими способы не можно. *Божій* и естественный законъ есть главное правило разумному созданію; а кто отъ сего правила удаляется, тотъ изъ природнаго состоянія своего выходя, о собственномъ заблужденіи скоро раскается. Кій плодъ (говоритъ Святый Апостолъ Павелъ къ Римляномъ) имать отъ

дѣлъ

дѣлъ своихъ, о нихъ же вы нынѣ стыдитеся, и ихъ же кончина смерть. Человѣкъ за страсти, за неправды, за грабленія, за безстыдства свои отъ свѣта наказанъ будетъ. А сіе душу его печалью и великимъ уныніемъ наполнитъ, нежели онъ всегда въ такихъ невоздержностяхъ живетъ, которыя ему никакой своей страсти видѣть не допускаютъ. Нѣкоторые люди извиняются жестокостью природной страсти, и будто бы непремѣннымъ нравомъ. Другіе жалуются на злость діявола, которой нападаетъ на нихъ жестокими искушеніями. Хотя діяволъ искушать насъ и можетъ, только въ грѣхъ человѣка привести ни власти, ни силы не имѣетъ. Сей непріятель душъ человѣческихъ подобенъ цѣпной собакѣ, которая на мимоходящихъ лаетъ и бросается, а никого укусить не можетъ, кромѣ тѣхъ людей, которые позабывшись къ самой его конурѣ подойдутъ. Желающему дѣйствительнаго исцѣленія страстей своихъ, и покоренія ихъ разуму, не въ первомъ оныхъ жару, но время ослабленія, то есть, въ самомъ безсиліи ихъ атаковать надлежитъ. И сіе не всегда способно, чтобъ на нихъ съ лица нападать, но временемъ змѣиную мудрость употреблять, то есть, мудрыя и скучныя мысли отмѣнивши, на ихъ мѣсто не порочныя, или по крайней мѣрѣ безпристрастныя причины къ размышленію взять должно на отвращеніе всего, что насъ безпокоитъ; а за тѣмъ уже всему тому помалу сопротивляться,

чего не воздержная страсть желаетъ. Мнѣніе о полученіи совершеннаго удовольствія отъ любимой вещи творя страсть пріятною, понуждаетъ насъ къ позволенію на представленія ея. Но сіе-то самое и жесточайшее искушеніе молитвою, вѣрою и разсужденіемъ здраваго разума побѣждать надлежитъ. Кто страстьми своими обладаетъ, тотъ щастіе, совершенной покой, и то подлинное удовольство нашелъ, котораго одни люди въ богатствѣ, другіе въ чести и чинахъ, третіе въ роскошахъ, а четвертые въ разныхъ забавахъ ищутъ, токмо совершеннаго сердцу и душѣ ихъ спокойства нигдѣ и ни въ чемъ кромѣ укрощенія страстей не находятъ, и сыскать не могутъ. Послѣ любви желаніе богатства всеобщая и сильнѣйшая страсть. Всеправеднѣйшій *Богъ* на многихъ мѣстахъ Священнаго Писанія богатымъ людямъ не только горе, но и самое проклятіе объявляетъ. Не для того, чтобъ богатство само по себѣ зло было; но того ради, что люди приходящее въ руки ихъ богатство на зло употребляютъ. Роскошная въ ѣствѣ и въ напиткахъ жизнь, гордость въ уборахъ, и во всемъ поведеніи, а притомъ забвеніе *Бога*, все сіе съ великимъ щастіемъ нераздѣльно. Кто всѣми благими во временной жизни своей наслаждается, тотъ человѣкъ о вѣчномъ блаженствѣ очень мало думаетъ. Наибольшая часть людей въ томъ ложномъ мнѣніи остаются, будто на свѣтѣ ничего злѣе бѣдности нѣтъ. А по

сему не правому мнѣнію своему для полученія богатства лукавство, хитрости, обманъ, плутовство съ крайними неправды и обидами въ дѣйство производятъ. Люди отъ начала свѣта золото да серебро больше всего почитали, и нынѣ то же дѣлаютъ. Эти пагубные металлы отъ начала свѣта по сей часъ такія бѣды причиняютъ, что за сажень той земли, гдѣ золото или серебро родится, кровопролитные бои происходятъ. Въ нашихъ глазахъ тожъ дѣлается, а и впредь надежды къ тому мало, чтобы родъ человѣческій отъ сей страсти исцѣлился. Золото да серебро во вѣки такимъ идоломъ у насъ останется, которому люди спокойство, честь, жизнь, и совѣсть свою на жертву отдавать будутъ. Безмѣрная склонность къ сребролюбію всѣ тѣ добрыя мнѣнія уничтожаетъ, которыя честное воспитаніе, знатная природа и человѣколюбіе всѣмъ намъ естественно на сердцахъ нашихъ воображаетъ. Люди однихъ только денегъ больше всего ищучи, ничего кромѣ богатства не любятъ. Ни кровнаго союза, ни дружбы не почитаютъ, ни должностей житія свѣтскаго, ни вѣры, ни вѣрности не знаютъ, да по примѣру злыхъ и не благодарныхъ Жидовъ одному только золотому тельцу всѣмъ усердіемъ кланяются. Къ какимъ неправдамъ не приводитъ человѣка желаніе богатства, чтобъ жену и дѣтей своихъ по себѣ во всякомъ довольствѣ оставить. Многочисленная фамилія, (дѣти) всегдашній спо-

собѣ ко искушенію. Тому человѣку особливое великодушіе, и весьма крѣпкую добродѣтель имѣть надобно, чтобъ видя мимо рукъ его идущую пользу, безъ всякаго къ ней прилѣпленія мужественнымъ сердцемъ пропустилъ. Человѣкъ въ надеждѣ пріобрѣтенія, жизнь свою не только на крайніе страхи, но и на самую смерть отваживаетъ. Мореплаваніе для купечества первой родитель скупости. Хотя жизнь первой и дражайшій всѣхъ сокровищъ даръ отъ *Бога* и отъ природы, однако человѣкъ сію жизнь съ душею и съ тѣломъ своимъ легкому и тлѣнному кораблю слѣпо вручивши, въ не измѣримыя морскія пучины вдается, а онѣ съ жестокими вѣтрами и горамъ подобными волнами самымъ большимъ кораблемъ, власно какъ мячомъ играютъ. Хотя у морскихъ береговъ живущіе, или мимо оныхъ ѣдущіе люди отъ жестокихъ бурь разбитыя и на берегъ выброшеныя доски съ мертвыми человѣческими тѣлами часто видятъ; однакожъ сами того не боятся, и отъ равномѣрнаго себя вданія морскимъ пучинамъ страху не имѣютъ. Для полученія не извѣстной пользы, а душамъ вредной корысти, въ подлинные и смертельные страхи вдающіеся люди не знаютъ великаго языковъ учителя, и слѣдующихъ святыхъ его словъ: Ничто же бо внесохомъ въ міръ сей, явѣ есть, яко ниже изнести что можемъ. Имуще же пищу и одежду, сими довольни будемъ

демъ. Хотящіи же богатитися, впадаютъ въ напасти, и сѣти злыя, и въ похоти многи, вреждающія несмысленны, яже погружаютъ человѣка во все губительство и погибель. Корень бо всѣмъ злымъ сребролюбіе есть, его же нѣцыи желающе отпадоша отъ вѣры, и себе пригвоздиша болѣзнемъ многимъ. Ты же, о человѣче *Божій!* сихъ бѣгай. Сіе полезное наставленіе писалъ Апостолъ Святый Павелъ къ вѣрному и любезному ученику своему Тимоѳею на причиненіе у всѣхъ Христіянъ праведнаго омерзѣнія противъ ненавистнаго *Богу* и добрымъ людямъ сребролюбія, и противъ происходящей отъ него скупости съ ненасытствомъ имѣнія. Трудно такому человѣку трезву и воздержну быть, которой во всякомъ изобиліи и въ богатствѣ плаваетъ. Въ такомъ состояніи строгая добродѣтель скоро человѣку наскучитъ, а въ богатствѣ со изобиліемъ, да еще въ роскошной жизни власно какъ соль въ водѣ таетъ. Праведными способы, то есть, трудомъ и прилѣжаніемъ своимъ богатящіеся, суть внѣ подозрѣнія, и весьма извинительны; а о такихъ людяхъ что уже сказать, которые подлыми и безчестными способами богатства достигаютъ? Чинъ съ вѣрностью своею на зло употребляя, кровью бѣдныхъ и безщастныхъ людей беззаконно богатятся? Какія бы въ человѣкѣ добродѣтели и заслуги ни были, но единой порокъ скупости всѣ ихъ помрачаетъ, а чело-

ловѣка въ крайнее безславіе приводитъ. Скупые тѣмъ въ наибольшее омерзѣніе приходятъ, что къ бѣднымъ никакой милости не кажутъ; а о находящихся въ скорбяхъ и болѣзняхъ ни мало сожалѣнія не имѣютъ, кромѣ сихъ словъ: Ахъ бѣдной, куда какъ жалокъ! И только всего. А чтобы сего бѣднаго человѣка чѣмъ нибудь взыскавши, въ нищетѣ и въ болѣзняхъ дѣйствительную помощъ ему учинить, того не знаютъ, и вѣдать про то не хотятъ. Сія безчеловѣчная жестокость отъ сего свѣта неизбѣжно наказывается упадкомъ и разореніемъ цѣлыхъ тѣхъ фамилій, которыя неправдою и грабленіемъ набогатились. Подлинно тому вѣрить должно, что сіе не праведное имѣніе третьему роду въ руки очень рѣдко приходитъ. Дѣти, или внучаты сихъ славныхъ богачей, въ такой крайней бѣдности живутъ, что многіе не имѣютъ куда голову свою приклонить, и не знаютъ, гдѣ хлѣба кусъ взять. Какую бы болѣзнь и печаль нѣкоторые богатые люди въ то время почувствовали, ежелибъ *Богъ* позволилъ имъ изъ гробовъ своихъ вставши, то на семъ свѣтѣ увидѣть, съ какимъ невоздержаніемъ потомки ихъ то имѣніе расточаютъ, которое они не только неизреченными трудами собрали, но можетъ быть и царствія небеснаго за сіе лишились? Роскошь съ невоздержностьми наслѣдниковъ ихъ всю бы жизнь имъ огорчила. Въ такихъ случаяхъ богатство су-

сугубаго проклятія достойно вопервыхъ для тѣхъ людей, которые оное съ такою скупостью собравши, беззаконно хранили; а потомъ для другихъ, кои сіе грѣшное богатство наслѣдствомъ получа, съ такою невоздержностью расточаютъ. Ежели человѣкъ намѣреніе приметъ, какими нибудь способами богатство себѣ собрать, то сей жажды его ничто утолить не въ состояніи, по примѣру водяною болѣзнью страждущаго человѣка, которой по горло въ водѣ сидя, безпрестанно пить проситъ, а напиться не можетъ. Писатель жизни Папежской племянницы Донны Олимпіады объявляетъ, что сія госпожа болѣе шести миліоновъ ефимковъ однихъ денегъ имѣла, кромѣ безчисленныхъ вещей въ движимомъ имѣніи, и кромѣ деревень. Но все это пребогатое имѣніе безщастнаго ея конца удержать и отвратить не могло. Сія знатнѣйшая дама вмѣстечкѣ Орвіетѣ моровою язвою такъ бѣдно умерла, что всѣ ее оставили, и ниодинъ человѣкъ въ такомъ болѣзненномъ и горестномъ состояніи за безмѣрную скупость ея ни служить, ни иной какой помочи подать ей не хотѣлъ. Ежелибъ только люди поболѣе себя воздержать хотѣли, тобъ имъ не надобно было столько себя мучить въ собраніи великаго богатства. Природа малымъ довольна, а излишество [по святому слову Спасителя нашего] отъ непріязни есть. Французской Король Филиппъ, по прозванію Прекрасной,

сной, публикованнымЪ своимЪ указомЪ опредѢлилЪ цѢну штофамЪ, парчамЪ и сукнамЪ, какого чина, возраста, рода, и званія, мужеска и женска пола людямЪ, какой цѢны и доброты сукна, или парчи лѢтомЪ и зимою, по мѢрѢ именія и доходовЪ своихЪ по сему указу носить. ЕжелибЪ это мудрое и полезное учрежденіе до нынѢ во франціи продолжалось, тобЪ вЪ государствѢ больше денегЪ оставалось, а вЪ партикулярныхЪ домахЪ болѢе мира и спокойства было. Жены безпрестанными и скучными прозьбами мужей своихЪ мучатЪ о здѢланіи себѢ богатаго платья; а того не спрашиваютЪ, естьли чѢмЪ мужу по желанію ихЪ платье здѢлать, и нѢтЪ ли вЪ домѢ нужнаго недостатку. Только женщины на сіе не смотря, обыкновенную у нихЪ пѢсню со слезами и гнѢвомЪ мужьямЪ своимЪ такими словами поютЪ: Хотя займи, или вЪ долгЪ возьми, да здѢлай. Я видѢла, [говорятЪ такія жены мужьямЪ своимЪ] на сосѢдкѢ нашей платье новоманѢрнаго штофу, а у меня такого шлафера нѢтЪ. КакЪ мнѢ противЪ своихЪ сестерЪ показаться, которыя всѢмЪ меня хуже? Чтобы бѢдной мужЪ ни говорилЪ, и чѢмЪ бы ни извинился, а тогожЪ, или еще лучшаго штофу кусокЪ для домашняго спокойства отЪ жены и ради утоленія непрестанныхЪ ея жалобЪ взять принужденЪ. Жены того не помнятЪ, что у расточенія очень худой возвратЪ. ПоистиннѢ! Крайнее это безумство, чтобЪ роди-

родительское, или собственными трудами прiобрѣтенное имѣнiе нещадно расточать, а чрезъ то себя и домашнихъ въ напрасное убожество приводить. Много такихъ людей на свѣтѣ, что одною рукою собираютъ, а другою расточаютъ, и такъ вся жизнь ихъ въ собранiи да въ разсѣянiи неизбѣжно состоитъ, а наконецъ таковыжъ нищи останутся, каковы съ начала были. Исторiя упоминаетъ о Римскомъ Кесарѣ Калигулѣ, что онъ въ два года все то великое богатство расточилъ, которое предъ нимъ бывшiй Императоръ Тиверiй чрезъ все время владѣнiя своего собралъ, а именно: семдесятъ три милiона золота, то есть семьсотъ тритцать милiоновъ ефимковъ. [Древнiй милiонъ золота содержитъ въ себѣ десять милiоновъ ефимковъ нынѣшней монеты.] Расточенiя Царя Калигулы значили безумство, а не щедрость его. Онъ подарилъ кучеру [возницѣ] своему на вожжи пятьдесятъ тысячь ефимковъ. Всѣ великiя страсти, какого бы онѣ состоянiя ни были, человѣка съ природнаго его ума насильно сводя, къ такимъ дѣламъ принуждаютъ, о которыхъ онъ стыдится, и чрезъ всю жизнь свою поневолѣ сожалѣетъ. Такой гнѣвъ всякому изъ насъ страшнымъ быть долженъ, въ которомъ человѣкъ безчестныя, а истинному Христiянину и честному человѣку весьма не приличныя слова говоритъ; да притомъ еще грѣшныя, или безчестныя дѣла дѣлаютъ. Не всякой вспыльчивой человѣкъ собою владѣть

дѣть можетъ, а больше всего въ первомъ жару. Продолжительной гнѣвъ со злопамятствомъ весьма грѣшенъ. Это уже безчеловѣчїе стало, кто и не весьма чувствительно прогнѣвавшихъ себя всегда ненавидитъ и не прощаетъ. Такъ жестокаго и столь суроваго нрава люди, которые никакою покорностїю не умягчаются, какъ могутъ похвалы отъ добродѣтельныхъ людей надѣяться, а отъ *Бога* милости уповать, когда сами ниодного человѣка не прощаютъ, и никому милости не кажутъ? Печаль со гнѣвомъ нераздѣльна. Гнѣвливой человѣкъ образумившись, весьма о томъ жалѣетъ, и печалится, что такая подлая и безчестная страсть такъ сильно имъ обладала. Велико это совершенство въ христїянствѣ и въ свѣтскомъ обхожденїи, чтобъ недостатки, худой нравъ и слабости ближняго своего терпѣливо сносить; а притомъ вѣрить, что и другїе люди тужъ самую терпѣливость съ нашими пороками имѣютъ. Только мы о себѣ весьма ложно думаемъ, будто нашему воздержанїю примѣра нѣтъ, и для сего ложнаго мнѣнїя добродѣтель другихъ людей ни во что ставимъ. Въ свѣтскомъ житьѣ и обхожденїи такого строптиваго и не сноснаго нрава люди не рѣдко попадаются, что и терпѣливѣйшїй человѣкъ съ ними развратиться, а отъ ихъ вздорнаго обычая скоро скучить можетъ. Умной и добросовѣстной, а притомъ съ природы не весьма терпѣливой чело-

вѣкъ

вѣкъ прежде всего сердится на гордыхъ, и такъ высокоумныхъ людей, которые знатности рода, и по величїю богатства своего, кромѣ себя, никого въ дѣло не ставятъ, а внутреннюю гордость свою повелительнымъ голосомъ, высокимъ взоромъ, спесивою поступью и притворными видами довольно оказываютъ. Есть такїе люди, что пришедши въ компанїю, нраву и поступкамъ другихъ людей весьма хитро уподобляются, а симъ внѣшнимъ притворствомъ своимъ многихъ обманываютъ, по примѣру женъ не послѣдней въ Европѣ земли, [Италїя] которыя предъ людьми тихи, учтивы, ласковы и весьма церемонїальны, а впрочемъ злыя, высокомышленныя, гордыя, не милостивыя и безстыдныя жены. Мужескъ полъ той же, и еще другой земли, не равно горшїя передъ женами свойства имѣютъ; и нѣтъ такой худобы, къ которой бы природная злость сихъ людей не приводила. Съ робячества къ грабленїю привыкли, и въ томъ обыкновенно упражняются, не упоминая другихъ грубѣйшихъ пороковъ. Кто въ великихъ страстяхъ съ молоду обыкъ, тому и до глубочайшей старости едва отъ нихъ отвыкать ли. Человѣкъ не успѣетъ одну ногу изъ грязи страстей вынять, а уже природная тягость другую его ногу въ ту же грязь влечетъ. Ежели намъ трудно изъ рукъ у раждающейся страсти сердце свое вырвать, то уже въ тѣ поры что дѣлать, когда сїя

страсть

страсть укоренившись, великимъ деревомъ будетъ? Не крайнее ли человѣку ослѣпленiе, такою надеждою себя ласкать, будто ему по прошествiи десяти лѣтъ то легко будетъ, что сего дня не возможнымъ кажется? Иные говорятъ: Мы бы всю жизнь свою перемѣнили, и всѣ страсти отрѣшивши, къ добродѣтели въ вѣчные холопи пошли, ежелибъ особливое, или бы какое чрезвычайное чудо увидѣли. Только они того не знаютъ, какъ сердце человѣческое не склонно къ обращенiю, ежели въ злыхъ обычаяхъ застарѣетъ. Человѣкъ въ такое состоянiе на послѣдокъ приходитъ, что уже ему отъ страстей свободиться не возможно: а сiя невозможность почитается въ наказанiе за то, что мы отъ *Бога* и отъ природы данную намъ волю на зло употребляли. Можетъ быть, что повинующiеся страстямъ своимъ думаютъ, будто *Богъ* на такiя малыя дѣла не смотритъ, или по послѣдней мѣрѣ людей не съ такою жестокостью за эти дѣла ихъ казнить будетъ, какъ другiе люди имъ угрожаютъ. Только въ семъ мнѣнiи великое заблужденiе безъ такой подлинной пробы, на которой бы сiе мнѣнiе утвердить можно было. Когда человѣкъ страстямъ своимъ поддается, въ надеждѣ мнимаго отъ нихъ удовольствiя, то сiе въ молчанiи съ такимъ суетнымъ договоромъ тайно дѣлаетъ, чтобы получа дѣйствительное удовольствiе, скоро отъ нихъ отстать, уповая всѣ сiи непорядки со временемъ

менемъ прекратить. Но праведная сїя надежда, самъ разсуди. Не ежедневноель искусство дѣйствительнымъ показанїемъ тому насъ учитъ, что когда такїе люди жизнь свою перемѣнить, а страстей отрещись намѣрятся, то превеликїя невозможности, и столько извиненїй сыщутъ, что сего добраго и полезнаго своего намѣренїя никогда въ дѣйство произвесть не могутъ. Имъ отъ единаго *Божїя* милосердїя всесильной помощи на исполненїе сей великой и чудной перемѣны ожидать надлежитъ, подлинно вѣдая, что сїе великое дѣло происходитъ отъ благодати *Божїя*. Только *Богъ* не обязанъ дары свои по нуждѣ, или по суетному мнѣнїю грѣшниковъ не праведно раздавать, для того что они злымъ употребленїемъ своей воли себя не достойными сего дара сами учинили. Такъ точно Монархи и владѣтели весьма справедливо поступаютъ, что первыхъ при Дворѣ и знатнѣйшихъ въ войскѣ своемъ чиновъ такимъ подданнымъ не жалуютъ, которые противъ ихъ законныхъ Государей своихъ нѣсколько разъ въ бунтахъ и возмущенїяхъ давно приличились. Въ злыхъ вожделѣнїяхъ обыкшее и затвердѣвшее сердце благодати *Божїей* сильно противится; а гдѣ сопротивленїя меньше, тамъ дѣйство сей благодати всегда сильнѣе бываетъ. Ежели человѣкъ въ лѣности и въ разслабленномъ небреженїи упорно пребываетъ, то одной благодати не довольно, но собственное наше

станіе съ молитвою и съ добродѣтельми къ сему великому дѣлу нужно и необходимо. Человѣку минувшіе непорядки и погрѣшности свои отреченіемъ страстей и злыхъ обычаевъ своихъ исправить легко, и впредь того не дѣлать можно. Къ сему надобно истинное обращеніе сердца съ отреченіемъ грѣха и всеприлѣжное убѣганіе всякихъ случаевъ ко исполненію онаго. Какъ бѣдной, а притомъ гордой и наглой человѣкъ праведному презрѣнію всякаго человѣка подверженъ, и того не достоинъ, чтобы кто въ нуждѣ и въ крайней его бѣдности помощъ ему учинилъ, такъ власно и *Богъ* высокоумнаго и затвердѣлаго грѣшника за то ненавидитъ, что онъ вмѣсто покаянія и смиренія истиннаго во грѣхахъ не исправенъ, въ гордости не отмѣненъ, а въ злыхъ своихъ обычаяхъ не поколебимъ пребываетъ. Вышеобъявленныхъ разсужденій на безпрекословное увѣреніе истинному Христіянину и честному человѣку довольно. Великая въ томъ опасность, ежели какая нибудь страсть человѣкомъ обладаетъ. Эти наслѣдные здравому разуму непріятели не даютъ человѣку безпристрастно разсуждать въ такомъ случаѣ, ежели ему въ какое важное дѣло вступать. Онѣ-то сердце и умъ у человѣка къ неправдѣ такъ сильно клонятъ, что человѣку во время страсти и доброе злымъ, а злое добрымъ кажутъ. Хотя страсти къ чему нибудь и годятся, а помощъ ихъ къ великимъ и героичнымъ дѣ-

ламъ

ламъ отъ части способна: однакожъ онѣ разуму совершенно покорены быть должны. Ежели человѣкъ хотя одинождды страстямъ поддастся, то уже ихъ подъ власть здраваго разума привесть не возможно будетъ. Человѣкъ въ то время ни о чемъ кромѣ удовольствія слѣпыхъ страстей своихъ не думаетъ, и ни о какихъ изъ того произойти могущихъ злыхъ слѣдствахъ отнюдь не разсуждаетъ, не вѣдая притомъ, что на послѣдокъ то въ причину безчисленныхъ печалей обращается, чего человѣкъ съ нетерпѣливою горячестію искалъ, и безразсудно за онымъ бѣгалъ. Молодымъ слѣпотою страстей прокаженнымъ людямъ ничего умнаго за тѣмъ предложить не льзя, что они въ жестокомъ стремленіи огнемъ какой нибудь страсти возженнаго нрава и сердца своего никакихъ полезныхъ совѣтовъ не слушаютъ, но одною ложною и прелестною надеждою напрасно питаются; а и старые страстью обладанные люди въ укрощеніи воли своей не умнѣе молодыхъ. Въ самомъ дѣлѣ безчисленными случаями оказавшееся искусство довольно свидѣтельствуетъ, что пристрастные старики не только въ крайнюю слабость, но и въ самое безуміе впадаютъ. Кто должность истиннаго Христіянина и честнаго человѣка исполнить, а притомъ правила вѣры Христіянской съ правилами житія гражданскаго соединить желаетъ, тому надобно вопервыхъ отъ жестокаго ига стра-

 стей

стей какъ можно себя свободить, а потомъ уже кромѣ закона *Божїя*, и кромѣ здраваго разума, ничего не слѣдовать и не повиноваться.

ГЛАВА ШЕСТАЯНАДЕСЯТЬ.

О ДОБРОДѢТЕЛЯХЪ.

Истинному Христїянину и честному человѣку того не довольно, чтобъ всегда страстей беречься, также непрестанную съ ними войну имѣть, и сколько возможно ихъ побѣждать: во въ снисканїи и въ дѣйствительномъ исполненїи добродѣтелей всѣ свои труды и прилѣжанїе полагать должно. Это ему пристойно и нужно ко исполненїю и къ союзу всѣхъ должностей житїя Христїянскаго съ должностьми житїя гражданскаго, также къ достиженїю мирнаго сожитїя между Христїяны. Все содержанїе сей главы основано на слѣдующемъ словѣ Богоотца и Пророка Давида: Уклонися отъ зла, и сотвори благо. Въ сихъ двухъ словахъ все нравоученїе съ дѣйствительнымъ исполненїемъ закона *Божїя* состоитъ. Тотъ уже добродѣтеленъ, кто отъ клонящаго насъ ко всякому злу грѣха добровольно воздерживается; а закономъ повелѣнныя добродѣтели по силѣ своей исполняетъ. Но понеже сїе совершенство склонности поврежденной натуры весьма противно, то человѣкъ ко исполненїю сего тѣмъ себя ободрять долженъ,

женЪ, что *Богъ* за преодолѣнїе сихЪ трудностей жизнь вѣчную сЪ не кончаемымЪ блаженствомЪ обѣщалЪ, и непреложно даруетЪ. Путь добродѣтели труденЪ, и жестокимЪ тернїемЪ наполненЪ. Самолюбїе такЪ его боится, что одного шага ступить не хочетЪ. Но мы посмотримЪ обѣщаннаго намЪ при концѣ сего теченїя неизреченнаго благополучїя; а притомЪ здраво разсудимЪ, что настояща жизнь сїя на то человѣку дана, дабы только лежать, покоиться, пить, ѣсть, и веселу быть. Кто сїе думаетЪ, тотЪ самЪ себя обманываетЪ. *Богъ* опредѣляетЪ намЪ совершенной покой вЪ вѣчной своей славѣ, только прежде сего упокоенїя должно трудиться, а до собранїя плодовЪ побѣды надобно воевать. Сїе можно исполнить твердымЪ намѣренїемЪ ко употребленїю воли нашей на всякое благо. СимЪ способомЪ можно человѣку природную свою слабость довольно замѣнить. ЗаконЪ *Божїй* долженЪ быть основанїемЪ и правиломЪ всѣхЪ мыслей нашихЪ. Ежели мысль сЪ мнѣнїемЪ человѣческимЪ отЪ закона *Божїя* удалится, то она праведною быть не можетЪ: чего ради сїе не поколебимое правило всегда предЪ глазами имѣть надлежитЪ, а никогда отЪ него удаляться не должно. Главному старанїю и первому труду нашему должно состоять вЪ положенїи крѣпкаго основанїя добродѣтелямЪ, а самимЪ надобно утвердиться вЪ законѣ *Божїй*, какЪ на не движимомЪ камени, и не поколебимомЪ основа-

нїи спасенїя нашего. Начало премудрости страхЪ Господень, а сила разума вЪ воздержанїи отЪ зла. НѢкоторой славной философЪ весьма разумно сказалЪ: ЕжелибЪ добродѢтель себя всю и нагую людямЪ показала, тобЪ они красотѢ ея такЪ удивлялись, чтобЪ отЪ великой любви ни пяди отЪ нее не отошли, а изЪ глазЪ своихЪ никуда и никогда оную не выпускали. Красота добродѢтели не такова, какЪ красота женская. БезчестныхЪ страстей вЪ человѢкѢ отнюдь не возжигаетЪ, а злыхЪ желанїй никогда не родитЪ, но на подобїе свѢта чиста, и душу человѢческую кЪ добрымЪ дѢламЪ всегда возбуждаетЪ. Многїе люди ни знатнымЪ родомЪ, ни великими науками, ни богатствомЪ, ни свѢтскими заслугами, но единою вѢрностїю *Богу* своему и храненїемЪ святыхЪ Его заповѢдей по всей вселенной такЪ прославились, что святая церковь блаженную ихЪ память чрезЪ нѢсколько сотЪ лѢтЪ понынѢ праведно празднуетЪ, и до скончанїя свѢта сЪ должнымЪ благоговѢнїемЪ почитать не престанетЪ. Хотя многїе Монархи и Принцы нѢсколько свѣтской славы во время жизни своей и получили, но всѢхЪ имена по смерти ихЪ вѢчному забвенїю предались. Все преходитЪ, и со временемЪ исчезаетЪ. Одна только память добродѢтели вѢчна. Сїе единое преимущество и самая долгота лѢтЪ такЪ почитаетЪ, что никакое препятство загладить его не можетЪ. Турецкой разбойничей корабль взялЪ

Христїян-

Христїянскую дѣвицу съ острова Кипра въ полонъ. Она будучи у сихъ варваровъ въ рукахъ, лучше смертїю вѣнецъ получить, нежели чистоты дѣвства своего лишиться хотѣла. Въ этомъ великодушномъ намѣренїи взяла свѣчу съ огнемъ, и всю того корабля пороховую казну вдругъ зажгла; а чрезъ сїю свою героичную и мученическую смерть всѣхъ морскихъ разбойниковъ и съ кораблемъ ихъ погубила. Сїе славное дѣло и понынѣ къ вѣчной славѣ и памяти ея въ Греческой исторїи написано. Худая того человѣка надежда, кто славной добродѣтели безъ великодушїя и безъ мужественнаго намѣренїя получить уповаетъ. Добродѣтели безъ трудовъ и безъ препятствъ достигнуть не возможно. Между волею и между должностью всегдашнїй споръ. Человѣкъ самолюбїю своему непрестанно противиться обязанъ; а того дѣлать не долженъ, что ему наиболѣе прїятно. Сїя побѣда по тому весьма трудна, что добродѣтельному человѣку эту войну всякой день снова начинать должно. Только любящихъ добродѣтель отъ сего подвига ничто удержать и отвратить не можетъ. Ежели человѣкъ твердое намѣренїе приметъ, то у него больше силы окажется, нежели онъ думаетъ. У воли своей ни о чемъ не спрашивайся, да болѣе съ должностью совѣтуй; а притомъ помни, что всякое грѣшное дѣло, или беззаконїе тайную горесть въ сердцѣ человѣческомъ оставляетъ. Кто добродѣтельнымъ быть хочетъ, тому

ничего кромѣ добраго произволенія не надобно. Все зависитъ отъ добраго и твердаго намѣренія; только часто случается, что добродѣтель на нравѣ человѣческомъ основана бываетъ. Гордыя и о себѣ высокомыслящія души любятъ такія добродѣтели, которыя людямъ въ глаза и въ уши мечутся. Боязливыя и малодушныя къ суевѣрству и къ двоесловному благоволенію склонны. А истинной богобоязности посвятившіе себя люди въ мысляхъ и въ намѣреніяхъ своихъ тѣмъ крѣпче и постояннѣе пребываютъ, что оныя благія и правыя мнѣнія ихъ на не поколебимой правдѣ закона *Божїя* основаны; а другіе не постоянные господа отъ одной вещи къ другой перескакиваютъ, не вѣдая на чемъ утвердиться; а видя, что кромѣ истиннаго прилѣпленія, также кромѣ искренной любви и усерднаго послѣдованія безсмертной добродѣтели ничто на свѣтѣ труда и раченія человѣческаго не достойно. Добродѣтель надъ сердцами человѣческими великую власть, а надъ нравами удивительную силу имѣетъ. Никто, и ничто не можетъ насъ удержать отъ почитанія добродѣтельнаго человѣка. Добродѣтельные дни всей его жизни, и примѣрные поступки великую помочъ подаютъ къ содержанію людей въ должности ихъ. Добродѣтель во всякомъ чинѣ и состояніи свѣтскомъ исполнять можно. Эта отговорка очень худа, будто частыя препятства нѣкотораго чина отъ порядо-

чнаго

чнаго житья и отъ добрыхъ поступокъ человѣка удерживаютъ, или совсѣмъ увольняютъ. Ежелибъ (на примѣръ) всю свою жизнь за отечество полагающіе военные люди дѣлали сіе во угожденіе *Богу*, тобъ труды ихъ весьма важны и великаго почтенія достойны были. Но они мало о томъ думая, чинъ свой за такое свободное состояніе признаютъ, въ которомъ (де) всякіе непорядки, не опасаясь за нихъ наказанія, дѣлать можно. Напротивъ того по не поколебимымъ правиламъ святаго Евангелія живущій добродѣтельной Христіянинъ простъ, (не хитръ и не лукавъ,) полнъ правды, добросердечія, и всякой искренности наполненъ. Онъ свои дѣла на страхѣ *Божіи* утвердивши, грѣхъ и беззаконіе въ крайнемъ омерзѣніи имѣетъ; а такого ничего не дѣлаетъ, что нѣжную и чистую его совѣсть повредить, или отъ людей справедливое порицаніе принесть ему можетъ. На сію степень совершенства безъ труда притти не возможно. Человѣкъ къ сему труду долженъ себя принуждать, вѣдая, что душа тогда уставши въ разслабленіе приходитъ, когда ей противъ роскошей храбро воевать. Но спокойство совѣсти приноситъ ей вмѣсто того другую радость, которая за главное награжденіе добродѣтели праведно почитается. Что сего состоянія лучше быть можетъ, когда совѣсть ни въ чемъ человѣку не зазритъ? Ежели мы въ надлежащемъ

своемъ состоянiи, то по благости *Божiей* такую внутреннюю радость вкушаемъ, которой никакiя чувственныя забавы и роскоши принесть не могутъ. Буде же человѣкъ изъ надлежащихъ границъ состоянiя своего выступитъ, то печаленъ и задумчивъ станетъ, самъ не вѣдая для чего. Дѣйствительное искусство, или самая практика то намъ кажетъ, что совѣсть добрую, а сердце чистое имѣющiе люди всегда веселы и всѣмъ довольны. Напротивъ того удовольствiе свое въ не позволенныхъ забавахъ находящiе происходящими отъ нихъ угрызенiями весьма часто мучатся. Достовѣрной писатель объявляетъ: Въ духовной радости не видно какъ время течетъ, и часы летятъ; а въ печали и въ болѣзни всякая минута за часъ кажется. Сiя долгота времени духу человѣческому весьма тяжка. Почтиниодного такого человѣка не сыщешь, которой бы между многими страстьми и пороки своими какой нибудь добродѣтели не имѣлъ. Только сущему Христiянину и честному человѣку того не довольно, чтобы такову добродѣтельному быть, какъ Сократу, Эпиктету, и Солону: но о достиженiи вышняго совершенства стараться надлежитъ. Человѣческiя добродѣтели, а именно, снизходительство, прiязнь, ласка, усердiе ко оказанiю благодѣянiя, и склонная прiемность въ свѣтскомъ обхожденiи изрядные свойства, но ко исполненiю

ненію Христіянскихъ должностей еще больше того надобно. Однѣ эти добродѣтели воздаянія вѣчныхъ благъ конечно не принесутъ, да еще многое къ нимъ требуется. Которые люди въ противность вѣрѣ поступаютъ, тѣ предпріятіямъ своимъ извѣстное правило имѣютъ. Кто святой вѣры за основаніе всѣмъ своимъ поступкамъ не полагаетъ, у тѣхъ людей правды и добросердечія во многомъ не достаетъ, а за тѣмъ и все ихъ основаніе колеблется. Свѣтскихъ правилъ на содержаніе себя въ такихъ важныхъ и нѣжныхъ случаяхъ отнюдь не довольно, въ которыхъ люди безъ поврежденія чести и славы своей отъ правды отстать не могутъ. Человѣку всегда и во всѣхъ случаяхъ нраву и должности его съ честію послѣдовать за тѣмъ не льзя, что обѣ эти вещи рѣдко когда межъ собою въ согласіи бываютъ. Большая часть человѣческихъ склонностей самолюбіемъ, да вожделѣніями весьма испорчены. Онѣ власно какъ черви во всѣ наши дѣла вползаючи, на подобіе яблокъ, сливъ, грушъ, и другихъ древесныхъ плодовъ дѣла человѣческія насквозь проѣдаютъ. Любовь есть душа всѣмъ дѣламъ истиннаго Христіянина и честнаго человѣка. Ее Апостолъ Святый Павелъ въ первомъ своемъ посланіи къ Коринѳяномъ сими словами описываетъ: Любы долго терпитъ, милосердствуетъ, не завидитъ, не превозносится, не гордит-

ся,

ся, не безчинствуетъ, не ищетъ своя си, не раздражается, не мыслитъ зла, не радуется о неправдѣ, радуется же о истиннѣ; вся любитъ, всему вѣру емлетъ, вся уповаетъ, вся терпитъ, любы николиже отпадаетъ. Она всегда и всѣмъ людямъ добро дѣлать склонна съ ущербомъ своихъ интересовъ и забвенїемъ собственной пользы. Турецкому Султану представляли, что великая его щедрость мѣру и границы превосходитъ. Онъ имъ на сїе отвѣчалъ: Источникъ любви никогда не исчерпается; а *Богъ* давши мнѣ такъ великое богатство, спроситъ у меня отвѣта, удѣлялъ ли я изъ него бѣднымъ и не имущимъ? Сей разумной и великодушной отвѣтъ не только мудраго мусульмана, но сущаго Христїянина и честнаго человѣка въ самой правдѣ достоинъ. По Апостольскому Святаго Павла ученїю не довольно того, чтобъ друзьямъ, или сродникамъ своимъ благодѣтельствовать, но и врагамъ своимъ добро дѣлать надобно, простя имъ озлобленїя, и оставя долги ихъ, что Спаситель мїра и самъ повелѣваетъ. Хотя первое правило естественнаго закона въ стыдѣ и въ безчестїи жить человѣку не дозволяетъ, только онаго на удовольствїе ненависти, гордости и мщенїя употреблять не должно. Отцы, да господа въ нужномъ наказанїи дѣтей и подчиненныхъ своихъ съ великою осторожностью поступать должны, по слову Апостольскому. Родителїе, не раздра-

дражайте чадъ своихъ, да не унываютъ. А господамъ всю власть свою на исполненїе безмѣрной жестокости къ подчиненнымъ употреблять тѣмъ опаснѣе, чтобы подданные во огорченїе пришедши, возмущенїя не учинили. Дѣйствительное исполненїе мудрости и воздержанїя къ житїю Христїянскому, такъ и обхожденїю въ свѣтѣ не обходимо нужно. Обѣ эти добродѣтели учатъ Христїянъ тому, чтобы прощать вредящихъ и прогнѣвающихъ насъ. Ихъ руководствомъ привыкаетъ человѣкъ къ терпѣливому сношенїю пороковъ, и безпокойныхъ нравовъ обходящихся съ нимъ людей. Въ гражданскомъ житьѣ рѣдко человѣкъ способы имѣетъ ко оказанїю героичной любви, по примѣру древняго въ Гасконїи игумена Флери, которой увидя, что два шляхтича на шпагахъ бьются, бросился между ими, чтобъ ихъ рознять, только отъ одного не умышленно, и въ первомъ жару злобы на соперника его шпагою насквозь проколотъ. Симъ способомъ за любовь Христїянскую такуюжъ мученическую смерть принялъ, какъ за вѣру. Чѣмъ болѣе бы любви на свѣтѣ было, тѣмъ прїятнѣе бы жизнь человѣческая была. Другъ бы другу въ нуждахъ взаимную помощь, а въ печалѣхъ утѣшенїе подавалъ. Кто искреннаго и вѣрнаго друга имѣетъ, тотъ по особливому своему щастью безцѣнное себѣ сокровище нашелъ. Только эти друзья также рѣдки, какъ птица фениксъ, которая въ

пять сотъ, или въ тысячу лѣтъ одинождъ кажется. Люди по природѣ своей къ любленію корыстей склонны, легкомысленны и не постоянны, а особливо на языкъ не воздержны. Отъ этой невоздержности иногда такія слова изо рта ихъ вылетаютъ, о которыхъ они сами вѣчно жалѣютъ, а другіе за то во всю жизнь на нихъ злобятся. Воздержаніе языка великая добродѣтель. Кто по причинѣ съ разумомъ и скромностью молчитъ, тотъ, по слову Платонову, за премудрѣйшаго почтенъ быть долженъ. Ударъ не воздержнаго языка въ одно мгновеніе ока не исцѣльныя раны сердцу человѣческому дѣлаетъ. Лучшую славу вредитъ, или на послѣднюю мѣру умаляетъ. Возбуждаетъ споры, а притомъ не угасимой пламень вѣчныхъ ссоръ и браней возжигаетъ. Кто безъ разсужденія на вѣтеръ говоритъ, тотъ возмутитель сожитія гражданскаго. Грѣшитъ противъ Христіянскаго закона, и противъ той любви, которая вѣрѣ Христовой душа и основаніе. Всякъ отъ такихъ людей какъ отъ моровой язвы бѣгаетъ. Ничего важнаго передъ ними не говоритъ, и не дѣлаетъ, дабы кого не оболгали, или бы злымъ ядомъ языка своего не уязвили. Разговоры въ обыкновенныхъ собраніяхъ у Христіянъ со святостью вѣры ихъ отнюдь не сходны. Развѣ чрезъ десять лѣтъ одинождъ это услышишь, чтобы въ компаніи о *Богѣ*, также о святомъ Его законѣ, или бы о вещахъ

до

до блаженной жизни касающихся разговоры зашли. Отъ сего-то дѣлается, что едва не всѣ свѣтскія компаніи скучны и противны. Весьмаоъ это дико и странно было, ежелибы кто въ житейскихъ съѣздахъ, (асамблеи) о вещахъ божественныхъ, или о нравоученіи говорить зачалъ. Это бы слушающимъ Христіянамъ меньше четверти часа скучивши, противнымъ здѣлалось; а въ томъ уже имъ гораздо больше веселья и забавы, кто свѣтскія сказки и кощунства сказывать, или женъ ругать станетъ. Главная должность истиннаго Христіянина и честнаго человѣка состоитъ въ благотвореніи нищимъ, и требующимъ у него помощи во время власти и силы его. Правила житія гражданскаго въ этомъ пунктѣ весьма согласны съ правилами вѣры Христовой, которая особливою заповѣдью богатыхъ обязуетъ къ подаянію милостины нищимъ, и ко удѣленію части имѣнія своего бѣднымъ людямъ. Имъ на мнимую строгость сей божественной заповѣди отнюдь жаловаться не надлежитъ, когда только въ совѣсти своей прилѣжно разсмотрятъ, какъ они того не достойны, что *Богъ* толь милосердо съ ними поступаетъ. Ежелибъ правосудный Господь изволилъ сихъ богачей въ крайнее убожество привесть, тобъ они въ то время весьма иныя мысли о убожествѣ имѣли. Законъ обязуетъ ихъ къ подаянію отъ избытка; а яснѣе сказать, отъ излишества имѣнія ихъ,

но

но и то въ крайней нуждѣ, или въ бѣдѣ ближняго. Избытокъ по естественному разсужденію заключаетъ въ себѣ излишество, или остатокъ отъ нужнаго въ жизни, также отъ росходовъ по чину и по состоянію своему. Фельдмаршалъ, Губернаторъ, Кардиналъ, Сенаторъ, Генералъ, а по нихъ уже и прочіе какъ военнаго, такъ и статскаго чина люди, каждой по рангу и по состоянію своему, да еще по сходству съ честью и благопристойностью его, только безъ роскоши, безъ пагубныхъ прихотей, и безъ всякаго тщеславія жить долженъ. Хотя старой законъ и не таковъ совершенъ, какъ Новой Завѣтъ; однако Моисей людямъ Израилевымъ такую заповѣдь любви предалъ: Аще кто отъ братіи вашей въ нищету впадетъ, да не ожесточите сердецъ вашихъ, и да не затворите руку вашею: не отверзите десницы ваша нищу и убогу. Эти законодавца и Пророка слова ясно кажутъ, что сердце и рука суть два первѣйшія орудія милостины и щедротъ. У кого сердце жестоко, у того и рука зжата; а кто къ сожалѣнію о бѣдныхъ склонное сердце, тотъ и къ поданію имъ растворенную руку имѣетъ. Щедрые и великодушные люди на бѣдность и убожество ближнихъ безъ жалости и безъ умиленія смотрѣть не могутъ, тужъ самую болѣзнь и печаль сердечную единодушно съ ними чувствуютъ. На многихъ мѣстахъ Священнаго Писанія видно, что милостина и вѣра очи-

щаетъ

щаетъ грѣхи. О семъ никто изъ Христіянъ сомнѣваться не можетъ. Милостину должно давать со оказаніемъ къ убогому жалѣтельной благости. Иные люди дѣлаютъ сіе лицемъ грубымъ, и такимъ гордымъ голосомъ, власно какъ бы со гнѣвомъ и съ неудовольствомъ подавали. Не лучшель къ щедрому даянію такое милостивое слово присовокупить, которое нищему иногда лучше самой милостины бываетъ? Кто милостину даетъ для суетнаго тщеславія, того милостина предъ *Богомъ* ничто за тѣмъ, что она отъ гордости происходитъ. Временемъ и природа дѣйству благодати много помогаетъ. Легкаго, а къ принятію ученія способнаго нрава человѣкъ, ко всякимъ добродѣтелямъ склоннѣе другихъ людей. Нѣкоторые нравы съ природы такъ строптивы, что всякому добру противятся. По сему можно заключить, что человѣку кромѣ бѣгства и удаленія отъ такихъ дѣлъ и вещей, кои его въ забвеніе должности своей приводятъ, самому себя охранить отнюдь не возможно. Обращеніе отъ грѣховъ есть возвратъ души отъ такой вещи, въ которой она грѣховною силою и пагубною любовью прилѣпилась для возвратнаго присоединенія ко Творцу и *Богу* своему, котораго душа человѣка оставя, къ собственной погибели забыла. Природа ветхаго человѣка на это разлученіе съ великимъ упорствомъ отваживается, за тѣмъ что она чрезъ сіе лишается удо-

Щ вольства

вольства въ наслажденіи тою вещью, съ которою духъ истинны принуждаетъ душу разлучиться. Каково желаніе ни сильно, только человѣкъ ему противиться можетъ. Тотъ противъ своей совѣсти и противъ собственнаго искусства поступаетъ, кто говоритъ, будто ему иначе дѣлать, и съ тѣми пріятными вещьми разстаться не льзя, къ которымъ его сердце такъ сильно прилѣпилось. Кто въ такое состояніе своею проступкою придетъ, тотъ будетъ въ своевольной невозможности ко исполненію той добродѣтели, которая противится страсти его. Человѣку послѣ того къ выходу изъ сего заблужденія и бѣднаго состоянія еще способъ есть, ежели онъ вспомня *Бога*, и раскаявшись о грѣхахъ своихъ, начнетъ просить святой Его помощи. Буде же сего не учинитъ, то за своевольное небреженіе и за происходящія отъ онаго худыя слѣдства тѣмъ болѣе осудится. Человѣку того не довольно, чтобъ злыхъ пороковъ убѣгать, да безопаснаго пути искать надобно. Здравой разумъ человѣку отъ сомнительной и двоякой дороги удаляться, а вмѣсто ее прямымъ и надежнымъ путемъ итти повелѣваетъ. Мы ко исполненію свойственныхъ нашему состоянію добродѣтелей нужные способы всегда имѣемъ. Мыжъ еще внутреннимъ и такимъ преестественнымъ свѣтомъ просвѣщены, которой отъ *Бога* всякому Христіянину дается. Ежели сія благодать *Божія* никакого сопротивле-

ніл

нїя отъ злой воли человѣческой не имѣетъ, то желаемое дѣйство въ душѣ нашей совершенно производитъ. По сему человѣкъ самъ въ томъ виноватъ, ежели свойственныхъ чину своему добродѣтелей рачительно не исполняетъ. Дѣйство благодати зависитъ отъ того намѣренїя, какое мы о причинахъ страстямъ нашимъ имѣемъ. Дѣйствующая въ насъ благодать *Божїя* всегда человѣка къ доброму склоняетъ, и произволенїе къ тому даетъ. Только часто случается, что человѣкъ при одной доброй волѣ и остается, а ничего добраго не дѣлаетъ. Сему употребленїе на зло своей воли и природной склонности главная причина. Сїе-то пресѣкаетъ въ насъ изобильной источникъ благодати *Божїя* въ наказанїе за нѣкоторые грѣхи. Блаженный Августинъ пишетъ: Ежели человѣкъ побуждающимъ его движенїямъ дѣйствующей въ немъ благодати рачительно послѣдуетъ, то долженъ благодарить *Бога* за склоненїе воли нашей къ хотѣнїю добраго, котораго мы безъ благодати и безъ помощи *Божїей* желать не въ состоянїи. Ежели борющая человѣка мысль къ злому клонитъ, то надобно сильное сему сопротивленїе учинивши, противныя тому мысли въ голову взять на отвращенїе мнѣнїя ласкающаго насъ такими вещьми и причинами, которыя сердце человѣческое скоро прельстить могутъ. Но люди о заглажденїи такъ скучныхъ и грѣшныхъ мыслей не только не

 стараютъ-

стараются, да еще добровольно во оныхъ пребываютъ, не разсуждая тѣхъ худыхъ слѣдствъ, которыя изъ сего небреженія произойти могутъ. Больше всего надлежитъ убѣгать присутствія тѣхъ страшныхъ лицъ, которыя человѣку такъ безпокойныя и столь вредныя мысли принесть могутъ. Человѣкъ безъ удаленія и бѣгства отъ причинъ возбуждающихъ въ немъ внутреннее безпокойство ни коими способы отъ страстей избавиться и свободить себя не можетъ. По сему слабости такихъ людей и удивляться не надобно, которые чувствамъ своимъ полную волю даютъ все видѣть и все слышать. Которые люди всю жизнь свою провождаютъ въ безщастной перемѣнѣ грѣха и добродѣтели, тѣ сожалѣнія достойны. Хотя они кротки, воздержны, трезвы и трудолюбивы, только во время жестокаго своенравства въ великое невоздержаніе и въ различныя страсти впадаютъ. Всѣ они по склонности, а не отъ благаго произволенія добродѣтельны. Ежели кто частымъ паденіемъ ихъ упрекнетъ, тому они отвѣчаютъ: Мы къ добродѣтели всегдашнее усердіе имѣемъ, а случающіяся погрѣшенія наши отъ естественной слабости происходятъ. Которому человѣку совѣсть въ какомъ нибудь важномъ грѣхѣ зазритъ, тотъ долженъ того же часа сіе погрѣшеніе за крайнее озлобленіе *Бога* справедливо признавать, за тѣмъ что Христіянамъ въ такомъ подозрительномъ и своевольномъ со-

состояніи

стоянїи долго быть не позволено. Страхъ *Божїй*, а при немъ болѣнїе или набожная печаль о учиненномъ прогнѣвленїи Творца нашего долженъ смѣшанъ быть съ такою надеждою и любовїю, какову дѣти ко отцамъ своимъ имѣютъ. Рабской страхъ Христїянамъ не пристоенъ. Тотъ человѣкъ не обыкновенную болѣзнь чувствуетъ, кто грѣхъ свой для того въ крайнемъ омерзѣнїи имѣетъ, что *Богу* ненавистное беззаконїе на творящаго оное грѣшника гнѣвъ съ наказанїемъ отъ Создателя неизбѣжно привлекаетъ. Нѣкоторой Богословъ написалъ: Отъ страха неминуемаго наказанїя *Божїя* начинаетъ обращенїе грѣшниковъ. Хотя страхъ сїе обращенїе устрояетъ, только не совершаетъ, ежели притомъ любви и правды *Божїя* нѣтъ. Кто грѣхъ свой для того оставляетъ, что геенскимъ огнемъ вѣчно горѣть боится, тотъ человѣкъ не грѣшить, да горѣть страшится. Онъ бы и еще грѣшилъ, ежелибъ вѣдалъ, что за грѣхи наказанїя ему не будетъ. И такъ сердце его ко грѣху всегда привязано. Человѣку ни малой въ томъ пользы нѣтъ, чтобы всѣ грѣхи свои на перечотъ знать. Это знанїе ниодного грѣха во вѣки не загладитъ. Жалѣнїе съ соболѣзнованїемъ о минувшемъ прогнѣвленїи *Бога* должно подкрѣплено быть не поколебимымъ намѣренїемъ о совершенномъ оставленїи злыхъ дѣлъ и худыхъ обычаевъ своихъ. Истинное сокрушенїе сердца ни отчаянїемъ, ни упрямою болѣзнью быть не

должно, дабы душа подъ сею тягостью печали упрудясь, въ опасное уныніе не пришла. Что грѣшники долго не обращаются, и отъ жестокаго мученія чувствъ сами себя не освобождаютъ, сему-то главная причина, что они отъ такихъ вещей отстать не хотятъ, которыя вѣчнымъ закономъ запрещены. *Богъ* на обращеніе грѣшниковъ не всякой день чудеса творитъ. Онъ бы по всемогуществу своему всѣхъ ихъ очистя, человѣка избавить могъ, токмо всю власть и силу свою рѣдко на сіе употребляетъ, а особливо для разумнаго созданія. Всемогущій Творецъ тайныхъ судебъ и непостижимыхъ путей своихъ намъ тлѣннымъ тварямъ открывать за потребно не разсудилъ. Для того Онъ насъ вѣрою водитъ, а притомъ отъ Христіянъ совершеннаго покоренія святой волѣ своей требуетъ. Напрасно трудится въ сисканіи способовъ къ познанію и ко изслѣдованію такихъ вещей, которыя уму тлѣннаго человѣка совсѣмъ не постижимы. Отъ сихъ надъ мѣру любопытныхъ сисканій премножество людей погибло. Намъ должно вѣрить безъ ухищренныхъ разсужденій, для того что на непоколебимой вещи ни Геометрическихъ доводовъ, ни Математическихъ доказательствъ отнюдь не требуютъ, но всѣ премудрѣйшія разсужденія смертнаго человѣка несказанно превосходятъ. Умному человѣку лучше сего способа нѣтъ, какъ часто о себѣ разсуждая, то разсматривать, откуда онъ пришелъ,

шелъ, куда пойдетъ, и за чѣмъ на такое малое число дней въ свѣтъ родился? Не давать ли ему отвѣта Творцу своему о всѣхъ во временной жизни учиненныхъ дѣлахъ своихъ? Не въ лѣности ль и не во грѣхахъ ли все житіе свое проводилъ? Не долженъ ли былъ всякой отъ вѣры проповѣдуемой правды слушать ради основанія на семъ святомъ ученіи своей временной, а для полученія безсмертной жизни въ царствѣ небесномъ? Которые люди сей во вѣкъ пребывающей истинны Господни не познали, и свѣтомъ святаго Евангелія не просвѣщены, тѣ безъ сомнѣнія скорѣйшее извиненіе получатъ, толькожъ противъ того за употребленіе воли своей на зло скорѣе другихъ и осуждены быть могутъ. Грѣшащимъ отъ всевидящихъ очей *Божїихъ* укрыться нигдѣ и никакъ не возможно. Напрасно они темноты и уединенія ищутъ. Напрасно такою суетною надеждою себя прельщаютъ, будто за грѣхи наказанія не будетъ. Во всякой истиннѣ непреклонный всеправеднѣйшій Судія въ такіе часы человѣка наказать можетъ, когда мы о томъ и не думаемъ. *Богъ* [по слову мудраго писателя] весьма противныя бѣдному разуму человѣческому дѣла творитъ. Премудрѣйшій Творецъ удѣляетъ благодать свою грѣшникамъ, а они ее на зло употребляютъ. Вопреки тому добродѣтельнымъ людямъ сїю благодать свою отрекаетъ, которые бы и безъ этой милости Его изобильной плодъ принесть могли. Есть такіе люди, что до старости

 добро-

добродѣтельно живутъ, а наконецъ погибаютъ. Вопреки тому другїе чрезъ весь свой вѣкъ грѣшатъ, а кончину блаженную получаютъ, по праведному слову разумныхъ стариковъ. Грѣшнику праведничья, а праведнику грѣшничья смерть. О сей-то не постижимой тайнѣ болѣе всего со Апостоломъ святымъ Павломъ сказать должно: О! глубина богатства, премудрости и разума *Божїя*, яко испытаны суть путїе, и не изслѣдимы судьбы Его. Никакой разумъ человѣческой о семъ не постижимомъ и чудномъ дѣлѣ *Божїи* разсуждать не можетъ, понеже вся благая приходятъ намъ отъ *Бога*, а и злая равнымъ образомъ отъ Его же святой и всесильной десницы низпосылаются, то за благая должно намъ Его благодарить, а злая съ совершеннымъ врученїемъ себя святой Его воли великодушно принимая, терпѣливо нести надлежитъ. Эти самыя бѣды суть наказанїе милостиваго и любящаго Отца Небеснаго. Онъ симъ жестокимъ опытомъ хочетъ насъ учинить достойныхъ воздаянїя Его. Бѣды и печали терпящему ни малой пользы безъ того не будетъ, ежели онъ сего состоянїя своего добровольнымъ терпѣнїемъ и совершеннымъ себя врученїемъ въ волю *Божїю* заблаговременно не посвятитъ. Чѣмъ больше нѣкоторые люди въ нещастїе приходятъ, тѣмъ болѣе грѣшатъ. Злополучїе такъ ихъ противъ *Бога* вооружаетъ, что отъ нетерпѣливости ропщучи на *Бога* хулу возлагаютъ вмѣсто поклоне-

нїя

нія той рукѣ, которая ихъ праведно наказуетъ. Только симъ грѣшнымъ ропшантемъ всѣ тѣ плоды теряютъ, которые бы они за терпѣніе свое получить могли. Болѣзнь лучшая школа ко отвлеченію человѣка отъ злаго и прелестнаго свѣта, такъ же на приведеніе грѣха въ крайнее омерзѣніе человѣку, для того что немощь все будущее весьма близко намъ кажетъ. Въ то время никакая вещь страстей нашихъ не возбуждаетъ, и причинить ихъ не можетъ. Вся благая на свѣтѣ человѣку не чувствительны, и за тѣмъ противны, что ему скоро съ ними разставаться. Тутъ человѣкъ лучше увидитъ, что ему на всѣ тлѣнности положиться не возможно, которыхъ смерть въ короткое время всѣхъ насъ лишаетъ. Какое бы нещастіе по волѣ и допущенію Отца Небеснаго на насъ ни пришло, только оное со благодареніемъ принимать, и больше всего тому радоваться надлежитъ, что совѣсть наша ни въ чемъ намъ не зазритъ. Спокойство совѣсти и чистота сердца верьховнѣйшее и лучшее благо. Хотябъ человѣку по смерти за добродѣтель его никакого возданія не было, однако ее за одно отъ нея душе и сердце разумнаго человѣка происходящее удовольство искренно любить и усердно почитать должно. О семъ всякъ въ добродѣтели искусившійся откровенно признается. Ежелибъ за грѣхи никакого наказанія не было, [чему статься не льзя],

 только

только одно угрызеніе совѣсти всегдашнее человѣку безпокойство и всечасная мука на здѣшнемъ свѣтѣ. Какому нибудь грѣху предавшійся человѣкъ безчисленно печальными разсужденіи всякой часъ себя мучитъ: а сіе точащему дерево червю подобное безпокойство до тѣхъ поръ человѣку отрады не даетъ, пока онъ хотя малой остатокъ страха *Божїя* имѣя, въ пагубномъ грѣхѣ своемъ совершенно не одеревенѣетъ. Которые люди по внѣшнему [наружнїй] виду спокойными себя кажутъ, тѣхъ сердца внутренними угрызеніи съѣдаются. Хотя они во всякїя забавы вдаются, и безпокойныхъ дѣлъ ищутъ для прогнанія сихъ въ память къ нимъ проходящихъ угрызеній, только на успокоеніе совѣсти единой способъ имѣютъ, а именно: утвержденіе злыхъ обычаевъ и примиреніе съ добродѣтелью. Есть такіе люди, что во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ успѣваютъ, и все по ихъ желанію происходитъ, что не всякъ и вѣдать можетъ; а ежели самаго начала со источникомъ благополучїю ихъ поискать, то найдется, что добродѣтели или милостины ихъ сіе небесное благословеніе на нихъ привлекаютъ. Временемъ и отеческія милостины съ добрыми дѣлами причиною благоденствія дѣтей ихъ бываютъ. Это дѣтямъ лучше великаго наслѣдія, которое бы имъ отецъ ихъ оставить могъ. Молитва и милости-

на

на никогда предъ *Богомъ* не остается. Всемогущій Творецъ съ вѣрою молящихся Ему всегдашнимъ милосердіемъ слышитъ. Хотя просимое ими не всегда подаетъ, только силу прозьбы ихъ, то есть, священіе и успѣхъ въ добродѣтеляхъ щедротно имъ дарствуетъ. Ты жалуешься о томъ, будто *Богъ* молитвы твоей не слышитъ, и по оной желанія твоего не исполняетъ, а можетъ статься, что еще и самъ ты въ томъ виноватъ. Вѣдаешь, что *Бога* духомъ и истинною, то есть, смиреннымъ и сокрушеннымъ сердцемъ съ надеждою и съ не утомленнымъ постоянствомъ молить должно. Хотябъ ты на угожденіе *Богу* всѣ свои силы употреблялъ, а Его святая воля на то придетъ, дабы тебя чѣмъ либо опечалить, то всесильному произволенію *Божію* смиренно покаряйся. Симъ единымъ способомъ приходитъ сила и бодрость къ сношенію чувствительнѣйшихъ бѣдъ и печалей нашихъ. Не въ томъ добродѣтель, чтобы человѣку въ приходящихъ на него бѣдахъ и напастяхъ ни малаго знаку прискорбности не казать, но еще и благопристойность отъ того зависитъ, дабы человѣку по состоянію его и мнѣніе свое учреждать. Часто сіе случается, что кому было насъ въ болѣзняхъ и въ печаляхъ нашихъ утѣшать, тѣ горшую намъ печаль, скорбь и болѣзнь причиняютъ. Друзья и сродники печалятъ человѣка не при-

не пристойными упреканіями и малоумными выговоры своими въ то самое время, когда намъ въ помощи и во утѣхѣ ихъ наибольшая нужда. Добродѣтель терпѣливаго Христіянина и честнаго человѣка не въ глупой лѣности. Есть такія злополучія, въ которыхъ никакому человѣку не чувствительну быть не можно. *Богъ* намъ не только болѣзни и печали свои чувствовать, но и слезы о нихъ проливать позволяетъ; а при семъ желаетъ того, дабы мы на подобіе такихъ дѣтей плакали, которые о согрѣшеніяхъ своихъ сердечно жалѣютъ. Терпѣніе съ совершеннымъ волѣ и опредѣленіямъ Всемогущаго *Бога* повиновеніемъ, и наружные виды другихъ добродѣтелей могутъ очи не прилѣжно смотрящаго на нихъ человѣка скоро обмануть. Ложная добродѣтель съ прямою добродѣтелью не малое сходство имѣетъ; а такихъ людей очень не скоро узнаешь, которые лицемѣрствомъ своимъ добродѣтельныя души обманывать хотятъ. Есть такіе ханжи, что себя добродѣтельными и весьма набожными кажутъ, а въ самомъ дѣлѣ только временно, по случаю и по нраву своему малѣйшую часть добродѣтели имѣютъ, но и ту по состоянію дѣлъ своихъ хитрыми способы въ дѣйство производятъ. Истинному Христіянину и честному человѣку не поколебимое основаніе чести и добродѣтели имѣть должно. Онъ свою добродѣтель не для притворства, ниже упрямствомъ, смо-

тря

тря на такихъ людей употребляетъ, кои по народному разсужденію поступаючи, въ домахъ своихъ весьма иное, нежели передъ глазами смотрящихъ на себя дѣлаютъ, а путемъ истинной добродѣтели ходящіе мужи добрыя дѣла свои не для того исполняютъ, чтобы всѣ видящіе ихъ хвалили. Лицемѣры одно внѣшнее украшаютъ, а добродѣтель только за происходящую о ней славу притворно почитаютъ. Милостину даютъ для суетнаго тщеславія, а въ разныя церкви за тѣмъ часто молиться ходятъ, чтобъ люди ихъ видя, за набожныхъ почитали. Иные бы люди съ природы добродѣтельны были, ежелибъ прямо и явно къ добродѣтели приставать смѣли, но у нихъ столько отваги и великодушія нѣтъ. Отъ свѣтскихъ разговоровъ усумнѣвшись, боятся того, чтобъ люди надъ ними смѣяться не стали, когда увидятъ, что они нѣкоторыя добродѣтели дѣйствительно исполняютъ. Ежели про ближняго злословіе, или о вѣрѣ не почтительные разговоры услышатъ, то въ защищеніе оныхъ ничего сказать не смѣютъ, а сею робкою молчаливостью творятъ себя участниками грѣховъ беззаконныхъ ругателей святой вѣры. Гораздо человѣку лучше по мнѣнію и примѣру добродѣтельныхъ, нежели по грѣшному совѣту развращенной свѣтской мудрости безразсудно поступать. Честной человѣкъ никогда лгать не долженъ, какая бы ему отъ того польза ни была. Онъ ни ласканіемъ,

ни похлебствомъ не принадлежащей ему чести отнюдь не похищаетъ. Истинной Христїянинъ одними нравоучительными, [то есть на словесной проповѣди слышанными, и въ книгахъ читаными] добродѣтельми въ надлежащее совершенство притти не можетъ. Вѣра *Христова* весьма иныя и несравненно сильнѣйшїя добродѣтели ему предписываетъ, а именно: прощенїе озлобляющихъ и непрїятелей. Терпѣнїе и умерщвленїе чувствъ. Истинное не во внѣшнихъ и принужденныхъ видахъ притворной печали во время покаянїя состоящее сокрушенїе сердца. Кто по Христїянскому мнѣнїю истинно добродѣтельнымъ быть желаетъ, тому должно отставать, и всѣми силами себя отвлекать отъ любленїя свѣта съ прелестнымъ его богатствомъ, съ роскошьми, забавами, и со всѣмъ что въ мірѣ семъ есть, а вмѣсто того *Бога* сердцемъ и всею душею любить съ непрестаннымъ благодаренїемъ за всѣ Его безчисленныя благодѣянїя. Божество, истинну и святость Его не одними усты, по примѣру лицемѣрствующихъ Жидовъ, но истиннымъ и Христїянской горячести полнымъ сердцемъ хвалить. Хотя душа наша съ тѣломъ весьма тѣсно соединена, только часто съ нимъ ссорится, и оному жестокое сопротивленїе чинитъ. Духъ на плоть, а плоть на духъ воюетъ. Они подобны такимъ непрїятелямъ, которые растаться не хотятъ, и такъ чуднымъ друзьямъ, кои

вмѣстѣ

вмѣстѣ учиться не могутъ. Ежели мы то воздаяніе получить, и онаго удостоиться желаемъ, которое *Христосъ Богъ* нашъ святымъ Ученикамъ и Апостоламъ своимъ обѣщалъ, то возмутительную плоть нашу не только смирять, но по крайней возможности умерщвлять должны. Тому человѣку весьма праведно и достойно чувствительныхъ удовольствїй на земли себя лишить, кто истинныхъ и вѣчныхъ благъ на небеси удостоиться желаетъ. Своевольному нещастью противящаяся натура никогдабъ на оставленіе забавъ и на подверженіе себя болѣзнямъ не отважилась, ежелибъ великою надеждою подкрѣпляема не была. Это одному *Богу* свойственно и прилично, чтобъ людей въ несомнѣнномъ уповаnіи на святое Его слово къ отреченію самолюбія и всѣхъ сладостей въ настоящей жизни неволею принудить, ради полученія некончаемаго блаженства въ вѣчной жизни, которое человѣкъ единою вѣрою и надеждою постигаетъ. Въ лѣности, въ запрещенныхъ гульбахъ и въ разъѣздахъ жизнь свою провождающіе Христіяне, не по должностямъ святой вѣры своей, но по развращеннымъ правиламъ во грѣхахъ лежащаго свѣта очень худо живутъ. Симъ злымъ способомъ святость и чистота вѣры ихъ не чувствительно теряется, а надежда съ любовію Христіянскою отъ роскошей, отъ забавъ, отъ всякаго изобилія въ разслабленіе приходитъ. Христіяне чрезъ то въ невозможность

ность истиннаго обращенія сами себя ввергают. Лишеніе забав и роскошей есть истинной и прямой способ ко обращенію грѣшников. С сего-то пункта должны мы начинать обращеніе свое, не дожидаясь чрезвычайной благодати, которая весьма не многому числу избранных *Божїих* даруется. Кто имѣет великодушіе и отвагу ко умерщвленію чувств своих, тот пресѣкает источник страстей. Всякія добродѣтелям противящїяся препятства мужественно уничтожая, приводят себя в совершенное состояніе ко исполненію всѣх должностей истиннаго Христїянина и честнаго человѣка, так же к соединенію [удивительным собраніем] правил вѣры Христовой с правилами житїя гражданскаго.

